

УЧРЕДИТЕЛИ:

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
социологический факультет МГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ОСИПОВА Надежда Геннадьевна — доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, главный редактор, г. Москва, Россия, e-mail: ngo@socio.msu.ru, тел.: факс: 8 (495) 939-46-98

ЕЛИШЕВ Сергей Олегович — доктор социологических наук, профессор кафедры современной социологии, ученый секретарь социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, зам. главного редактора, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-59-61, e-mail: elishev@list.ru

НОВОСЁЛОВА Елена Николаевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, ответственный секретарь, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-24-05, e-mail: nauka@socio.msu.ru

ИЛЬИНЫХ Ольга Владимировна — сотрудник кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, редактор, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-08-54, +7 (903) 268-89-69, e-mail: ilinih@socio.msu.ru

БАРКОВ Сергей Александрович — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии и менеджмента социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 932-88-71, e-mail: socorgmen@yandex.ru

ВЕРШИНИНА Инна Альфредовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-21-37, e-mail: vershinina@socio.msu.ru

КАНЕВСКИЙ Павел Сергеевич — кандидат политических наук, доцент, заместитель декана по научной работе социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-24-05, e-mail: kanevskiy@socio.msu.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Антонов Анатолий Иванович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-50-60, e-mail: antonov_ai@mail.ru

Бабосов Евгений Михайлович — доктор философских наук, профессор, академик НАН Белоруссии, главный научный сотрудник Института социологии НАН Белоруссии, г. Минск, Белоруссия, e-mail: soccomsys@mail.ru

Вельц Франк — доктор социологических наук, профессор департамента социологии Инсбрукского университета имени Леопольда и Франца, г. Инсбрук, Австрия, тел.: +43 512 507 73405, e-mail: frank.welz@uibk.ac.at

Водопьянов Павел Александрович — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент НАН Белоруссии, профессор кафедры философии права УО “Белорусский государственный технологический университет”, e-mail: pva1940@bk.ru

Данилов Александр Николаевич — доктор социологических наук, профессор, член-корреспондент НАН Белоруссии, заведующий кафедрой социологии факультета философских и социальных наук Белорусского государственного университета, тел.: +375-17-259-70-41, e-mail: a.danilov@tut.by

Джаннотти Андреа — доктор политических наук, профессор, Департамент политических наук, Университет Пизы (Италия), e-mail: andrea.giannotti@sp.unipi.it

Ильхам Мамед-Заде — доктор философских наук, директор Института философии, социологии и права Национальной академии наук Азербайджана, г. Баку, Азербайджан, тел.: + 99412-439-34-61, e-mail: Ilham_mamedzade@mail.ru

Кеничи Охаша — профессор социологии и культурной антропологии департамента культуры и туризма Университета Риккью, г. Токио, Япония, тел.: +81-48-471-7447, e-mail: ohashik@rikkyo.ac.jp

Михайленок Олег Михайлович — доктор политических наук, профессор, руководитель отдела исследования социально-политических отношений Института социологии РАН, e-mail: trudsociol@isras.ru

Мchedлова Мария Мирановна — доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, e-mail: mchedlova_mm@rudn.university

Скворцов Николай Генрихович — доктор социологических наук, профессор, декан факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, председатель Социологического общества им. М.М. Ковалевского, г. Санкт-Петербург, Россия, тел.: +7 (812) 710-00-29, e-mail: n.skvortsov@spbu.ru

Смирнов Владимир Алексеевич — доктор социологических наук, доцент, проректор по стратегическим коммуникациям ФГБОУ ВО Костромской государственный университет, e-mail: kano_igt@mail.ru

Тай-Лок Луи — доктор философии, профессор, вице-президент Университета образования Гонконга, директор Академии гонконгских исследований, Гонконг, тел.: +852 2948 7220, e-mail: tlolkui@eduhk.hk

Фарро Антимо Луиджи — доктор социологических наук, профессор Римского университета “Сапиенца”, г. Рим, Италия, e-mail: antimoluigi.farro@uniroma1.it

FOUNDER

**Lomonosov Moscow State University;
Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University)**

Editorial Board

Editor-in-chief: Nadezhda G. OSIPOVA, Doctor of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-46-98, e-mail: ngo@socio.msu.ru

Associated Editor-in-Chief: Sergey O. ELISHEV — Doctor of Sociology, Professor of the Department of Modern Sociology, Scientific Secretary at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 939-59-61, e-mail: elishev@list.ru

Managing Editor: Elena N. NOVOSELOVA, Candidate of Sociology, Associate Professor of the Department of Sociology of Family and Demography at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-24-05, e-mail: nauka@socio.msu.ru

Editor: Olga V. ILINIY, phone: +7(495) 939-08-54, +7(903) 268-89-69, e-mail: iliniy@socio.msu.ru

Editorial board: Sergey A. BARKOV — Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Economic Sociology and Management at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 932-88-71, e-mail: socorgmen@yandex.ru

Inna A. VERSHININA, Candidate of Sociology, Associate Professor at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-21-37, e-mail: vershinina@socio.msu.ru

Pavel S. KANEVSKIY, PhD, Associate Professor, Associate Dean for Science at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 939-24-05, e-mail: kanevskiy@socio.msu.ru

Editorial council

Anatoliy I. Antonov, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Sociology of Family and Demography at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 939-50-60, e-mail: antonov_ai_@mail.ru

Evgeniy M. Babosov, Doctor of Philosophy, Professor, Academician of National Academy of Sciences of Belarus (NAS of Belarus), Chief researcher at the Institute of sociology of NAS of Belarus, Minsk, Republic of Belarus, e-mail: soccomsys@mail.ru

Alexander N. Danilov, Doctor of Sociology, Professor, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Head of the Department of Sociology Faculty of Philosophy and Social Sciences (Belarus State University), Minsk, Republic of Belarus, phone: +375-17-259-70-41, e-mail: a.danilov@tut.by

Andrea Giannotti, PhD in Political Science, Professor, Department of Political Science, University of Pisa (Italy), e-mail: andrea.giannotti@sp.unipi.it

Antimo L. Farro, Doctor of Sociology, Professor at the Department of Social and Economical Sciences (Sapienza University), Rome, Italy, e-mail: antimoluigi.farro@uniroma1.it

Ilham Mamed-Zadeh, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy, Sociology and Law of Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Azerbaijan, phone: + 99412-439-34-61, e-mail: Ilham_mamedzade@mail.ru

Maria M. Mchedlova, Doctor of Political Science, Professor, Head of the Department of Comparative Political Science, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN, e-mail: mchedlova_mm@rudn.university

Oleg M. Mikhailenok, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Department for the Study of Socio-Political Relations, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, e-mail: trudsociol@isras.ru

Kenichi Ohashi, Professor of Sociology and Cultural Anthropology at the Department of Culture and Tourism Studies (Rikkyo University), Tokyo, Japan, phone: +81-48-471-7447, e-mail: ohashik@rikkyo.ac.jp

Nikolai G. Skvortsov, Doctor of Sociology, Professor at the Department of Comparative Sociology (Saint Petersburg University), Saint Petersburg, Russian Federation, phone: +7 (812) 710-00-29, e-mail: n.skvortsov@spbu.ru

Vladimir A. Smirnov, Doctor of Sociology, Associate Professor, Vice-Rector for Strategic Communications, Kostroma State University, e-mail: kano_igt@mail.ru

Lui Tai-Lok, Doctor of Philosophy, Professor, Vice President of the Education University of Hong Kong, Director of the Academy of Hong Kong Studies, phone: +852 2948 7220, e-mail: tlolkui@eduhk.hk

Pavel A. Vodop'yanov, Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Professor at the Department of Philosophy and Methodology of Science (Belarusian State Technical University), Minsk, Republic of Belarus, e-mail: pva1940@bk.ru

Frank Welz, Doctor of Sociology, Professor at Innsbruck School of Social and Political Sciences, Department of Sociology (Innsbruck University), Innsbruck, Austria, phone: +43-512-507 -73405, -73420 (secretary), e-mail: frank.welz@uibk.ac.at

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 18

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Издательство Московского университета

№ 3 • Том 29 • 2023 •

ИЮЛЬ — СЕНТЯБРЬ

Выходит четыре раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

Социология здоровья

- Осипова Н.Г.** Цифровые манипуляции психическим здоровьем современной молодежи 7
- Лядова А.В.** Образ здоровья в дискурсе блогосферы: социологический анализ (Часть 1) 28
- Новосёлова Е.Н.** К вопросу о связи религиозности и здоровья 50
- Галкин К.А.** Стратегии адаптации пожилых людей в постковидное время в городе и в сельской местности 68

Политическая социология

- Елишев С.О.** Имперская государственность как основа успешного национального развития России (*Окончание*) 88
- Смолин М.Б.** Лев Тихомиров: этический монархизм и верховная власть 113
- Бредихин А.В.** К вопросу об этносоциальной идентификации в приграничье 134

Социология управления

- Гавриленко О.В.** Социальные технологии в эпоху “надзорно-го капитализма”: цифровизация и власть алгоритмов 145
- Юрасова М.В.** Обучение в бизнес-организациях. 166

Социология в Китае

- Ань Энъюй.** Влияние пандемии COVID-2019 на социальное потребление в Китае 197
- Ма Кэжоу.** Культурные аспекты китаизации марксизма 209
- Ли Чжожу.** Диалектика Си Цзиньпина и китайская модернизация: теория, особенности и практика 220

Moscow State University Bulletin

SCIENTIFIC JOURNAL

Established in 1946

Series 18

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

Publishing house of Moscow State University

N 3 • VOLUME 29 • 2023 •

JULY — SEPTEMBER

Four Issues per Annum

CONTENTS

Sociology of health

- Osipova N.G.** Digital manipulation of the mental health of modern youth..... 7
- Liadova A.V.** Health representation in the blogosphere: a sociological analysis (part 1)..... 28
- Novoselova E.N.** On connection between religiousness and health 50
- Galkin K.A.** Strategies of adaptation of older people in post-covid time in the city and in rural areas..... 68

Political sociology

- Elishev S.O.** Imperial statehood as the basis for successful national development of Russia (Ending)..... 88
- Smolin M.B.** Lev Tikhomirov: ethical monarchism and supreme power 113
- Bredikhin A.V.** On the issue of ethnosocial identification in the border area..... 134

Sociology of management

- Gavrilenko O.V.** Social technologies in the era of “supervisory capitalism”: digitalization and the power of algorithms. 145
- Yurasova M.V.** Education in business organizations. 166

Sociology in China

- An Enrui.** The impact of the COVID-2019 pandemic on social consumption in China 197
- Ma Kezhou.** The cultural meaning of Sinification of Marxism. 209
- Li Zhuoru.** Xi Jinping’s dialectic and Chinese modernization: theory, features and practice 220

СОЦИОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ

DOI: 10.24290/1029-3736-2023-29-3-7-27

ЦИФРОВЫЕ МАНИПУЛЯЦИИ ПСИХИЧЕСКИМ ЗДОРОВЬЕМ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ*

Н.Г. Осипова, докт. социол. наук, проф., зав. кафедрой современной социологии, декан социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234**

В данной статье актуализируются проблемы деструктивного, а именно — манипулятивного влияния коммуникаций в интернете на психическое здоровье российской молодежи, которые достаточно давно обсуждаются в специализированной литературе.

Автор подчеркивает, что в современном “цифровом” мире значимая роль средств массовой информации применительно к формированию массовых предпочтений, реакций, ценностных норм и представлений о реальной действительности во многом определяется информационными перегрузками, в условиях которых огромные массивы информации не поддаются структурированию и упорядочиванию простым обывателем. В результате в его сознании формируется своего рода информационный хаос, а в конечном счете, человек оказывается в плену сконструированных образов, которые создают новый мир, являющийся подобием подлинной реальности. Обозначенная тенденция во многом влияет на состояние психики молодых людей, влечет за собой развитие серьезных психических расстройств.

В статье на примере формирования представлений об “идеальном внешнем облике” и о “правильных параметрах тела” рассматриваются технологии манипулятивного влияния цифровых медиа на психическое здоровье молодежи, выделены ключевые механизмы и инструменты, продвигающие в обществе нездоровые идеалы внешней привлекательности. Подчеркивается, что значительный вклад в неудовлетворенность телом вносят установки на определенный тип женской красоты. Главными из них являются объективация и самообъективация — склонность отождествлять свое тело и личность, следить за физической привлекательностью в ущерб внутренним ощущениям и объективным показателям здоровья.

Под агрессивным манипулятивным медиавоздействием широкая распространенность неудовлетворенности нормальным, с точки зрения медицины,

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, грант № 23-28-01081. URL: <https://rscf.ru/project/23-28-01081/>

** **Осипова Надежда Геннадьевна**, e-mail: ngo@socio.msu.ru

телом, особенно среди подростков, девушек и молодых женщин, приобрела размах эпидемии. Данное обстоятельство приводит к спектру серьезных психических проблем, включая рост беспокойства и ожидания отвержения по признаку внешности, страха негативной оценки внешности окружающими и стыда по отношению к телу.

Автором на примере исследований проблематизации избыточной массы тела (тучности) показаны манипулятивные технологии, способствующие так называемой фэтстигматизации, а также устанавливается прочная связь между идеалом телесности, активно пропагандируемым цифровыми СМИ, и такими расстройствами пищевого поведения, как анорексия, булимия и непрерывные диеты. Особенности тревоги по поводу внешности включают чрезмерную озабоченность внешним видом и поведение, отнимающее много времени, чтобы скрыть или замаскировать мнимые недостатки, что в конечном счете приводит к серьезным психическим и поведенческим расстройствам.

Ключевые слова: молодежь, психическое здоровье, медиатизация, виртуализация общения, цифровые манипуляции, манипуляции телесностью, объективация, самообъективация, психические и поведенческие расстройства.

DIGITAL MANIPULATION OF THE MENTAL HEALTH OF MODERN YOUTH

Osipova Nadezda G., Doctor of Sociological Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: ngo@socio.msu.ru

This article actualizes the problems of destructive, namely, manipulative influence of communications on the Internet on the mental health of Russian youth, which have been discussed in specialized literature for a long time.

The author emphasizes that in the modern “digital” world, the significant role of mass media in relation to the formation of mass preferences, reactions, value norms and perceptions of reality is largely determined by information overload, in which huge amounts of information cannot be structured and ordered by a simple layman. As a result, a kind of informational chaos is formed in his mind, and ultimately, a person finds himself in captivity of constructed images that create a new world, which is a semblance of genuine reality. The indicated trend largely affects the state of the psyche of young people, entails the development of serious mental disorders.

The article examines technologies of manipulative influence of digital media on the mental health of young people by the example of the formation of ideas about the “ideal appearance” and about the “correct parameters of the body”, highlights key mechanisms and tools that promote unhealthy ideals of external attractiveness in society. It is emphasized that a significant contribution to dissatisfaction with the body is made by attitudes to a certain type of female beauty. The main ones are objectification and self-objectification — the tendency to identify one’s body and personality, to monitor physical attractiveness to the detriment of inner feelings and objective health indicators.

Under aggressive manipulative media influence, the widespread dissatisfaction with a normal body from the point of view of medicine, especially among adolescents,

girls and young women, has acquired the scope of an epidemic. This circumstance leads to a range of serious mental problems, including an increase in anxiety and expectations of rejection on the basis of appearance, fear of a negative assessment of appearance by others and shame towards the body.

The article presents studies that establish a strong connection between the ideal of physicality, actively promoted by digital media, and eating disorders such as anorexia, bulimia and continuous diets. Features of anxiety about appearance include excessive concern about appearance and time-consuming behavior to hide or disguise imaginary flaws, which ultimately leads to serious mental and behavioral disorders.

Key words: youth, mental health, mediatization, virtualization of communication, digital manipulation, manipulation of physicality, objectification, self-objectification, mental and behavioral disorders.

В настоящее время, как отмечают отечественные исследователи, “наблюдается явный перекося общественного внимания к современным технологиям, развитию экономической и других сфер жизни человека, которые могут принести ему благосостояние. При этом такой жизненный аспект, как здоровье... остается на втором плане”¹.

С одной стороны, очевидна активная законодательная деятельность правительства России в области охраны здоровья населения и особенно молодого поколения, что регулируется достаточным количеством Федеральных законов и Государственной программой Российской Федерации “Развитие здравоохранения”². С другой стороны, большинство правовых документов, касающихся сферы здоровья, направлено преимущественно на лечение заболевших людей³. При этом само понятие “здоровье населения” остается слабо концептуализированным несмотря на то, что в последние годы появились исследования не собственно здоровья, а его определений⁴.

Сложность научного определения понятия “здоровье”, будь то “здоровье индивидуума” (индивидуальное здоровье) или “здоровье населения” (общественное здоровье), во многом связана с тем,

¹ Гладышева А.А., Кантонист В.С. Здоровый образ жизни глазами современной молодежи // Молодая наука Сибири. 2022. № 2 (16). URL: <https://ojs.irkups.ru/index.php/mns/article/view/613> (дата обращения: 13.05.2023).

² Государственная программа Российской Федерации “Развитие здравоохранения”. Утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 26 декабря 2017 года № 1640 (в редакции, введенной в действие с 1 января 2023 года постановлением Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2022 года № 2161). URL: <https://docs.cntd.ru/document/556183184> (дата обращения: 15.05.2023).

³ Гафиагулина Н.Х. Здоровье молодежи российского общества: социологический анализ неблагоприятных тенденций // Вестник Института ИАЭ. 2016. № 1. С. 140.

⁴ См.: Осипова Н.Г. Социальное конструирование общественного здоровья // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 4. С. 119–141.

что эти понятия, которыми активно оперирует общественное сознание на обыденном уровне, являются социально заданными, а точнее — сконструированными, поэтому “не могут претендовать на абсолютную научную точность”⁵. В социальном аспекте здоровье или болезнь имеют свою реальность и свое значение, которые могут существовать лишь внутри культуры, опознающей их в качестве таковых, поскольку “критерием нормальности является соответствие взглядам социальной среды, в которую погружен индивид”⁶.

Общественное здоровье (здоровье населения) — это интегрированное выражение динамики индивидуальных уровней здоровья всех членов общества, которое отражает степень вероятности для каждого человека достижения максимального уровня здоровья и творческой работоспособности на протяжении максимально продленной индивидуальной жизни, а также характеризует жизнеспособность всего общества как социального организма и его возможности гармоничного роста и социально-экономического развития⁷. Общественное здоровье является одной из областей социальной реальности, а также важной сферой жизнедеятельности общества, которая подлежит социальному конструированию. Обозначенная ситуация создает широкие возможности для различного рода воздействий на формирование представлений о “нормальных” или же “идеальных” параметрах здоровья у различных групп людей, в том числе и манипулятивного характера.

В настоящее время все ученые соглашаются с тем, что, хотя общественное здоровье и социально обусловлено, оно имеет объективную (физическую) и субъективную (психическую) составляющие.

Физическое здоровье подразумевает способность человека использовать свое физическое тело, его органы и системы для поддержания жизни (жизненных отправлений) и самосохранения. Кроме ряда объективных показателей оно, в частности, измеряется степенью физической подготовленности, физическим развитием, физической формой, физической активностью и тому подобными свойствами в их соответствии способности организма выполнять свою функцию и, главным образом, обеспечивать свое сохранение,

⁵ См. подробнее: Ленуар Р., Мерлье Д., Пэнто Л., Шампань П. Начала практической социологии / Отв. ред. и предисл. Н.А. Шматко; послесл. А.Т. Бикбова. М.; СПб., 2001.

⁶ Benedict R. Anthropology and abnormal // Journal of General Psychology. 1934. Vol. 10. P. 59.

⁷ Экология, охрана природы и экологическая безопасность / Под общ. ред. В.И. Данилова-Данильяна. М., 1997. С. 216.

развитие и т.д. Психическое здоровье определяет способность человека адекватно и конструктивно отображать внешний мир в своем сознании, управлять своим поведением в нем — контролировать эмоции, справляться со стрессами и т.п. Его оценка включает адекватность отражения личностью внешней среды, адекватность отражения личности во внешней среде, согласованность целей личности с ее самосохранением и развитием, способность достижения этих целей при помощи доступных ресурсов и в реальных условиях внешней среды.

Исследователи также считают, что физическое и психическое здоровье человека зависит от четырех групп факторов: генетики, экологии, здравоохранения и образа жизни⁸. Однако как правило, факторы, связанные с различного рода деструктивными внешними влияниями социального характера, упускаются из внимания. Особое место в ряду данных факторов занимает “воздействие современной (цифровой) медиасреды, в которую сегодня активно интегрировано молодое поколение”⁹.

В XXI в. человек перманентно пребывает в масс-медийном поле и большую часть информации получает из средств массовой информации, а современная медиасреда существенно расширилась благодаря интеграции с интернетом, социальными сетями и блогосферой. При этом активными пользователями электронных медиа являются дети и подростки.

Результаты социологического мониторинга, проведенного группой сотрудников социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, показали, что подавляющее большинство молодых людей (95,4%) считают себя активными пользователями интернета, среди них 65,6% пользуются интернетом ежедневно более четырех часов в день. При этом 79,5% молодых людей отметили, что они используют интернет прежде всего для общения¹⁰. Анализ данных этого же исследования показал, что абсолютное большинство представителей молодежи (98,4%) пользуются социальными сетями и мессенджерами, а если говорить о частоте общения в социальных сетях, то 92,7% молодых людей пользуются социальными сетями и мессенджерами

⁸ См.: Журавлева И.В. Отношение к здоровью индивида и общества. М., 2006; Журавлева И.В., Иванова Л.Ю., Ивахненко Г.А. и др. Здоровье студентов: социологический анализ / Отв. ред. И.В. Журавлева. М., 2014.

⁹ Коханная О.Е. Цифровые медиа как фактор, провоцирующий девиантное поведение несовершеннолетних // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2022. № 1. С. 30.

¹⁰ См.: Осипова Н.Г., Елишев С.О. Молодёжь в системе социально-гуманитарных наук: Монография. М., 2022. С. 210–223.

ежедневно. При этом в течении одного дня 16,3% молодых людей находятся в постоянном режиме общения в социальных сетях и мессенджерах, 21,1% пользуются социальными сетями и мессенджерами на протяжении от трех до шести часов в день, 21,6% — от двух до трех часов в день, 23,4% — от одного до двух часов в день¹¹.

Особое значение для молодежной аудитории в процессе медиапотребления приобретают самоактуализация и социализация, меньшее — удовлетворение базовых информационных потребностей, связанных с физиологическими нуждами и ощущением безопасности¹². Непрерывно обновляясь на основе событийности в сознании личности, различных общностей, источники информации формируют устойчивую картину мира, состоящую как из конструктивных, так и из деструктивных элементов¹³.

Действительно, в настоящее время интернет стал универсальной информационной системой, наполненной множеством “виртуальных реальностей”, в которых общаются как реальные личности, так и виртуальные персонажи, их разнообразные сообщества и группы. Отдельные группы часто формируются вокруг одного или нескольких лидеров, координирующих их действия с лидерами других групп для достижения общей цели, создавая полицентрическую горизонтально организованную сеть¹⁴.

Ключевое место интернета в современных коммуникационных процессах, которое связано со способностью изменять пространственно-временные рамки, позволяет интерпретировать сетевое пространство как некий континуум новых общественных отношений, опосредованный виртуализированной коммуникацией с диверсифицированными и деперсонализированными участниками процесса интерактивного общения, в котором отсутствует как физическое, так и эстетическое восприятие говорящего¹⁵. Так, если полноценное общение предполагает учет всех специфических осо-

¹¹ См.: Осипова Н.Г., Елишев С.О. Указ. соч. С. 210–223.

¹² Дунас Д.В., Салихова Е.А. Социализация и самоактуализация как ключевые мотивы медиапотребления российской молодежи // Журналистика в 2019 году: творчество, профессия, индустрия. Сборник материалов международной научно-практической конференции МГУ имени М.В. Ломоносова. Москва, 6–8 февраля 2020 г. М., 2020. С. 225.

¹³ Шкондин М.В., Свитич Л.Г., Смирнова О.В. Роль журналистики в медиатизирующемся жизненном мире повседневности // Вопросы теории и практики журналистики. 2020. № 4. С. 600.

¹⁴ Усачёва О.А. Сети гражданской мобилизации // Общественные науки и современность. 2012. № 6. С. 37.

¹⁵ См.: Крюков Р.В. Виртуализация общения как ценность и феномен современного общества // Идеи и идеалы. 2016. № 3 (29). С. 55–59.

бенностей человека — мимики, жестов, взглядов, интонации, запаха, дистанции, и т.п., — то виртуальный диалог сводится к формальному, часто клишированному и свернутому обмену информацией. Это не позволяет адекватно воспринимать “образ другого” и, соответственно, выстроить эффективный способ коммуникации с ним, что, в свою очередь, вызывает коммуникационные эффекты, весьма опасные для молодежи.

Прежде всего виртуальное общение разрушает стереотипы социальных ролей, снимает правило социального авторитета, задающее характер общения, что приводит к социальной дезориентации. Это, в свою очередь, создает ситуацию коммуникативной вседозволенности. Вседозволенность в выборе форм выражения не позволяет идентифицировать собеседника и себя как принадлежащих к определенному социальному кластеру, а, следовательно, ничто не определяет и характер общения. Исследованиями установлено, что отказ от правил внешнего выражения, принятых в обществе, приводит к деконструкции социальной иерархии, к этическому хаосу, эклектике, безвкусице. Виртуальное общение снимает психологический эффект “быстрого реагирования”, что препятствует максимальной концентрации сознания на поставленной проблеме и непосредственному реагированию на утверждение собеседника¹⁶.

В данной связи актуализируются проблемы обратного или парадоксального влияния коммуникации в интернете на психическое здоровье личности, которые достаточно активно обсуждаются в специализированной литературе.

Во-первых, это проблема разрушения целостности и формирования разрозненности внутреннего мира личности, виртуального сознания, отличительными чертами которого являются клиповость, или коллажность, специфического способа установления логических связей, или гипертекстуальность, возможности работать с различными информационными средами, или “распределенность”, полифоничность¹⁷.

В значительной степени такая значимая роль средств массовой информации применительно к формированию массовых предпочтений, реакций, ценностных норм и представлений о реальной действительности определяется существующими в современном мире информационными перегрузками, в условиях которых огромные массивы информации не поддаются структурированию и упо-

¹⁶ Крюков Р.В. Указ. соч.

¹⁷ Кириллова Н.Б., Пестова А.В. “Виртуальный человек” как феномен новой культурной цивилизации // Культура и цивилизация. 2017. Т. 7. № 4 А. С. 628–641.

рядочиванию простым обывателем, в результате чего в его сознании формируется своего рода информационный хаос, а картина мира является максимально фрагментированной, разбитой на бесконечное число смысловых осколков, имеющих порой весьма противоречивый характер¹⁸. В условиях современного общества у человека смешивается большинство понятий, а “происходящие события выглядят как бессвязные, случайные и хаотичные. В результате человек вынужден пользоваться системой сформировавшихся в его сознании стереотипов”¹⁹.

Во-вторых, это проблема кризиса самоидентификации человека: с одной стороны, в виртуальной среде человеку открывается возможность разносторонней представленности своей личности, с другой стороны, происходит растворение реальной личности в сконструированном, иллюзорном образе, размывание идентичности.

В-третьих, проблемой, обусловленной виртуализацией жизненного мира, является интернет-зависимость, симптомами которой называют “уход от реальности; навязчивое желание войти в Интернет; более частое использование Интернета, чем это практически необходимо; потерю интереса к другим социальным, профессиональным и досуговым мероприятиям; игнорирование физических или психологических последствий использования Интернета”²⁰.

В конечном счете человек оказывается в плену сконструированных образов, которые создают новый мир, являющийся подобием подлинной реальности. Поэтому отрешенность от мира реального, погруженность в иллюзорную, символическую реальность мира виртуального, эскапистские устремления — все это отмечается в качестве негативных тенденций виртуализации²¹.

Как уже было отмечено выше, в эпоху цифровых коммуникационных технологий основным каналом получения информации молодежью, оказывающим серьезное воздействие на мышление молодых пользователей, стали интернет-СМИ. Основой для подобного, активного и массированного воздействия на молодежь являются такие особенности современных цифровых СМИ, как коммуникативная активность, мгновенность и персонализация общения, цифровая мультимедийная природа.

¹⁸ Володенков С.В. Медиатизация и виртуализация современного пространства публичной политики // Коммуникология. 2016. № 4. С. 125–136.

¹⁹ Лернер М. Развитие цивилизации в Америке. М., 1992. С. 52.

²⁰ Касавина Н.А. Человек и техника: амбивалентность электронной культуры // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 55. № 4. С. 134.

²¹ Катаева О.В. Цифровизация и виртуализация жизненного мира: оценки и позиции // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2020. № 6. С. 129.

Коммуникативная интерактивность является одной из основных характеристик новых медиа: в рамках цифровизации медиа отправитель и получатель информации могут общаться друг с другом, граница между ними постепенно стирается, поскольку все люди могут сами стать издателями новостной информации. Если обращение к традиционным СМИ было ограничено рамками чтения и просмотра, а читатели и зрители не могли осуществить немедленную обратную связь, то цифровые СМИ не только доступны аудитории для чтения и просмотра, но и предоставляют аудитории возможность делать комментарии, изменять и продолжать распространять информацию.

Появление новых форм сетевого общения, таких как микроблоги, прямые трансляции в реальном времени, удовлетворило спрос аудитории на обновление новостей в режиме мгновенного общения, что значительно ускорило эффективность производства, сбора и распространения информации.

Персонализация общения основана на том, что, используя сеть как средство массовой информации, люди могут выбирать для чтения или просмотра соответствующее содержание и получать актуальную информацию в соответствии со своими личными интересами и потребностями. В то же время коммуникационная платформа может производить статистические расчеты на основе технологии больших данных, анализировать направленность интересов аудитории и продвигать соответствующую информацию и новости.

Кроме того, опираясь на цифровые и сетевые технологии для интеграции мультимедийной информации, цифровые медиа могут предоставить аудитории мультимедийную информацию, которая объединяет текст, картинки, звук, изображения и т.д. Эта информация часто организована и представлена в виде гипертекста. Важная особенность, отличающая цифровые медиа от традиционных, “гиперссылки”, позволяет мгновенно и бесконечно расширять содержание новых медиа, делая информацию более полной и насыщенной, и может быть одновременно представлена на различных платформах, таких как компьютеры, мобильные телефоны, телевизоры и планшеты.

Активное воздействие цифровых СМИ на молодежь во многом связано с тем, что с быстрым развитием интернет-технологий распространились различные формы платформ социальных сетей, которые быстро создали социальные сети среди сообщества пользователей интернета. На платформах социальных медиа пользователи имеют пространство для удовлетворения своих потребностей

в самовыражении, могут делиться своей жизнью и идеями, и таким образом устанавливать реальные или виртуальные социальные отношения с другими людьми в интернете. Соответственно, лица, участвующие в социальных сетях, регистрируют свою личную информацию и пользуются функциями платформы социальных сетей, становясь пользователями сайтов социальных сетей.

С одной стороны, пользователи могут лично общаться с другими людьми в интернете, отправляя текстовые сообщения, видео и т.д. Они также могут создавать онлайн-группы в соответствии со своими личными интересами или жизненными потребностями и осуществлять межличностное взаимодействие внутри групп. С другой стороны, социальные сети также предоставляют публичную платформу для демонстрации своего статуса и условий жизни. Пользователи могут загружать видео, фотографии и другую динамическую информацию о том, что происходит в их жизни, на платформу социальных сетей как канал для того, чтобы другие могли наблюдать за их жизнью и, аналогично, просматривать динамическую информацию о том, что происходит в жизни других пользователей.

Обозначенные тенденции не могут не отражаться на состоянии психики молодых людей и представляют потенциальную и реальную угрозу их психическому здоровью. Наглядным примером деструктивного влияния цифровых медиа, которые активно используют манипулятивные техники и приемы, на психическое здоровье молодежи является формирование представлений об “идеальном внешнем облике” или о “правильных параметрах тела”. “Реклама, журналы, кино, книги раз за разом объясняют нам, как выглядеть. Можно сколько угодно твердить: я не смотрю, не читаю, пропускаю мимо ушей, но каждый день мы контактируем с подобным контентом тысячи раз — и это не может не сказываться. Наши ценности, вкусы, представления не просто о красоте, а о нормальности формируются в среде, которая заточена под то, чтобы продавать средства для достижения несуществующего идеала”²², — пишут известные блогеры.

Ученые провели обзор исследований, посвященных социальным и психологическим факторам идеализации тела, что позволило выделить ключевые механизмы и инструменты, способствующие продвижению в обществе нездоровых идеалов внешней привлекательности и порождающие неудовлетворенность внешним обликом.

²² Кайт Л., Кайт Л. Больше чем тело. Принять и полюбить. URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/19196-что-такое-obektivatsiya-ili-kak-cheloveka-prevrashchayut-v-veshch> (дата обращения: 13.05.2023).

Значительный вклад в неудовлетворенность телом вносят установки на определенный тип красоты. Главной из них является “объективация” — установка на подчеркнуто сексуально привлекательное тело, которое существует для удовольствия других, а его ценность напрямую зависит от физической привлекательности человека, которая задается определенными социальными стандартами. Объективация или “опредмечивание” человека представляет собой восприятие его как товара или объекта для какого-либо использования, когда к человеку начинают относиться как к неодушевленному предмету и использовать в личных целях, характеризовать его, опираясь на стереотипы. Так, посредством объективации женщин, которая может принимать различные формы, — от пристального оценочного взгляда в общественном пространстве и заканчивая использованием изображений разных частей тела с сексуальным подтекстом, — их сводят к той функции (мать, жена, любовница и т.п.), которую они преимущественно выполняют.

Одним из видов объективации является самообъективация, когда сам человек рассматривает себя как объект для использования. В ходе этого процесса женщина или мужчина критикуют собственное тело как не соответствующее изначально заданным стандартам. По мнению исследователей, “самообъективация — это невидимая тюрьма: вместо того чтобы просто жить полной жизнью, вы постоянно думаете о том, что на вас смотрят. Это высасывающий душу акт полицейского надзора и строжайшего контроля над собой, порождаемый худшими страхами и тревогой о том, что думают окружающие, глядя на вас. Со временем ваша личность расщепляется все сильнее и самообъективация все больше мешает вам в полной мере реализовать свой человеческий потенциал. Такая двойная идентичность — чрезвычайно тяжелое бремя: она отвлекает, доставляет огромный психологический дискомфорт и ограничивает ваш прогресс, потенциал для достижения счастья”²³.

Самообъективация — это склонность отождествлять свое тело и личность, и следить за физической привлекательностью в ущерб внутренним ощущениям и объективным показателям здоровья — способствует отчуждению от своего тела и стыду за него. С помощью цифровых медиа самообъективация оказывается в основе поведения, сфокусированного на внешности, поскольку контент, посвященный телу и внешности, стремительно распространяется и становится примером для подражания.

²³ Кайт Л., Кайт Л. Указ. соч.

Тем самым просмотр, передача и размещение фотографий, видео, текстов в социальных сетях оказываются инструментами создания новейших стандартов идеального тела. Чаще всего в качестве образца для подражания предлагаются изображения с хештегами “thinspiration” и “fitspiration”²⁴, вдохновляющие к достижению худого и спортивного телосложения соответственно. При этом естественное, нормальное и соответствующее типу телосложения тело “оказывается телом, которое следует победить, а страдание (от чрезмерных физических упражнений или строгих диет) романтизируется как часть работы над собой”²⁵.

Главным инструментом идеализации собственного тела, согласно активно рекламируемым стандартам, является создание и размещение селфи, в котором оригинальные изображения пользователи нередко подвергают ретуши, что позволяет им исследовать и контролировать свою идентичность в онлайн-пространстве, а также получать положительный отклик от окружающих с помощью комментариев. Подобное создание идеального автопортрета представляет собой своеобразный акт “пересоздания” себя как физически более привлекательного, социально более успешного, психологически более удовлетворенного человека. Но в реальном мире отношение к себе и своему телу ухудшается из-за осознания недостижимости искусственно сконструированного идеала.

Таким образом, идеалы красоты, создаваемые и воспроизводимые цифровыми СМИ, характеризуются жесткими рамками и требуют значительных усилий для их достижения. В связи с этим отмечается широкая распространенность неудовлетворенности телом, особенно среди подростков, девушек и молодых женщин, которая приобрела размах эпидемии. Данное обстоятельство приводит к спектру психических проблем — от субъективной неудовлетворенности телом, включая рост беспокойства (“я менее красива, чем...”), ожидания отвержения по признаку внешности (“я недостаточно красива/умна/добра/умела, чтобы...”), страха негативной оценки внешности окружающими (“хуже всех/ужасна”) и стыда по отношению к телу до реальных расстройств пищевого поведения и депрессии.

²⁴ THinspiration (дословный перевод с англ. “тонкое дыхание”) и “fitspiration” (дословный перевод “вдохновение”) — игра слов, предназначенная для намеренного создания искомых образов “худощавости”.

²⁵ Попова Е. Самообъективация: почему нам стоит меньше беспокоиться о внешности. URL: <https://www.thevoicemag.ru/psychology/psychology/samoobektivaciya-pochemu-nam-stoit-menshe-bespokoitsya-o-vneshnosti/> (дата обращения: 13.05.2023).

С медиатизацией телесности тесно связаны многочисленные телешоу типа “Овесайз v/s Экстрасмол”, которые стигматизируют полных людей как заведомо несдержанных (в отношении пищи) или больных, подвергая их критике и насмешкам²⁶. Значительный интерес к подобным шоу со стороны аудитории во многом вызван откровенно манипулятивными приемами, которые они, как правило, применяют и которые достаточно детально описывает социолог Д. Лаптон в своей монографии “Жирные”, посвященной “тучным людям”²⁷ и в других известных работах.

Наиболее популярным манипулятивным приемом является сопоставление телесности и образа жизни тучных и очень худых людей, при котором первые смотрятся очень невыигрышно на фоне вторых, прием “до и после”, когда показывают, как тучные тела уменьшаются до размеров, которые считаются более приемлемыми, в рамках которых осуществляется скрытая пропаганда “успешности” — победителями являются те, кому удалось сбросить вес больше всех, они продемонстрировали самый высокий уровень самодисциплины и целеустремленности²⁸.

На самом деле это весьма деструктивные для психического здоровья личности практики, поскольку они подразумевают признание проблемы, принятие обязательства решить эту проблему и согласие ради достижения этой цели выставить на всеобщее обозрение те части своего “Я”, которые могут вызывать жалость и подвергаться высмеиванию и унижению.

Еще одним манипулятивным приемом является демонстрация тел знаменитостей. Популярные журналы, телепередачи и веб-сайты о жизни знаменитостей регулярно поздравляют различных знаменитостей с тем, что им удалось сбросить вес, если они выглядят похудевшими. И наоборот: знаменитостей порицают и высмеивают, стоит им набрать вес. Существуют также сайты, посвященные “тучным знаменитостям”, где выложены фотографии “до и после”, показывающие, как их тела менялись от худых к тучным²⁹.

Достаточно распространенным манипулятивным приемом является активное привлечение внимания к “эпидемии ожирения”, единственной причиной которой признается “избыточное, жадное питание”: в новостных медиа и телевизионных реалити-шоу по-

²⁶ Raisborough J. Fat bodies, health and the media. Houndmills, 2016.

²⁷ Лаптон Д. Жирные / Под научн. ред. А. Смирнова. М., 2021. Гл. 4. С. 100–125.

²⁸ Monson O., Donaghue N., Gill R. Working hard on the outside: a multimodal critical discourse analysis of the biggest loser Australia // Social Semiotics. 2016. Vol. 26. N 5. P. 524–540.

²⁹ Лаптон Д. Указ. соч. С. 100–125.

стоянно используют стратегию публичного шельмования, показывая, как тучные люди жадно поглощают в огромных количествах “вредную” пищу — гамбургеры и чипсы, что прочно закрепляет желательные стереотипы. При этом тела вполне обычных людей легко превращают, с помощью технологий “укрупненного плана” или “дефекта съемки” не просто в тучные, а еще и в деформированные и расплывшиеся. Кроме того, в отношении “нестандартных” или не соответствующих идеализированным стандартам людей часто используются оскорбительные высказывания типа “жирные задницы”, “дряблая плоть”, “лентяи”, “отвратительные неряхи”, “рыла в кормушке”³⁰.

Цифровые медиа предоставляют еще более широкие возможности для создания и широкого распространения манипулятивно сконструированных образов человеческой телесности. Как подчеркивает Д. Лаптон, “сама природа онлайн-медиа, предполагающая вовлеченность и участие людей, позволяет выражать свое мнение на публичных площадках гораздо большему числу людей, чем медиа предыдущих эпох. Люди также получают возможность комментировать материалы более традиционных медиа в соцсетях и на интернет-форумах. Например, зрители могут комментировать происходящее в телешоу <...>, обмениваясь мнениями по поводу участников, соревнующихся в этой программе”³¹.

Социальные сети и платформы для обмена контентом широко используют образы тучных людей в качестве объекта презрения и насмешки. Так, на платформе Ю-Тьюб (YouTube) широко распространены в высшей степени негативные видео с тучными людьми, поедающими вредную пищу, изображения тучных людей, которым приписывают личную ответственность за их вес и выставляют их на посмешище. Создатели гифок и мемов, для того чтобы добиться максимального эмоционального воздействия на аудиторию, используют предельные формы стереотипизации, являющиеся откровенно оскорбительными и дискриминационными³². Поиск в Google мемов про жир выявил мемы, не просто стигматизирующие тучные тела, но и откровенно оскорбительные и жестокие. Любимым при-

³⁰ Holland K., Blood R.W., Thomas S., Lewis S., Komisarof P., Castle D. Our girth is plain to see: an analysis of newspaper coverage of Australia's future “fat bomb” // *Health, Risk & Society*. 2011. Vol. 13. N 1. P. 32–46. P. 39.

³¹ Lupton D. Digital bodies // *Routledge Handbook of Physical Cultural Studies* / Ed. by D. Andrews, M. Silk, H. Thorpe. L., 2017. P. 200–208.

³² Milner R.M. The world made meme: public conversations and participatory media. Boston, 2016; Miltner K.M., Highfield T. Never gonna GIF you up: analyzing the cultural significance of the animated GIF // *Social Media + Society*. 2017. Vol. 3. N 3. URL: <http://dx.doi.org/10.1177/2056305117725223> (accessed: 12.08.2017).

емом является размещение изображений, на которых тучные люди в огромных количествах потребляли так называемую “вредную пищу” — высококалорийный фастфуд и именно этой “вредной” и “ведущей к ожирению” пище отводятся функции “культивации чревоугодия”, “потакание своим вредным привычкам”. В самых экстремальных случаях она изображается как поработавшая человеческое тело: она увеличивает его размеры (в особенности размеры живота), человек беспомощен перед своей необоримой страстью к этой еде, она словно бы контролирует человека, одержимого желанием поглощать ее (и быть ею поглощенным).

Мемы про еду, независимо от того, изображают ли они тучных или обычных людей, часто транслируют амбивалентные переживания по поводу “вредной” еды: удовольствие от нее — и чувство вины или ненависти к себе, возникающие из-за потакания своим слабостям³³. Еще одним манипулятивным приемом, которым активно пользуются цифровые медиа, является мониторинг, репрезентация и даже геймификация человеческой телесности. Так, создаются специальные приложения, с помощью которых можно превратить свое изображение или изображение других людей в толстяков. Широкую популярность в свое время получило приложение “Carrot Hunger — Talking Calorie Counter” (“Морковка-голодовка — говорящий счетчик калорий”). Разработчик создавал его как “осуждающий счетчик калорий”, который будет “наказывать тебя за слабости”. Приложение умеет сканировать штрихкоды продуктов, чтобы определить содержание в них калорий. Если оно решит, что в вашей еде слишком много калорий, то будет обзывать вас “дряблым жирдяем”. Оно даже отправляет твиты с оскорбительным содержанием в ваши соцсети, чтобы все ваши подписчики в Твиттер (Twitter) были в курсе. Хотя такого рода приложения и считаются невинным развлечением, на самом деле они вносят огромный идеологический вклад в стигматизацию тучности и отвержение тучных людей³⁴.

Одновременно с тем, как негативные изображения тучных людей начали в изобилии заполнять новые цифровые медиа, те же самые публичные площадки стали использоваться людьми, которые проповедовали фитнес, бодибилдинг, экстремальную худобу и

³³ Lupton D. Vitalities and visceralities: alternative body/food politics in new digital media // *Alternative Food Politics: From the Margins to the Mainstream* / Ed. by M. Philipov, K. Kirkwood. L., 2018; Lupton D., Thomas G.M. Playing pregnancy: the judification and gamification of expectant motherhood in smartphone apps // *M/C Journal*. 2015. Vol. 18. N 5. URL: <http://journal.media-culture.org.au/index.php/mcjournal/article/view-Article/1012> (accessed: 29.08.2017).

³⁴ Лантон Д. Указ. соч. С. 111.

расстройства пищевого поведения и хотели продемонстрировать свои физические достижения. Их изображения отражают идеалы телесности, лежащие в основе другого дискурса фэт-шейминга, в котором большее внимание уделяется худобе и строгому контролю над питанием³⁵.

Фитнесмания как стиль жизни пропагандирует особый режим питания. Еда, которая фигурирует в контенте с хештегом #fitspo, обычно помечена тегами “чистая” и “здоровая”: зеленые соки, фрукты, салаты. Стиль фитспо подразумевает интенсивные упражнения и диету из низкокалорийных (“здоровых”) продуктов, необходимых для похудения. В соответствии с идеологией худомании (thinspo) потребление еды должно быть максимально ограниченным: сторонники этого стиля подсчитывают калории, чтобы продемонстрировать, как мало еды попало в тело, ведь еда мешает достичь желанного идеала истощенного тела. Однако грань между дисциплинированным спортивным худым телом, которое пропагандируется на сайтах, посвященных худомании, фитнесу, диете, похудению и чистому питанию, и очень худым телом, идеализируемым на сайтах про-ана, очень тонка. Изображения тел различных размеров в диапазоне от очень худого до тучного предполагают, что аппетит нужно строго регулировать и контролировать и что чревоугодие по-прежнему остается смертным грехом, за который человек несет наказание в виде болезней, преждевременной смерти, публичного шельмования, исключения, отвержения³⁶ и так называемой фэт-стигматизации.

В исследовании, посвященном удовлетворенностью жизнью, некоторые ученые обнаружили значительную корреляцию между проблемами образа тела и социальными проблемами. Физические недостатки людей также напрямую влияют на их психическое здоровье, вызывая как многочисленные комплексы, так и серьезные психические проблемы. Таким образом, современные цифровые средства массовой информации, безусловно, оказывают важное влияние на представления молодежи в области эстетики и телесного здоровья.

Ученые также отмечают, что технологический бум последних двух десятилетий расширил возможности для виктимизации молодежи. Количество времени, которое подростки и молодые взрослые проводят в интернете, а также постоянная связь, обеспечиваемая

³⁵ Cobb G. This is not pro-ana: denial and disguise in pro-anorexia online spaces // *Fat Studies*. 2017. Vol. 6. N 2. P. 189–205; Holand H., Tiggemann M. Strong beats skinny every time: disordered eating and compulsive exercise in women who post inspiration on Instagram // *International Journal of Eating Disorders*. 2017. Vol. 50. N 1. P. 76–79.

³⁶ Лаптон Д. Указ. соч. С. 100–125.

мобильными устройствами, создает потенциал для виктимизации, которая не ограничивается физическим временем, проведенным со сверстниками. Если говорить конкретно о расстройствах, связанных с внешностью, то этот онлайн-мир описывается как место, где постоянные и часто улучшенные визуальные образы взаимодействия с самим собой и другими могут вызывать тревогу по поводу внешности.

Особенности тревоги по поводу внешности включают чрезмерную озабоченность внешним видом и поведение, отнимающее много времени, такое как повторяющиеся проверки и чрезмерная ухоженность, чтобы скрыть или замаскировать недостатки. Хотя еще не существует согласованного золотого стандарта для оценки озабоченности внешностью в интернете, используемые пункты были направлены на выявление процессов социального сравнения (сравнение своей внешности с внешностью других), озабоченности по поводу привлечения комментариев о внешности, проверки или улучшения внешности на фотографиях³⁷.

Сравнение этих основных тем с пунктами широко используемых показателей тревоги по поводу внешности показывает, как поведение в интернете может указывать на симптомы тревоги по поводу внешности. Существуют возможности для виктимизации, связанные с внешним видом при взаимодействии лицом к лицу и использованием социальных сетей, расширяющие традиционные определения виктимизации и буллинга до включения онлайн-форм как источников риска.

Беспокойство по поводу внешнего вида — это социально сконструированная оценочная тревога, направленная на внешность. Беспокойство по поводу соответствия или несоответствия внешности эстетическим стандартам и ожидание того, что внешность может быть негативно оценена, может удерживать человека в состоянии раздражения, напряжения и тревоги. Постоянно общаясь в социальных сетях, из-за комментариев, которые они получают, молодые люди становятся более обеспокоенными и начинают постоянно и усиленно следить за параметрами своего тела и внешним видом, что может привести к дисморфофобии — повышенной озабоченности мнением окружающих в отношении внешнего облика или какого-либо незначительного, незаметного для других недостатка во внешности. Дисморфофобия, в свою очередь, ведет к дисморфомании, которая представляет собой бредовые переживания,

³⁷ Lavell C., Zimmer-Gembeck M.J., Farrell L.J., Webb H. Victimization, social anxiety, and body dysmorphic concerns: appearance-based rejection sensitivity as a mediator // *Body Image*. 2014. N 11 (4). P. 391–395.

зачастую никак не связанные с реальными физическими несовершенствами. В отличие от обычных подростковых переживаний о своей внешности, при дисморфомании мысли по поводу физического несовершенства полностью завладевают сознанием подростка, вытесняя другие сферы жизни, и становятся главным фактором, определяющим поведение. Все его мысли и действия подчинены желанию избавиться от своего “уродства” или скрыть его от окружающих. Эти желания подросток может выражать открыто, например, настаивая на пластической операции, или утаивать свое истинное состояние, при этом не оставляя попыток “улучшить” внешность любыми способами³⁸. Не требует доказательства тот факт, что подобное поведение становится опасным не только для здоровья, но и для жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Володенков С.В. Медиатизация и виртуализация современного пространства публичной политики // Коммуникология. 2016. № 4. С. 125–136.

Гафиагулина Н.Х. Здоровье молодежи российского общества: социологический анализ неблагоприятных тенденций // Вестник Института ИАЭ. 2016. № 1.

Гладышева А.А., Кантонист В.С. Здоровый образ жизни глазами современной молодежи // Молодая наука Сибири. 2022. № 2 (16). URL: <https://ojs/irgups.ru/index.php/mns/frticle/view/613> (дата обращения: 13.05.2023).

Государственная программа Российской Федерации “Развитие здравоохранения” // Утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 26 декабря 2017 года № 1640 (в редакции, введенной в действие с 1 января 2023 года постановлением Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2022 года № 2161). URL: <https://docs.cntd.ru/document/556183184> (дата обращения: 15.05.2023).

Дисморфомания и дисморфофобия у подростков: причины, симптомы, лечение. URL: <https://cmzmedical.ru/stati/dismorfofobiya-u-podrostkov/>

Дунас Д.В., Салихова Е.А. Социализация и самоактуализация как ключевые мотивы медиапотребления российской молодежи // Журналистика в 2019 году: творчество, профессия, индустрия. Сборник материалов международной научно-практической конференции МГУ имени М.В. Ломоносова. Москва, 6–8 февраля 2020 г. М., 2020.

Журавлева И.В. Отношение к здоровью индивида и общества. М., 2006.

Журавлева И.В., Иванова Л.Ю., Ивахненко Г.А. и др. Здоровье студентов: социологический анализ / Отв. ред. И.В. Журавлева. М., 2014.

Кайт Л., Кайт Л. Больше чем тело. Принять и полюбить. URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/19196-cto-takoe-obektivatsiya-ili-kak-cheloveka-prevrashchayut-v-veshch> (дата обращения: 13.05.2023).

³⁸ Дисморфомания и дисморфофобия у подростков: причины, симптомы, лечение. URL: <https://cmzmedical.ru/stati/dismorfofobiya-u-podrostkov/> (дата обращения: 22.05.2023).

- Касавина Н.А. Человек и техника: амбивалентность электронной культуры // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 55. № 4.
- Катаева О.В. Цифровизация и виртуализация жизненного мира: оценки и позиции // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2020. № 6.
- Кириллова Н.Б., Пестова А.В. “Виртуальный человек” как феномен новой культурной цивилизации // Культура и цивилизация. 2017. Т. 7. № 4 А. С. 628–641.
- Коханная О.Е. Цифровые медиа как фактор, провоцирующий девиантное поведение несовершеннолетних // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2022. № 1.
- Крюков Р.В. Виртуализация общения как ценность и феномен современного общества // Идеи и идеалы. 2016. № 3 (29). С. 55–59.
- Лантон Д. Жирные / Под научн. ред. А. Смирнова. М., 2021.
- Ленуар Р., Мерлье Д., Пэнто Л., Шампань П. Начала практической социологии / Отв. ред. и предисл. Н.А. Шматко; послесл. А.Т. Бикбова. М.; СПб., 2001.
- Лернер М. Развитие цивилизации в Америке. М., 1992.
- Осипова Н.Г. Социальное конструирование общественного здоровья // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 4. С. 119–141.
- Осипова Н.Г., Елишев С.О. Молодёжь в системе социально-гуманитарных наук. Монография. М., 2022. С. 210–223.
- Попова Е. Самообъективация: почему нам стоит меньше беспокоиться о внешности. URL: <https://www.thevoicemag.ru/psychology/psychology/samoobektivaciya-pochemu-nam-stoit-menshe-bespokoitsya-o-vneshnosti/> (дата обращения: 13.05.2023).
- Усачёва О.А. Сети гражданской мобилизации // Общественные науки и современность. 2012. № 6.
- Шкондин М.В., Свитич Л.Г., Смирнова О.В. Роль журналистики в медиатизирующемся жизненном мире повседневности // Вопросы теории и практики журналистики. 2020. № 4.
- Экология, охрана природы и экологическая безопасность / Под общ. ред. В.И. Данилова-Данильяна. М., 1997.

REFERENCE

- Benedict R. Anthropology and abnormal // Journal of General Psychology. 1934. Vol. 10.
- Cobb G. This is not pro-ana: denial and disguise in pro-anorexia online spaces // Fat Studies. 2017. Vol. 6. N 2. P. 189–205.
- Dismorfofobiya i dismorfofobiya u podrostkov: prichiny, simptomy, lechenie [Dysmorphomania and dysmorphophobia in adolescents: causes, symptoms, treatment]. URL: <https://cmzmedical.ru/stati/dismorfofobiya-u-podrostkov/> (in Russian).
- Dunas D.V., Salihova E.A. Socializaciya i samoaktualizaciya kak klyuchevye motivy mediapotrebleniya Rossijskoj molodezhi [Socialization and self-actualization as key motives for media consumption of Russian youth] // Zhurnalistika v 2019 godu: tvorchestvo, professiya, industriya: sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii MGU imeni M.V. Lomonosova. Moskva, 6–8 fevralya 2020 g. M., 2020 (in Russian).

Ekologiya, ohrana prirody i ekologicheskaya bezopasnost' [Ecology, nature conservation and environmental safety] / Pod obshch. red. V.I. Danilova-Danil'yana. M., 1997 (in Russian).

Gafiatulina N.H. Zdorov'e molodyozhi rossijskogo obshchestva: sociologicheskij analiz neblagopriyatnykh tendencij [Health of the youth of the Russian society: sociological analysis of unfavorable trends] // Vestnik Instituta IAE. 2016. N 1 (in Russian).

Gladysheva A.A., Kantonist V.S. Zdorovyj obraz zhizni glazami sovremennoj molodyozhi [Healthy lifestyle through the eyes of modern youth] // Molodaya nauka Sibiri. 2022. N 2 (16). URL: <https://ojs/irgups/ru/index.php/mns/frticle/view/613> (data obrashcheniya: 13.05.2023) (in Russian).

Gosudarstvennaya programma Rossijskoj Federacii "Razvitie zdavoohraneniya" [The State Program of the Russian Federation "Health Development"] // Utverzhdena postanovleniem Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 26 dekabrya 2017 goda N 1640 (v redakcii, vvedennoj v dejstvie s 1 yanvarya 2023 goda postanovleniem Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 29 noyabrya 2022 goda N 2161. URL: <https://docs.cntd.ru/document/556183184> (data obrashcheniya: 15.05.2023) (in Russian).

Hass M. After the after: the biggest loser and post-makeover narrative trajectories in digital media // Fat Studies. 2017. Vol. 6. N 2. P. 135–151.

Holand H., Tiggemann M. Strong beats skinny every time: disordered eating and compulsive exercise in women who post inspiration on Instagram // International Journal of Eating Disorders. 2017. Vol. 50. N 1. P. 76–79.

Holland K., Blood R.W., Thomas S., Lewis S., Komisarof P., Castle D. Our girth is plain to see: an analysis of newspaper coverage of Australia's future "fat bomb" // Health, Risk & Society. 2011. Vol. 13. N 1. P. 32–46.

Kajt L., Kajt L. Bol'she chem telo. Prinyat' i polyubit' [More than the body. Accept and love]. URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/19196-chto-takoe-obektivatsiya-ili-kak-cheloveka-prevrashchayut-v-veshch> (data obrashcheniya: 13.05.2023) (in Russian).

Kasavina N.A. Chelovek i tekhnika: ambivalentnost' elektronnoj kul'tury [Man and technology: the ambivalence of electronic culture] // Epistemologiya i filosofiya nauki. 2019. T. 55. N 4 (in Russian).

Kataeva O.V. Cifrovizaciya i virtualizaciya zhiznennogo mira: ocenki i pozicii [Digitalization and virtualization of the life world: assessments and positions] // Intelpekt. Innovacii. Investicii. 2020. N 6 (in Russian).

Kirillova N.B., Pestova A.V. "Virtual'nyj chelovek" kak fenomen novoj kul'turnoj civilizacii ["Virtual Man" as a Phenomenon of a New Cultural Civilization] // Kul'tura i civilizaciya. 2017. T. 7. N 4 A. S. 628–641 (in Russian).

Kohannaya O.E. Cifrovye media kak faktor, provociruyushchij deviantnoe povedenie nesovershennoletnih [Digital media as a factor provoking deviant behavior of minors] // Nauchnye trudy moskovskogo gumanitarnogo universiteta. 2022. N 1. S. 30 (in Russian).

Kryukov R.V. Virtualizaciya obshcheniya kak cennost' i fenomen sovremennogo obshchestva [Virtualization of communication as a value and phenomenon of modern society] // Idei i idealy. 2016. N 3 (29). S. 55–59 (in Russian).

Lavell C., Zimmer-Gembeck M.J., Farrell L.J., Webb H. Victimization, social anxiety, and body dysmorphic concerns: appearance-based rejection sensitivity as a mediator // Body Image. 2014. N 11 (4). P. 391–395.

Lenuar R., Merle D., Pento L., Shampant' P. Nachala prakticheskoy sociologii [Champagne P. Beginnings of practical sociology] / Per. s fr. otv. red. i predisl. N.A. Shmatko; poslesl. A.T. Bikbova. M.; SPb., 2001 (in Russian).

Lerner M. Razvitiye civilizatsii v Amerike [The development of civilization in America]. M., 1992 (in Russian).

Lupton D. Digital bodies // Routledge Handbook of Physical Cultural Studies / Ed. by D. Andrews, M. Silk, H. Thorpe. L., 2017. P. 200–208.

Lupton D. Vitalities and visceralities: alternative body/food politics in new digital media // Alternative Food Politics: From the Margins to the Mainstream / Ed. by M. Phillipov, K. Kirkwood. L., 2018.

Lupton D., Thomas G.M. Playing pregnancy: the justification and gamification of expectant motherhood in smartphone apps // M/C Journal. 2015. Vol. 18. N 5. URL: <http://journal.media-culture.org.au/index.php/mcjournal/article/viewArticle/1012> (accessed: 29.08.2017).

Milner R.M. The world made meme: public conversations and participatory media. Boston, 2016.

Miltner K.M., Highfield T. Never gonna GIF you up: analyzing the cultural significance of the animated GIF // Social Media + Society. 2017. Vol. 3. N 3. URL: <http://dx.doi.org/10.1177/2056305117725223> (accessed: 12.08.2017).

Monson O., Donaghue N., Gill R. Working hard on the outside: a multimodal critical discourse analysis of the Biggest loser Australia // Social Semiotics. 2016. Vol. 26. N 5. P. 524–540.

Osipova N.G. Social'noe konstruirovaniye obshchestvennogo zdorov'ya [Social construction of public health] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2016. N 4. S. 119–141 (in Russian).

Osipova N.G., Elishev S.O. Molodyozh' v sisteme social'no-gumanitarnykh nauk. Monografiya [Youth in the system of social sciences and humanities. Monograph]. M., 2022. S. 210–223 (in Russian).

Popova E. Samoob'ektivatsiya: pochemu nam stoit men'she bespokoit'sya o vneshnosti [Self-objectification: why we should worry less about appearance]. URL: <https://www.thevoicemag.ru/psychology/psychology/samoobektivatsiya-pochemu-nam-stoit-menshe-bespokoitsya-o-vneshnosti/> (data obrashcheniya: 13.05.2023) (in Russian).

Raisborough J. Fat bodies, health and the media. Houndmills, 2016.

Shkondin M.V., Svitich L.G., Smirnova O.V. Rol' zhurnalistiki v mediatiziruyushchemsya zhiznennom mire povsednevnosti [The role of journalism in the mediatized life world of everyday life] // Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki. 2020. N 4 (in Russian).

Usachyova O.A. Seti grazhdanskoj mobilizatsii [Networks of civil mobilization] // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2012. N 6 (in Russian).

Volodenkov S.V. Mediatizatsiya i virtualizatsiya sovremennogo prostranstva publichnoy politiki [Mediatization and virtualization of the modern space of public policy] // Kommunikologiya. 2016. N 4. S. 125–136 (in Russian).

Zhuravleva I.V. Otnoshenie k zdorov'yu individa i obshchestva [Attitude to the health of the individual and society]. M., 2006 (in Russian).

Zhuravleva I.V., Ivanova L.Yu., Ivahnenko G.A. i dr. Zdorov'e studentov: sociologicheskij analiz [Health of students: a sociological analysis] / Otv. red. I.V. Zhuravleva. M., 2014 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2023-29-3-28-49

ОБРАЗ ЗДОРОВЬЯ В БЛОГОСФЕРЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ (Часть 1)*

А.В. Лядова, канд. социол. наук, доц. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234**

Статья посвящена исследованию медиатизации сферы здоровья на примере блогосферы. Данная тема рассматривается как актуальная, но недостаточно разработанная в отечественном научном дискурсе, вследствие чего, а также с учетом значимости здоровья как важнейшей составляющей общественной и индивидуальной жизнедеятельности, возникает необходимость ее изучения. В работе предпринята попытка анализа особенностей репрезентации образа здоровья и практик здоровьесбережения в блогосфере. Данный медиаформат сегодня можно рассматривать как мейнстрим виртуальной коммуникации, особенно он популярен среди молодежи. Статья содержит два блока. Первый — теоретико-методологический, в котором представлен анализ ключевых понятий: блог, блогосфера, блогинг. С использованием в качестве теоретико-методологической основы для их изучения концепции социального пространства, теорий социального действия в работе предложены следующие их определения: блог выступает как особое социальное пространство, в рамках которого участники осуществляют социально-коммуникативную деятельность — блогинг, направленную на удовлетворение их социальных потребностей, осуществляемую с помощью языка посредством интерпретаций передаваемых смыслов, конструирования их и обмена ценностями, порождая свой дискурс и социальное знание по артикулируемым темам, тем самым способствуя формированию новой социальной реальности — блогосферы. Вторая часть исследования отражает основные направления научной дискуссии об особенностях репрезентации сферы здоровья в блогах на основе анализа актуальных отечественных и зарубежных публикаций по данной проблематике. В работе проведены сравнительный анализ и систематизация основных подходов и позиций исследователей, выявлены особенности репрезентации сферы здоровья в блогосфере, а также положительные эффекты и основные проблемы, связанные с влиянием блогов на социальные представления о здоровье и практиках здоровьесбережения.

Ключевые слова: здоровье, медиатизация здоровья, новые медиа, блоги, блогинг, блогосфера, дискурс о здоровье в блогосфере.

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, грант № 23-28-01081. URL: <https://rscf.ru/project/23-28-01081/>

** Лядова Анна Васильевна, e-mail: annaslm@mail.ru

HEALTH REPRESENTATION IN THE BLOGOSPHERE: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS (Part 1)

Liadova Anna V., PhD in Sociology, Associate Professor, Department of Contemporary Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: annaslm@mail.ru

The article deals with the study of health mediatization on the example of the blogosphere. This topic is considered as relevant, but not sufficiently developed in the domestic scientific discourse, thus, as health is an significant component of social and individual life, it is important to study it. The paper attempts to analyze the features of the representation of the image of health and health-saving practices in the blogosphere. Nowadays the media format is considered as the mainstream of virtual communication, and it is especially popular among young people. The article contains two parts. The first one is theoretical and methodological, including the analysis of key concepts: blog, blogosphere, blogging. Using as a theoretical and methodological basis for their study the concept of social space, theories of social action, the following definitions are proposed in the work: a blog acts as a special social space where participants carry out social and communicative activities — blogging, that aims to meet their social needs and is carried out with language through the interpretation of transmitted meanings, their construction and exchange of values, generating its own discourse and social knowledge on articulated topics, thereby contributing to the formation of a new social reality — the blogosphere. The second part of the study reflects the main directions of scientific discussion about the features of the representation of the health sector in blogs based on the analysis of relevant domestic and foreign publications of the issue under discussion. The work includes a comparative analysis and systematization of the main approaches, the features of the health representation in the blogosphere, as well as the positive effects and main problems associated with the influence of blogs on social ideas about health and health saving practices.

Key words: health, mediatization of health, new media, blogs, blogging, blogosphere, health discourse in the blogosphere.

За последние несколько лет исследования здоровья и его сохранения стали одним из актуальных тематических векторов в отечественном научном дискурсе. По результатам поиска научных публикаций по данной теме в базе российского индекса научного цитирования их число за последние пять лет составило свыше 14,6 тысяч, что по сравнению с предыдущим аналогичным периодом (около 9,8 тыс.) выросло практически в 1,5 раза¹.

¹ Поиск производился по ключевым словам “здоровье”, “здоровый образ жизни”, “отношение к здоровью”, “здоровьесбережение”, “риски здоровью”, “факторы здоровья”, без учета морфологии по базам периодических, монографических изданий, материалов конференций и диссертационных исследований за периоды с 2012 по 2017 гг. включительно, 2018–2023 гг. включительно.

Рост исследовательского интереса обоснован рядом социально значимых трендов в развитии сферы здоровья в современном российском обществе, а именно:

а) неудовлетворительным состоянием здоровья, прежде всего, молодого поколения, на фоне общей тенденции старения населения, что порождает необходимость изучения причин этих деструкций²;

б) преобладанием в структуре заболеваемости болезней “цивилизации” и “образа жизни”, что обуславливает поиск факторов, их детерминирующих, а также мер, способствующих их преодолению³;

в) развитием биомедицинских технологий, социальное осмысление которых подразумевает анализ возможных перспектив и ограничений их внедрения, а также изучение изменений, происходящих в структуре социального института медицины, включая вопросы биоэтики, трансформации социальных представлений о здоровье и рисках ему и их влияния на отношение населения к своему здоровью⁴;

² См.: *Стырькова Н.А.* Формирование ценностного отношения студенческой молодежи к здоровью и здоровому образу жизни // Закономерности и тенденции инновационного развития общества: Сб. ст. по итогам Междунар. науч.-практ. конф., Стерлитамак, 28 января 2019 года. Ч. 2. Стерлитамак, 2019. С. 54–57; *Ковалева О.В., Верховский А.Е., Иванова О.В.* Анализ отношения старшеклассников к своему здоровью и здоровому образу жизни // Уральский медицинский журнал. 2019. № 14 (182). С. 149–151; *Цыгановский А.М., Цыбина Е.А., Пешкова Н.В.* Исследование особенностей отношения к здоровью и здоровому образу жизни у студентов факультета физической культуры // Успехи гуманитарных наук. 2020. № 6. С. 58–64; *Есауленко И.Э., Попов В.И., Петрова Т.Н.* Влияние условий и образа жизни на здоровье студентов: медико-социальная характеристика приоритетных факторов риска // Здоровье молодежи: новые вызовы и перспективы. Т. 4. М., 2019. С. 8–31; *Назарова И.Б.* Мониторинг состояния здоровья населения и факторов риска (к методологии изучения здоровья) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2022. Т. 22. № 3. С. 616–629.

³ См.: *Цапак Т.А., Кляритская И.Л., Кривой В.В., Иськова И.А.* Здоровый образ жизни как определяющий фактор продолжительности жизни // Крымский терапевтический журнал. 2020. № 2. С. 69–75; *Евстифеева С.Е., Капустина А.В., Никонов Е.Л.* Возрастные и гендерные характеристики поведенческих факторов риска и приверженности здоровому образу жизни у москвичей // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. 2020. Т. 19. № 5. С. 220–229; *Щетинина С.Ю., Санина В.А.* Роль физического воспитания в современном обществе // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2020. № 3 (181). С. 506–509; *Горина Е.Е., Саулина М.А.* Формирование основ трезвого образа жизни: теоретические и практические аспекты // Социальные отношения. 2020. № 1 (32). С. 68–78; *Лядова А.В.* Социальные факторы здоровья в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2021. Т. 27. № 4. С. 134–156; *Мартыненко Т.С.* Болезни образа жизни: здоровье человека в современном городе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 1. С. 18–35.

⁴ См.: *Хальфин Р.А., Мадьянова В.В., Качкова О.Е., и др.* Пациентоориентированная медицина: предпосылки к трансформации и компоненты // Вестник Россий-

г) усилением социального неравенства в сфере здоровья, порождающим дискуссию в исследовательском поле не только о его причинах, но, в первую очередь, разработке эффективных стратегий по его снижению⁵;

д) кризисом пандемии новой коронавирусной инфекции, социологический анализ которого привел к актуализации исследований существующих пробелов в функционировании современных систем охраны здоровья и поиска путей их решения, а также переосмыслению роли здоровья в жизнедеятельности индивида и общества в целом⁶.

Наряду с указанными направлениями к мейнстриму современного дискурса о здоровье можно отнести исследования цифровизации сферы здоровья, которые охватывают сегодня целый ряд вопросов, начиная от концептуализации введенных в научных оборот “цифровых” понятий (“цифровое здоровье”, “цифровое здравоохранение”, “электронное здравоохранение”, “телемедицина”, “кван-

ского университета дружбы народов. Серия: Медицина. 2019. Т. 23. № 1. С. 104–114; Ерохин А.К., Коваленко С.В. Моральная аргументация рисков использования нанотехнологий в биомедицине // Социодинамика. 2019. № 10. С. 44–54; Попова О.В. Тело как объект экспериментирования и становление этоса биомедицины: уроки Нюрнберга // Эпистемология и философия науки. 2021. Т. 58. № 1. С. 125–141; Михель Д.В., Резник О.Н. Биотехнологическая революция в медицине как новый вызов для общества: опыт ее восприятия в США и России // Россия и современный мир. 2022. № 1 (114). С. 22–44.

⁵ См.: Бояркина С.И., Ходоренко Д.К. Теоретические подходы к изучению формирования и воспроизводства социальных неравенств в здоровье // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. Т. 23. № 5. С. 41–73; Лядова А.В. Социальное неравенство и проблемы здоровья в научном дискурсе: историко-сравнительный анализ // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2021. Т. 27. № 1. С. 36–71; Русинова Н.Л., Сафронов В.В. Возрастные различия статусных неравенств в здоровье: значение социального государства // Социологический журнал. 2021. Т. 27. № 1. С. 97–121; Шибалков И.П., Павлова И.А., Недоспасова О.П., Тагина Е.К. Систематизация социально-экономических факторов, определяющих неравенство в здоровье: литературный обзор // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 468. С. 101–114.

⁶ См.: Осадчая Г.И., Селезнев И.А., Киреев Е.Ю., Киселева Е.Е. Социальное здоровье граждан Евразийского экономического союза в условиях пандемии COVID-19 // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2021. Т. 29. № S1. С. 768–773; Рыжкова Т.Б., Тарасенко Е.А. Забота о здоровье и благополучии: изменение трендов потребительского поведения в условиях пандемии CoVID-19 // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. № 2. С. 24–37; Ивахненко Г.А. Влияние пандемии COVID-19 на отношение россиян к своему здоровью: социологический анализ // Социология медицины. 2022. Т. 21. № 1. С. 109–116; Решетников В.А., Коршевер Н.Г., Рюк В.В., Сидельников С.А. Детерминанты здоровья в условиях пандемии COVID-19 // Гигиена и санитария. 2022. Т. 101. № 12. С. 1575–1580; Рассказова Е.И., Тхостов А.Ш. Отношение к здоровью и готовность к лечению в ситуации пандемии // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2023. № 1. С. 3–30.

тификация телесности”), изучения трансформации социального института медицины и перехода к цифровой модели его функционирования, появления новых практик здоровьесбережения, до анализа возможностей и рисков влияния цифровой среды на состояние индивидуального и общественного здоровья⁷.

Несмотря на рост исследовательского интереса к данной проблематике одной из актуальных, но пока недостаточно представленных в рамках отечественного научного дискурса о цифровизации здоровья, выступает тема медиатизации сферы здоровья, а именно, изучение влияния новых медиа на социальные представления о различных проблемах, рисках здоровью, отношении населения к своему здоровью и практики здорового образа жизни.

Под новыми медиа подразумеваются средства передачи информации и способы коммуникации на основе интернет-технологий, особенностями которых являются интерактивность, конвергентность, полиформатность, гиперсвязанность, диалогичность, доступность⁸. К новым медиа относятся социальные сети, чаты, форумы, блоги, электронные сервисы почтовых сообщений, интернет-издания.

Значимость изучения данной проблематики обусловлена несколькими аспектами.

Во-первых, по-прежнему вызывает серьезную обеспокоенность среди экспертов общественного здравоохранения негативная ди-

⁷ См.: *Богомяжкова Е.С., Дупак А.А.* Мобильное здравоохранение в действии: практики цифрового селф-трекинга студентов России и Европы // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7. № 2. С. 88–101; *Брызгалова Е.В.* Селф-трекинг как скетч цифровой медицины и объект эпистемического анализа // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2021. № 3 (29). С. 55–82; *Дмитриева Е.В.* Социология здоровья и цифровое здравоохранение // Коллекция гуманитарных исследований. 2021. № 3 (28). С. 6–11; *Орлов Г.М.* Цифровое развитие здравоохранения: акцент на трансформации взаимодействия с пациентом // Информационное общество: образование, наука, культура и технологии будущего. 2021. № 5. С. 9–16; *Хрянин А.А., Русских М.В., Киселева Т.В.* Новые возможности цифрового здравоохранения (мобильное приложение) в профилактике ИППП и ВИЧ-инфекции среди молодежи // Journal of Siberian Medical Sciences. 2021. № 4. С. 40–52; *Богомяжкова Е.С.* “Доверяй, но проверяй”: практики заботы о здоровье в условиях цифровизации здравоохранения // Журнал исследований социальной политики. 2022. Т. 20. № 2. С. 263–278.

⁸ См.: *Карякина К.А.* Актуальные формы и модели новых медиа: от понимания аудитории к созданию контента // Медиаскоп. 2010. № 1. С. 6–9; *Горошко Е.И., Землякова Е.А.* Полиформатный мессенджер как жанр 2. 0 (на примере мессенджера мгновенных сообщений Telegram // Жанры речи. 2017. № 1. С. 92–100; *Marshall Ph.D.* New media cultures. L., 2004; *Flew T.* New media: an introduction. Oxford, 2008; *Носовиц С.Г.* Новые медиа: к определению понятия // Коммуникативные исследования. 2016. № 4 (10). С. 39–47.

намика в состоянии здоровья российской молодежи и структуре заболеваемости молодых россиян.

Наряду с этим в условиях цифровизации общества популярным источником информации, включая тематику здоровья, для современной молодежи является интернет. Виртуальные сообщества, блоги, чаты, форумы выступают основным социально-коммуникативным пространством для молодых людей, в котором они делятся своим опытом, получают ответы на волнующие их вопросы, в том числе, и о болезнях и здоровье⁹. Так, по данным исследования медиапотребления среди российского населения, проведенного в 2021 г. аналитическим агентством “Всероссийский центр изучения общественного мнения”, подавляющее большинство респондентов в возрасте от 18 до 35 лет предпочитает получать новости из социальных сетей и блогов (80%), аналитических сайтов в интернете (53%), более трех часов в день проводят в социальных сетях и мессенджерах¹⁰. Учитывая широту распространения, доступность и персонифицируемый характер информации в новых медиа, что порождает феномен инфлюенсинга¹¹, социальные сети, блоги, форумы и другие подобные медиаформаты в виртуальном пространстве становятся не только ведущими источниками информации, но и трансляторами определенных ценностей и моделей поведения. Однако в условиях широкой коммодификации сферы здоровья в современном обществе и возможности монетизации транслируемого контента с помощью различных инструментов, предоставляемых цифровыми платформами, формируемые под воздействием новых медиа образы и практики здоровья не всегда могут иметь позитивный эффект на пользовательскую аудиторию, прежде всего, молодое поколение, что актуализирует необходимость научного изучения социальных аспектов этого влияния¹².

⁹ Клинова Д.А. Дискурс блогера: социально-коммуникативный аспект // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2021. № 1. С. 81.

¹⁰ Медиапотребление и активность в интернете. Аналитический обзор. ВЦИОМ. 2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mediapotreblenie-i-aktivnost-v-internete> (дата обращения: 31.05.2023).

¹¹ См.: От блогеров — к инфлюенсерам: борьба за внимание и влияние на аудиторию. Новые тренды. Аналитический доклад. ВЦИОМ. 2020. URL: <https://wciom.ru/analytical-reports/analiticheskii-doklad/ot-blogerov-k-inflyuenseram-borba-za-vnimanie-i-vliyanie-na-auditoriyu-novye-trendy> (дата обращения: 31.05.2023); Захаркин Р.А., Аргылов Н.А. Инфлюенсеры как медиазначимые другие: современные тренды вторичной социализации // Власть. 2021. № 6. С. 27–37.

¹² Клинова Д.А. Дискурс блогера: социально-коммуникативный аспект // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2021. № 1.

В этой связи в рамках данной работы предпринята попытка выявить особенности воздействия новых медиа на репрезентацию здоровья на примере анализа блогосферы.

Данный медиаформат в качестве исследовательской базы выбран как по причине его растущей популярности в современном информационно-коммуникативном пространстве, так и в силу того, что основными пользователями (создателями и потребителями) блогинга являются представители молодого поколения¹³.

И хотя в научном дискурсе изучение роли блогосферы в контексте исследований здоровья и здорового образа жизни представляет актуальное направление, однако, в отечественном исследовательском поле оно пока недостаточно разработано¹⁴, что вызывает необходимость систематизации существующих подходов и мнений ученых.

Настоящее исследование включает два раздела. Первый из них содержит теоретическую часть, в которой представлен анализ ключевых понятий работы. Второй раздел отражает основные направления научной дискуссии об особенностях репрезентации сферы

С. 82; Дудина В.И., Сайфулина В.О. “Почитала, еще меньше вакцинироваться захотелось”: онлайн-дискурс вакцинной нерешительности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 1. С. 279–298; Jones R.K., Biddlecom A.E. Is the internet filling the sexual health information gap for teens? An exploratory study // Journal of Health Communication. 2011. Vol. 16. N 2. P. 112–123; Waszak P.M., Kasprzycka-Waszak W., Kubanek A. The spread of medical fake news in social media — the pilot quantitative study // Health Policy and Technology. 2018. Vol. 7. N 2. P. 115–118; Zanatta E.T. et al. Fake news: the impact of the internet on population health // Revista da Associação Médica Brasileira. 2021. Vol. 67. P. 926–930; Banerjee D., Meena K.S. COVID-19 as an “infodemic” in public health: critical role of the social media // Frontiers in Public Health. 2021. Vol. 9. P. 610–623.

¹³ Согласно данным исследования, проведенного ВЦИОМ в 2021 г., среди респондентов, читающих и просматривающих блоги, 63% — это представители молодежи (См.: Медиапотребление и активность в интернете. Аналитический обзор. ВЦИОМ. 2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mediapotrebienie-i-aktivnost-v-internete> (дата обращения: 31.05.2023)).

¹⁴ См.: Груздева М.А. Инструменты формирования самосохранительных практик населения: социальные сети и блогосфера // Социальное пространство. 2017. № 4 (11). С. 1–11; Варнавская Е.В. Сетевой медицинский дискурс в блогосфере: социологический и специфика онлайн-общения // Концепт. 2019. № 5; Ним Е.Г. “Вы есть ваши данные”: селф-трекинг как феномен глубокой медиатизации // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2020. № 5. С. 29–53; Кульпин С.В., Савчук Г.А., Якимова О.А. Зачем молодежь создает контент о здоровом образе жизни: факторный анализ тематических блогов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 2. С. 168–190; Дудина В.И., Сайфулина В.О. “Почитала, еще меньше вакцинироваться захотелось”: онлайн-дискурс вакцинной нерешительности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 1. С. 279–298.

здоровья в блогах на основе анализа актуальных отечественных и зарубежных публикаций по данной проблематике.

Блог как социальный феномен. Хотя существует несколько историй о происхождении блогинга¹⁵, наиболее распространена версия о том, что слово “blog”, сокращенное от термина “weblog”, было введено американским сетевым специалистом Йорном Баргером в 1997 г. для описания списка ссылок на своем веб-сайте и отражения его поисковых запросов в пространстве интернета¹⁶. Поэтому базовое значение самого термина (weblog) — это “онлайн-дневник”.

Впоследствии благодаря разработке специальных веб-сервисов, таких как Blogger (1999) и Wordpress (2005), которые обеспечили пользователей широким набором инструментов для создания и ведения их дневников, популярность блогов резко возросла, что привело к их отождествлению с особой журналистской деятельностью по созданию и распространению “народных новостей”¹⁷. Также в рамках онлайн-дневников у их читателей появилась возможность оставлять свои комментарии, что обеспечило блоги функцией обратной связи, положив начало развитию на их основе сетевых сообществ и, вследствие этого, их активной гибридизации¹⁸.

В этой связи американский разработчик программного обеспечения Д. Винер, который сам является первопроходцем в блогинге, и чей блог Scripting News¹⁹ считается блогом-“долгожителем”, существующим уже более тридцати лет, сравнивает создание и распространение блогинга с революцией в коммуникации²⁰.

В современном цифровом медиапространстве ведение блогов можно рассматривать как коммуникативный мейнстрим. Сегодня в мире на различных платформах существует более 600 миллионов блогов, при этом каждый день создается в среднем 120 000 новых блогов²¹.

¹⁵ См.: *Абрамов Р.Н.* Методологические и содержательные аспекты социальных исследований блогов: аналитический обзор // *Социология*: 4М. 2012. № 35. С. 91.

¹⁶ *Rettberg J.W.* Blogging. Cambridge, 2014. P. 5–6; After 10 Years of Blogs, the Future’s Brighter Than Ever. URL: <https://www.wired.com/2007/12/after-10-years-of-blogs-the-futures-brighter-than-ever/> (accessed: 03.05.2023).

¹⁷ *Педрони М.* Двадцать лет модной блогосферы и инфлюенсинга: критический обзор // *Теория моды: одежда, тело, культура*. 2022. № 1 (63). С. 167–204.

¹⁸ *Абрамов Р.Н.* Методологические и содержательные аспекты социальных исследований блогов: аналитический обзор // *Социология*: 4М. 2012. № 35. С. 92.

¹⁹ <http://scripting.com/>

²⁰ *Lankshear C., Knobel M.* Blogging as participation: the active sociality of a new literacy. N.Y., 2006.

²¹ Number of US bloggers in 2022/2023: demographics, revenues, and best practices. URL: <https://financesonline.com/number-of-us-bloggers/> (accessed: 05.05.2023).

В России рост популярности блогов начинается с середины первого десятилетия XXI в., а базовой площадкой для их распространения стал так называемый “Живой журнал” (LiveJournal)²². Сегодня наряду с данной платформой активно используются и другие российские сервисы: Яндекс.Дзен, Teletype, Telegram, YouTube, Rutube, предлагающие различные инструменты и форматы для ведения онлайн-дневников.

Развитие блогов иллюстрирует особый этап в истории эпохи интернета, характеризующийся не только технической трансформацией доступа людей к информации, но и значимыми социальными изменениями, а именно, иными способами ее создания, продвижения, и самое важное, формирования обширных социальных сообществ, объединяемых в виртуальной сети взаимосвязанными ссылками.

В этой связи в современном лексиконе, описывающем виртуальную среду, появилось новое понятие — блогосфера. По аналогии с такими словами, как “техносфера”, “антропосфера” и т.п., его можно трактовать как часть виртуальной реальности, в которой создаются и функционируют блоги, “сообщество блогов”²³.

Хотя указанное определение рассматриваемого понятия вполне отражает его общее содержание, тем не менее в рамках социологического анализа следует также обратить внимание и на дополнительные его трактовки, в которых акцент ставится не столько на технических особенностях организации онлайн-дневников в виртуальном пространстве, сколько на их социальных характеристиках. Так, учитывая информационно-коммуникативные аспекты функционирования блогосферы, ее можно рассматривать как медиаресурс²⁴. Наряду с этим в условиях сетевых интеракций блогосфера выступает как “распределенное в виртуальном пространстве знание... ценный механизм для объединения мнений и смыслов, новый способ конструирования социального знания... новый формат социальной реальности, в котором объединяется публичная и приватная сферы”²⁵.

Благодаря развитию интернет-технологий онлайн-дневники из средства трансляции информации превратились в особое со-

²² Абрамов Р.Н. Указ. соч. С. 97.

²³ Груздева М.А. Инструменты формирования самосохранительных практик населения: социальные сети и блогосфера // Социальное пространство. 2017. № 4 (11). С. 3.

²⁴ Там же. С. 4.

²⁵ См.: Meinel C. et al. Blogosphere and its exploration. N.Y., 2015; Halavais A. The blogosphere and its problems: Web 2.0 undermining civic Webspaces // First Monday. 2016. N 21 (6).

циальное пространство. Исходя из определения данной категории в рамках классических и современных концепций²⁶, можно выделить такие его характеристики, как обусловленность социальными взаимодействиями и отношениями, множественность, динамичность, открытость, особая темпоральность, структурированность, символическая наполненность, неразрывная связь с культурой, что находит отражение через нормы, регулирующие отношения в нем²⁷.

Наряду с указанными чертами блог как социальное пространство имеет и определенные особенности. В первую очередь, это его виртуальность, что обуславливает и соответствующие характеристики взаимодействующих участников и объектов, а также порождает новые виды социальных конструкторов, например, способы формирования социальных связей (онлайн-марафоны), новые социальные практики, в том числе в сфере здорового образа жизни²⁸.

Также исследователи обращают внимание на его гетерогенность, конвергентность, гипертекстуальность²⁹, а также сетевой характер³⁰, что обуславливает восприятие его границ не через степень близости, а через интеграцию на основе разделяемых сообществом социальных смыслов.

Основываясь на теории испанского социолога М. Кастельса о новой коммуникационной системе, которая “радикально трансформирует пространство и время... лишая местности... культурного, исторического, географического значения... вызывая к жизни пространство потоков... материальный фундамент новой культуры... где выдуманный мир есть выдумка в процессе своего создания”³¹, также следует обратить внимание на особенности формирования самого пространства и идентичности в его контексте, что позволяет

²⁶ Бурдые П. Социология социального пространства. М.; СПб., 2007; Вебер М. Город. М., 2017; Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000; Парк Р.Э. Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11. Социология: РЖ. 2000. № 3. С. 136–150; Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонова. М., 1992; Филиппов А.Ф. Социология пространства. СПб., 2008.

²⁷ См.: Бужин В.Н. Социальное пространство в социологическом дискурсе // Среднерусский вестник общественных наук. 2010. № 4. С. 23–34.

²⁸ См.: Луман Н. Реальность массмедиа. М., 2005; Минина В.Н., Василькова В.В. От социального пространства к пространству онлайн социальных сетей: исследовательские подходы и вызовы // Социальное пространство. 2019. № 5. С. 1–15.

²⁹ Там же.

³⁰ См.: Шарков Ф.И. Социальные сети как основа формирования пространства публичных коммуникаций // Коммуникология. 2019. Т. 7. № 4. С. 32–40.

³¹ Кастельс М. Указ. соч. С. 353.

характеризовать ее как проектную³². В этой связи онлайн-дневники выступают как пространство для конструирования и функционирования виртуального “Я”.

С одной стороны, в ходе трансляции с помощью цифровых средств определенного событийного контента из реальной жизни отражается личность самого автора. С другой — сам контент, выступая как основа виртуальных интеракций, выполняет сетеобразующую функцию и, тем самым, способствует конструированию виртуальной личности, что дает основание рассматривать “личность в сети” как “производное от своего контента и своих интеракций”³³. При этом интересно отметить, что, так как в рамках блогов основными средствами коммуникации выступают авторские посты и комментарии на них со стороны аудитории (пользовательские отклики), их содержание, на наш взгляд, выступает ключевым ориентиром для блогера в конструировании своей идентичности, которая подстраивается под реакцию пользователей. При этом для привлекательности блога и его ведущего важны любые оценки, независимо от их эмоциональной окрашенности — “лайки” или “хейт”, ведь они в любом случае позволяют поймать “хайп” и делают блог популярным.

В этой связи отмечается динамичный, неустойчивый образ виртуальной личности, подверженный частым изменениям, в зависимости от реакций значимых Других, элементы которых она также может в себя включать, что позволяет выделить еще одну ее характеристику — многоструктурность³⁴. Таким образом, “сетевая личность невозможна без другой сетевой личности... автор сетевого дневника обращается к себе, к Другому и к себе как Другому”³⁵.

Если блог выступает как особое социальное пространство, то деятельность, направленная на его создание и развитие, т.е. блогинг, может быть интерпретирована как совокупность социальных действий. В этой связи представляется продуктивным анализ блогинга с помощью теорий социального действия М. Вебера, Т. Парсонса и Ю. Хабермаса.

Согласно подходу немецкого социолога М. Вебера, социальное действие характеризуется как осмысленное, ориентированное на

³² Минина В.Н., Василькова В.В. Указ. соч. С. 9–10.

³³ Асмолов А.Г., Асмолов Г.А. От Мы-медиа к Я-медиа: трансформации идентичности в виртуальном мире // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2010. № 1. С. 18.

³⁴ Хитров А. Блог как феномен культуры // Журнал социологии и социальной антропологии. 2007. Т. 10. № 5. С. 74.

³⁵ Там же. С. 75.

значимого Другого, индивидуально мотивированное³⁶. Несмотря на то что блог, если рассматривать его в традиционном жанре как онлайн-записи жизненных событий или новостей, ведется от лица автора, он априори обладает диалогичностью, так как его формат предполагает ориентацию на пользовательскую аудиторию — значимых Других. При этом, как отмечается исследователями, коммуникация, осуществляемая в блогах, может быть разделена на три уровня взаимодействия: межличностный, групповой и массовый³⁷.

Также блогинг как деятельность имеет определенную цель, детерминированную мотивацией самого блогера. Так, на примере исследования, проведенного среди блогеров в Стэндфордском университете, было выявлено несколько мотивов, почему люди разного возраста, социального статуса, рода деятельности, ведут личные онлайн-страницы, а именно: 1) как документирование своей жизни; 2) предоставление комментариев и мнений; 3) для эмоциональной разрядки (катарсис); 4) для поиска идей; 5) с целью создания сообществ по интересам; 6) для самовыражения и самоактуализации³⁸.

Наряду с выделенными причинами ведения блогов также следует указать и их использование в современном медиапространстве для профессиональной деятельности³⁹. При этом бизнес-блоги могут создаваться как отдельными пользователями интернета, так и выступать как площадка для продвижения корпоративных интересов⁴⁰. Благодаря предлагаемым сервис-платформам разнообразным способам монетизации (например, размещение рекламы), целью блогинга также может быть и материальный интерес, стремление к обогащению и получению прибыли⁴¹.

³⁶ Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 628–630.

³⁷ Панюшева М.М. Блогосфера: традиционные СМИ vs нетрадиционные // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2010. № 4. С. 108.

³⁸ Nardi B.A. et al. Why we blog // Communications of the ACM. 2004. Vol. 47. N 12. P. 44.

³⁹ См.: Лаурелль К. Когда блогеры становятся дизайнерами: как меняются профессии в системе моды // Теория моды: одежда, тело, культура. 2020. № 56. С. 223–243.

⁴⁰ См.: Образцова А.Ю., Сердотецкий Ф.А. Механизмы продвижения и монетизации российских и зарубежных СМИ в социальных сетях // Меди@льманах. 2022. № 3 (110). С. 75–84.

⁴¹ Назимко А.Е. Web 2.0: между массовой и элитарной культурой // Медиа-философия. 2009. Т. 2. № 2. С. 80–86; Климова Д.А. Дискурс блогера: социально-коммуникативный аспект // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2021. № 1. С. 82; От блогеров — к инфлюэнсерам: борьба за внимание и влияние на аудиторию. Новые тренды. URL: <https://wcio.ru/index.php?id=236&uid=10560> (дата обращения: 31.05.2023).

В рамках своей теории американский социолог Т. Парсонс определяет социальное действие как поведение действующего субъекта, направленное на достижение цели, нормативно регулируемое, имеющее место в определенной ситуации, состоящей из объектов, по отношению к которым у актора есть ориентация (представления и мотивация), а также рационально значимое⁴². При этом действия не являются разрозненными, а объединены в системы: социальную, систему личности, культурную, каждая из которых обладает своими характеристиками⁴³. Так, социальная система включает взаимодействие между двумя и более акторами, следовательно, их действия обусловлены ориентацией друг на друга, которые выступают в качестве цели, средства для ее достижения или “объектами оценочных суждений”⁴⁴. В системе личности особую роль для организации действия играют потребности, лежащие в основе личностной мотивации⁴⁵. Культурная же система — это система ценностных эталонов, которые выступают как значимые ориентиры во взаимодействиях в рамках первых двух систем, способствуя их проникновению друг в друга⁴⁶. На уровне социальной системы они представляют собой организованный набор правил или стандартов, определяющих порядок взаимодействия (ролевые предписания), который индивид усваивает в процессе социализации, вследствие чего ценностные ориентации на уровне системы личности есть ее приверженность к этим эталонам, а значит, они выступают как основание диспозиции потребностей⁴⁷.

Используя теорию действия американского социолога для анализа, блогинг можно представить как социальную систему, включающую взаимодействующих блогера и его аудиторию⁴⁸, которые имеют определенные цели, достигаемые в заданных виртуальной средой условиях и с помощью наличных средств. Важно учитывать, что действия всех участников в этом пространстве ориентированы друг на друга: так, автор публикует свой контент с предвидением определенной реакции пользователей, которые, в свою очередь, в зависимости от оценки привлекательности и информационной содержательности представленного материала, оставляют комментарии,

⁴² Парсонс Т. О структуре социального действия. М., 2000. С. 459–460.

⁴³ Там же. С. 461.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же. С. 462.

⁴⁷ Там же. С. 469.

⁴⁸ Аудитория блога.

подписываются на страницу или просто уходят, если публикация не вызывает отклика.

Несмотря на широкие возможности, предоставляемые блог-платформами для создания своих страниц, все-таки следует отметить, что условия и средства ведения блога ограничены, т.е. блогинг выступает как нормативно регулируемая деятельность. Так, российский сервис Яндекс.Дзен жестко регламентирует размещение медицинского контента. Согласно указанным на платформе требованиям, “можно публиковать материалы на медицинскую тематику, если они опираются на принципы доказательной медицины и несут информационную ценность для пользователей. Важно, чтобы материал на такую тему не давал прямых схем лечения, но мотивировал пользователя обратиться за официальной медицинской помощью... запрещены материалы, которые побуждают отказаться от профессиональной медицинской помощи, призывая лечиться самостоятельно или пропагандируя недоказанные методы лечения”⁴⁹.

Наряду с этим значимым для развития блогинга выступает мотивация участников. Если для авторов блог может быть способом удовлетворения потребностей в самовыражении, социальной поддержке, сопричастности, эмоциональной разрядке, самоутверждении, о чем было сказано ранее, то причины, почему люди читают блоги, обусловлены разнообразием функций, которые может выполнять этот медиаформат, и, следовательно, удовлетворять их различные интересы. Так, на основе статусно-ролевого критерия выделяют несколько типов пользователей и, соответственно, целей посещения блогов⁵⁰. Для первого типа характерна открытость и нормативность поведения, что позволяет предполагать его участие в коммуникации для достижения определенной цели, зачастую получение какой-то информации, обмена мнениями, поиска решения. Второй тип пользователей ориентирован на самореализацию, реализацию потребности в социальной поддержке, включая информирование о значимых для них вопросах, которые они не могут задать своим близким. Для самопрезентации такие пользователи используют вымышленные имена, что свидетельствует об их потребности в реализации своих интересов и ограниченности сделать это в офлайн-среде. К третьему типу относятся те, кто читает и комментирует блоги ради развлечения, психологической разрядки, при

⁴⁹ Требования к контенту. Справка. URL: <https://dzen.ru/help/requirements/rules.html#clickbait>

⁵⁰ Богданов Д.В. Социальные функции интернета // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2011. № 1 (21). С. 114–120.

этом часто оставляемые ими посты содержат негативные отклики, ненормативную лексику, высказывания недовольства⁵¹.

Таким образом, как для пользователей, так и для авторов блогинг как система социальных действий выполняет различные функции, способствуя реализации их потребностей.

Наряду с рассмотренными подходами также перспективным представляется анализ блогинга как социальной деятельности с помощью теоретико-методологической оптики, разработанной немецким социологом Ю. Хабермасом⁵².

Согласно его подходу, понятие социального действия может быть рассмотрено в рамках четырех моделей: а) телеологической; б) нормативно регулируемой; в) драматургической; г) коммуникативной⁵³. Первая подразумевает достижение максимальной пользы или поставленной цели с помощью выбираемых самим актором средств⁵⁴. Нормативно регулируемая деятельность предполагает групповое взаимодействие с ориентацией на общие для всех участников ценности. Как указывает автор, ключевым в этой модели выступает понятие “следование норме”, которое “означает выполнение некоего генерализованного поведенческого ожидания”⁵⁵. Драматургическая модель также предполагает участие не одинокого актора, но и не членов социальной группы. Данный тип действия описывает интеракции участников, которые ориентированы на формирование у публики определенного образа, раскрывающего субъективность⁵⁶. При этом Ю. Хабермас подчеркивает, что “каждый действующий может контролировать доступ общественности в сферу его собственных намерений, мыслей, установок, желаний, чувств и т.д., привилегированный доступ к которой имеет только он сам”⁵⁷. В драматургической деятельности ее участники пользуются этим обстоятельством и управляют своей интеракцией с помощью регулирования обоюдного доступа к собственной субъективности каждого из них⁵⁸. Коммуникативное действие направлено на достижение консенсуса в интерперсональных отношениях, ключевым же понятием здесь выступает интерпретация.

⁵¹ Богданов Д.В. Социальные функции интернета. С. 115–119.

⁵² Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности. Т. 1. Рациональность действия и социальная рационализация; Т. 2. К критике функционалистского разума. М., 2022.

⁵³ Там же. С. 107–108.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же. С. 108.

В этой связи немецкий социолог особую роль в осуществлении данной модели отводит языку и формируемому посредством его дискурсу⁵⁹. Он пишет: "...понятие коммуникативной деятельности предполагает язык как коммуникативную среду процессов достижения взаимопонимания такого рода, в ходе которых участники, относясь к некоему миру, выдвигают взаимные притязания, которые могут быть приняты и оспорены"⁶⁰.

Анализируя особенности коммуникативной деятельности, автор выдвигает три значимых принципа для ее осуществления: это принятие истинности высказываемого, соответствие речевого действия нормативному контексту, правдивость изъяснения субъективных переживаний⁶¹. Также важным для понимания выступает тезис о том, что акторы интерпретируют высказывания на основе своих представлений об истинности и исходя из того запаса знаний, которым они обладают по артикулируемой тематике.

Таким образом, коммуникативное действие представляет собой особое социальное действие, направленное на интерпретацию смыслов и их структурирование на основе имеющегося субъективного опыта и интериоризованных норм. Вследствие этих особенностей, как отмечают отечественные исследователи Ю.А. Кимелев и Н.Л. Полякова, среду коммуникативного действия составляет "коммуникативная обыденная практика, основывающаяся на имплицитном знании... жизненный мир образует среду коммуникативного действия"⁶².

Если использовать данный подход, то блогинг также может быть рассмотрен как коммуникативная деятельность. Во-первых, основой блога выступает текст, независимо от различных форматов его подачи (письменный, видео, аудиозаписи). Следовательно, ключевым инструментом его создания является язык. Авторский текст выступает своеобразным стимулом, порождающим реакции читателей⁶³. При этом он выполняет две функции: с одной стороны, информативную, так как содержит определенные сведения, с дру-

⁵⁹ Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности. С. 109.

⁶⁰ Там же. С. 123.

⁶¹ Там же. С. 124.

⁶² Кимелев Ю.А., Полякова Н.Л. Концепция общества Юргена Хабермаса // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология: Реферативный журнал. 1997. № 2. С. 14.

⁶³ Полякова С.В. Особенности блогowego дискурса // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2010. № 2. С. 41–45. С. 45; Шляховой Д.А. Категория диалогичности в микроблоге (на материале немецкой военной блогосферы) // Известия ВГПУ. 2019. № 3 (136). С. 215–216.

гой — рефлексивную, так как побуждает пользователей к ответным комментариям. Транслируя определенный контент, блогер выделяет в нем те аспекты, которые, по его мнению, выступают как значимые, проблемные не только для него самого, но и для других, формируя посредством языковых средств (например, метафоры, эмотиконы, разговорная лексика, экспрессивные выражения, эмотивные слова, фразеологизмы и т.п.) специфичный дискурс по артикулируемым темам. Так, исследования высказываний о репрезентации телесности в постах показывают, что пользователи, выступающие за бодипозитивистский подход, используют выражения, в которых делается акцент на ценности равенства, свободы, самоактуализации через творчество и внутреннее совершенство, а не посредством внешней формы (например, “быть собой”, “прими себя таким, какой ты есть”, “мое тело — мое дело”)⁶⁴, тем самым формируя положительное отношение к отличиям от принятых телесных стандартов и конструируя свой дискурс и иные социальные представления о нормативной телесности.

Таким образом, блогинг как коммуникативная деятельность участвует в создании и артикуляции социального знания, которое может как ломать стереотипы, так и способствовать их закреплению в общественном сознании⁶⁵.

Также в аспекте традиционного типа блогинга — повествование о событиях своей жизни или новостных сюжетов — блог можно интерпретировать как жизненный мир. Более того, в современном медиапространстве, учитывая популярность данного формата коммуникации, блогинг трансформируется уже в определенный образ жизни, что позволяет рассматривать блоги как часть культуры нынешнего общества⁶⁶.

Таким образом, теоретический анализ блога как социального феномена позволяет выделить следующие его характеристики: блог выступает как особое социальное пространство, в рамках которого участники осуществляют социально-коммуникативную деятельность — блогинг, направленную на удовлетворение их социальных потребностей, осуществляемую с помощью языка посредством интерпретаций передаваемых смыслов, конструирования их и обмена

⁶⁴ Жукова А.Г., Ситенко В.В. Бодипозитивистский дискурс в российском медиапространстве: аксиологический аспект // Современная российская аксиосфера: семантика и прагматика идентичности. 2020. С. 205–206.

⁶⁵ Gillmor D. We the media: Grassroots journalism by the people, for the people. N.Y., 2006. P. 235–236.

⁶⁶ См.: Хитров А. Блог как феномен культуры // Журнал социологии и социальной антропологии. 2007. Т. 10. № 5. С. 66–76.

ценностями, порождая свой дискурс и социальное знание по артикулируемым темам, тем самым способствуя формированию новой социальной реальности — блогосферы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамов Р.Н. Методологические и содержательные аспекты социальных исследований блогов: аналитический обзор // Социология: 4М. 2012. № 35. С. 90–118.

Асмолов А.Г., Асмолов Г.А. От Мы-медиа к Я-медиа: трансформации идентичности в виртуальном мире // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2010. № 1. С. 3–21.

Богданов Д.В. Социальные функции интернета // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2011. № 1 (21). С. 114–120.

Богомяжкова Е.С. “Доверяй, но проверяй”: практики заботы о здоровье в условиях цифровизации здравоохранения // Журнал исследований социальной политики. 2022. Т. 20. № 2. С. 263–278. DOI: 10.17323/727-0634-2022-20-263-278.

Бузин В.Н. Социальное пространство в социологическом дискурсе // Среднерусский вестник общественных наук. 2010. № 4. С. 23–34.

Варнавская Е.В. Сетевой медицинский дискурс в блогосфере: социолект и специфика онлайн-общения // Концепт. 2019. № 5. DOI:10.24411/2304-120X-2019-15017.

Груздева М.А. Инструменты формирования самосохранительных практик населения: социальные сети и блогосфера // Социальное пространство. 2017. № 4 (11). С. 1–11.

Дудина В.И., Сайфулина В.О. “Почитала, еще меньше вакцинироваться захотелось”: онлайн-дискурс вакцинной нерешительности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 1. С. 279–298. DOI: 10.14515/monitoring.2023.1.2344.

Жукова А.Г., Ситенко В.В. Бодипозитивистский дискурс в российском медиапространстве: аксиологический аспект // Современная российская аксиосфера: семантика и прагматика идентичности. 2020. № 3. С. 203–211.

Захаркин Р.А., Аргылов Н.А. Инфлюенсеры как медиазначимые другие: современные тренды вторичной социализации // Власть. 2021. № 6. С. 27–37. DOI: 10.31171/vlast.v29i6.8674.

Карякина К.А. Актуальные формы и модели новых медиа: от понимания аудитории к созданию контента // Медиаскоп. 2010. № 1. С. 6–9.

Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.

Кимелев Ю.А., Полякова Н.Л. Концепция общества Юргена Хабермаса // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология: Реферативный журнал. 1997. № 2. С. 1–24.

Клинкова Д.А. Дискурс блогера: социально-коммуникативный аспект // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2021. № 1. С. 78–84. DOI: 10.26456/vtphilos/2021.1.078.

Кульпин С.В., Савчук Г.А., Якимова О.А. Зачем молодежь создает контент о здоровом образе жизни: факторный анализ тематических блогов // Монито-

ринг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 2. С. 168–190. DOI: 10.14515/monitoring.2020.2.656.

Лаурелль К. Когда блогеры становятся дизайнерами: как меняются профессии в системе моды // Теория моды: одежда, тело, культура. 2020. № 56. С. 223–243.

Луман Н. Реальность массмедиа. М., 2005.

Минина В.Н., Василькова В.В. От социального пространства к пространству онлайн социальных сетей: исследовательские подходы и вызовы // Социальное пространство. 2019. № 5. С. 1–15. DOI: 10.15838/sa.2019.5.22.10.

Назимко А.Е. Web 2.0: между массовой и элитарной культурой // Медиа-философия. 2009. Т. 2. № 2. С. 80–86.

Носовец С.Г. Новые медиа: к определению понятия // Коммуникативные исследования. 2016. № 4 (10). С. 39–47.

Образцова А.Ю., Сердотецкий Ф.А. Механизмы продвижения и монетизации российских и зарубежных СМИ в социальных сетях // Меди@льманах. 2022. № 3 (110). С. 75–84. DOI: 10.30547/mediaalmanah.3.2022.7584.

Панюшева М.М. Блогосфера: традиционные СМИ vs нетрадиционные // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2010. № 4. С. 106–122.

Парк Р.Э. Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11. Социология: РЖ. 2000. № 3. С. 136–150.

Парсонс Т. О структуре социального действия. М., 2000.

Педрони М. Двадцать лет модной блогосферы и инфлюенсинга: критический обзор // Теория моды: одежда, тело, культура. 2022. № 1 (63). С. 167–204.

Полякова С.В. Особенности блогowego дискурса // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2010. № 2. С. 41–45.

Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности. Т. 1. Рациональность действия и социальная рационализация; Т. 2. К критике функционалистского разума. М., 2022.

Хитров А. Блог как феномен культуры // Журнал социологии и социальной антропологии. 2007. Т. 10. № 5. С. 66–76.

Шарков Ф.И. Социальные сети как основа формирования пространства публичных коммуникаций // Коммуникология. 2019. Т. 7. № 4. С. 32–40. DOI: 10.21453/2311-3065-2019-7-4-32-40.

Шляховой Д.А. Категория диалогичности в микроблоге (на материале немецкой военной блогосферы) // Известия ВГПУ. 2019. № 3 (136). С. 211–217.

REFERENCES

Abramov R.N. Metodologicheskie i sodержatel'nye aspekty social'nyh issledovanij blogov: analiticheskij obzor [Methodological and content aspects of social blogging research: an analytical review] // Sociologija: 4M. 2012. N 35. S. 90–118 (in Russian).

After 10 years of blogs, the future's brighter than ever. URL: <https://www.wired.com/2007/12/after-10-years-of-blogs-the-futures-brighter-than-ever/>

Asmolv A.G., Asmolv G.A. Ot My-media k Ja-media: transformacii identichnosti v virtual'nom mire [From We-Media to I-Media: Transformations

of Identity in the Virtual World] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 14. Psihologija. 2010. N 1. S. 3–21 (in Russian).

Banerjee D., Meena K.S. COVID-19 as an “infodemic” in public health: critical role of the social media // *Frontiers in Public Health*. 2021. Vol. 9. P. 610–623.

Bogdanov D.V. Social'nye funkcii internet [Social functions of the Internet] // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Serija: Social'nye nauki. 2011. N 1 (21). S. 114–120 (in Russian).

Bogomjagkova E.S. “Doverjaj, no proverjaj”: praktiki zaboty o zdorov'e v uslovijah cifrovizacii zdravoohraneniya [“Trust but verify”: practices of health care in the context of digitalization of healthcare] // *Zhurnal issledovanij social'noj politiki*. 2022. T. 20. N 2. S. 263–278. DOI: 10.17323/727-0634-2022-20-2-263-278 (in Russian).

Buzin V.N. Social'noe prostranstvo v sociologicheskom diskurse [Social space in sociological discourse] // *Srednerusskij vestnik obshhestvennyh nauk*. 2010. N 4. S. 23–34 (in Russian).

Castells M. Informacionnaja jepoha: jekonomika, obshhestvo i kul'tura. [The Information Age: Economy, Society and Culture]. M., 2000 (in Russian).

Dudina V.I., Sajfulina V.O. “Pochitala, eshhe men'she vakcinirovat'sja zahotelos”: onlajn-diskurs vakcinnoj nereshitel'nosti [“Read It, I Wanted To Get Vaccinated Even Less”: An Online Discourse Of Vaccine Hesitancy] // *Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny*. 2023. N 1. S. 279–298. DOI: 10.14515/monitoring.2023.1.2344 (in Russian).

Flew T. New media: an introduction. Oxford, 2008.

Gillmor D. We the media: Grassroots journalism by the people, for the people. N.Y., 2006.

Gruzdeva M.A. Instrumenty formirovaniya samosohranitel'nyh praktik naselenija: social'nye seti i blogosfera [Tools for the formation of self-preservation practices of the population: social networks and the blogosphere] // *Social'noe prostranstvo*. N 4 (11). S. 1–11 (in Russian).

Habermas J. Teorija kommunikativnoj dejatel'nosti. T. 1. Racional'nosť dejstvija i social'naja racionalizacija; T. 2. K kritike funkcionalistskogo razuma. [Theory of communicative activity. Vol. 1. Rationality of action and social rationalization; Vol. 2. On the Critique of the Functionalist Mind]. M., 2022 (in Russian).

Halavais A. The blogosphere and its problems: Web 2.0 undermining civic Webspaces // *First Monday*. 2016. N 21 (6).

Hitrov A. Blog kak fenomen kul'tury [Blog as a Phenomenon of Culture] // *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*. 2007. T. 10. N 5. S. 66–76 (in Russian).

Jones R.K., Biddlecom A.E. Is the internet filling the sexual health information gap for teens? An exploratory study // *Journal of Health Communication*. 2011. T. 16. N 2. P. 112–123.

Karjakina K.A. Aktual'nye formy i modeli novyh media: ot ponimaniya auditorii k sozdaniju kontenta [Actual forms and models of new media: from audience understanding to content creation] // *Mediaskop*. 2010. N 1. S. 6–9 (in Russian).

Kimelev Ju.A., Poljakova N.L. Koncepcija obshhestva Jurgena Habermasa [The concept of society by Jurgen Habermas] // *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura*. Ser. 11, Sociologija: Referativnyj zhurnal. 1997. N 2. S. 1–24 (in Russian).

Klinkova D.A. Diskurs blogera: social'no-kommunikativnyj aspekt [Blogger's discourse: social and communicative aspect] // *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo*

universiteta. Serija: Filosofija. 2021. N 1. S. 78–84. DOI: 10.26456/vtphilos/2021.1.078 (in Russian).

Kul'pin S.V., Savchuk G.A., Jakimova O.A. Zachem molodezh' sozdaet kontent o zdorovom obraze zhizni: faktornyj analiz tematicheskikh blogov [Why young people create content about a healthy lifestyle: a factor analysis of thematic blogs] // Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny. 2020. N 2. S. 168–190. DOI: 10.14515/monitoring.2020.2.656 (in Russian).

Lankshear C., Knobel M. Blogging as participation: the active sociality of a new literacy. N.Y., 2006.

Laurell' K. Kodga blogery stanovjatsja dizajnerami: kak menjajutsja professii v sisteme mody [When bloggers become designers: how professions change in the fashion system] // Teorija mody: odezhda, telo, kul'tura. 2020. N 56. S. 223–243 (in Russian).

Luhmann N. Real'nost' massmedia [Mass media reality]. M., 2005 (in Russian).

Marshall Ph.D. New media cultures. L., 2004.

Meinel C. et al. Blogosphere and its exploration. N.Y., 2015.

Minina V.N., Vasil'kova V.V. Ot social'nogo prostranstva k prostranstvu onlajn social'nyh setej: issledovatel'skie podhody i vyzovy [From Social Space to Online Social Media Space: Research Approaches and Challenges] // Social'noe prostranstvo. 2019. N 5. S. 1–15. DOI: 10.15838/sa.2019.5.22.10 (in Russian).

Nardi B.A. et al. Why we blog // Communications of the ACM. 2004. Vol. 47. N 12. P. 41–46.

Nazimko A.E. Web 2.0: mezhdru massovoj i jelitarnoj kul'turoj [Web 2.0: between mass and elite culture] // Mediafilosofija. 2009. T. 2. N 2. S. 80–86 (in Russian).

Nosovec S.G. Novye media: k opredeleniju ponjatija [New media: to the definition of the concept] // Kommunikativnye issledovanija. 2016. N 4 (10). S. 39–47 (in Russian).

Obrazcova A.Ju., Serdoteckij F.A. Mehanizmy prodvizhenija i monetizacii rossijskikh i zarubezhnyh SMI v social'nyh setjah [Mechanisms for the promotion and monetization of Russian and foreign media in social networks] // Medi@l'manah. 2022. N 3 (110). S. 75–84. DOI: 10.30547/mediaalmanah.3.2022.7584 (in Russian).

Panjusheva M.M. Blogosfera: tradicionnye SMI vs netradicionnye [Blogosphere: traditional vs. non-traditional media] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 10. Zhurnalistika. 2010. N 4. S. 106–122 (in Russian).

Park R.Je. Gorodskoe soobshhestvo kak prostranstvennaja konfiguracija i moral'nyj porjadok [Urban community as a spatial configuration and moral order] // Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Serija 11. Sociologija: RZh. 2000. N 3. S. 136–150 (in Russian).

Parsons T. O strukture social'nogo dejstvija [The Structure of Social Action]. M., 2000 (in Russian).

Pedroni M. Dvadcat' let modnoj blogosfery i influensinga: kriticheskij obzor [Twenty years of the fashion blogosphere and influencer: a critical review] // Teorija mody: odezhda, telo, kul'tura. 2022. N 1(63). S. 167–204 (in Russian).

Poljakova S.V. Osobennosti blogovogo diskursa [Peculiarities of the blog discourse] // Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Serija: Filologija, pedagogika, psihologija. 2010. N 2. S. 41–45 (in Russian).

Rettberg J.W. Blogging. Cambridge, 2014.

Sharkov F.I. Social'nye seti kak osnova formirovanija prostranstva publicnyh kommunikacij [Social Networks as the Basis for the Formation of Public

Communication Space] // Kommunikologija. 2019. T. 7. N 4. S. 32–40. DOI: 10.21453/2311-3065-2019-7-4-32-40 (in Russian).

Shljahovoj D.A. Kategorija dialogichnosti v mikrobloge (na materiale nemeckoj voennoj blogosfery) [The category of dialogue in the microblog (on the material of the German military blogosphere)] // Izvestija VGPU. 2019. N 3 (136). S. 211–217 (in Russian).

Varnavskaja E.V. Setevoy medicinskij diskurs v blogosfere: sociolekt i specifika onlajn-obshhenija [Network medical discourse in the blogosphere: sociolect and specifics of online communication] // Koncept. 2019. N 5. DOI:10.24411/2304-120X-2019-15017 (in Russian).

Waszak P.M., Kasprzycka-Waszak W., Kubanek A. The spread of medical fake news in social media—the pilot quantitative study // Health Policy and Technology. 2018. Vol. 7. N 2. P. 115–118.

Zaharkin R.A., Argylov N.A. Infljuensery kak mediaznachimye drugie: sovremennye trendy vtorichnoj socializacii [Influencers as media significant others: current trends in secondary socialization] // Vlast'. 2021. N 6. S. 27–37. DOI: 10.31171/vlast.v29i6.8674 (in Russian).

Zanatta E.T. et al. Fake news: the impact of the internet on population health // Revista da Associação Médica Brasileira. 2021. Vol. 67. P. 926–930.

Zhukova A.G., Sitenko V.V. Bodipozitivistskij diskurs v Rossijskom mediaprostranstve: aksiologičeskij aspekt [Body-positivist discourse in the Russian media space: an axiological aspect] // Sovremennaja rossijskaja aksiosfera: semantika i pragmatika identičnosti. 2020. S. 203–211 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2023-29-3-50-67

К ВОПРОСУ О СВЯЗИ РЕЛИГИОЗНОСТИ И ЗДОРОВЬЯ

Е.Н. Новосёлова, канд. социол. наук, доц., зам. зав. кафедрой социологии семьи и демографии по научной работе социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

Рассматривается вопрос взаимосвязи религиозности человека и его отношения к здоровью и болезни, а также приверженности здоровому образу жизни. Затрагивается вопрос дегуманизации медицины и отхождения медицины от религии в качестве аспекта этой дегуманизации. Идет речь о религиозности/не религиозности как пациента, так и врача и важности учета данного фактора при выстраивании их взаимодействия. Игнорирование этого фактора может повлиять на качество лечения и профилактику заболеваний. Осознавая сложности определения понятия “религиозность” и соответственно проблему подсчета количества религиозных, а также феномен восприятия православия как культурной традиции, а не конфессиональной принадлежности, автор не ставит цели описать взаимосвязь воздействия различных вероисповеданий на конкретные показатели заболеваемости и продолжительности жизни, но делает попытку продемонстрировать, что в современном высокотехнологичном обществе вера продолжает выполнять важнейшие функции — формирует ощущение психологической стабильности, уверенности, защищает от одиночества, внешних угроз и неблагоприятных жизненных обстоятельств и во многом имеет влияние на процесс лечения, скорость реабилитации и т.д. Помимо исследований, свидетельствующих о позитивном влиянии религиозной веры на здоровье и его составляющие, автор приводит и другие, доля которых в общей массе исследований ниже — говорящие об отсутствии этого влияния и приводящие доводы не в пользу религиозности как составляющей здоровья, но в итоге приходит к выводу, что крен большинства исследований все же в сторону позитивности влияния веры на здоровье и образ жизни.

Методологической основой работы являются исследования кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (СеДОЖ), Фонда “Общественное мнение” (ФОМ), Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Исследовательской группы ЦИРКОН.

Ключевые слова: здоровье, религия, религиозность, ценность здоровья, поведенческие практики здоровья, здоровый образ жизни, медицина, дегуманизация медицины.

* Новосёлова Елена Николаевна, e-mail: alena_n_@mail.ru, nauka@socio.msu.ru

ON CONNECTION BETWEEN RELIGIOUSNESS AND HEALTH

Novoselova Elena N., PhD in Sociology, Associate Professor of the Department of the Family and Demography, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: alena_n_@mail.ru, nauka@socio.msu.ru

This article analyzes the relationship between religiousness and attitudes to health and illness, as well as commitment to a healthy lifestyle. The author underlines the difficulty of defining the concept of religiousness and, accordingly, the problem of identifying the number of religious people. The author also deals with the perception of Orthodox Christianity as a cultural tradition rather than religious confession. The issue of dehumanization of medicine and the separation of medicine from religion as one of the key aspects analyzed in this paper. We are talking about the religiousness of both the patient and the doctor and the importance of taking this factor into account when building their interaction. Ignoring this aspect can affect the quality of treatment and disease prevention. The author does not aim to describe the relationship between the impact of various religions on specific indicators of morbidity and life expectancy, but makes an attempt to demonstrate that in a modern high-tech society faith continues to perform its most important functions — it forms a sense of psychological stability, confidence, protects against loneliness, external threats and adverse life circumstances and in many ways has an impact on the treatment process, the speed of rehabilitation, etc. In addition to studies that testify to the positive impact of religious faith on health and its components, the author also uses less cited studies that deal with the absence of this influence and argue not in favor of religiosity as a component of health. In the end the author comes to the conclusion is that most of researchers still consider faith as a positive aspect of health and healthy lifestyle.

The methodological basis of the work: research of the Department of Sociology of the Family and Demography of the Faculty of Sociology of the Lomonosov Moscow State University, the Public Opinion Foundation (FOM), the All-Russian Public Opinion Research Center (VTsIOM), the ZIRCON Research Group.

Key words: health, religion, religiousness, value of health, behavioral health practices, healthy lifestyle, medicine, dehumanization of medicine.

Здоровье человека обусловлено влиянием множества факторов и зависит как от внешних процессов и явлений, не всегда подвластных человеку, биологических (генетика), макросоциальных факторов (специфика функционирования социальных институтов, социальное расслоение, социально-экономические и социально-политические факторы)¹, так и от поведенческих факторов, связанных

¹ Кешишев И.А., Орел О.В., Смирнова В.И. Окружающая среда и здоровье детского населения // Педиатр. 2013. № 2; Наследственные болезни в популяциях человека / Под ред. Е.К. Гинтера. М., 2002; Назарова И.Б. Здоровье российского населения: факторы и характеристики (90-е годы) // Социологические исследования. 2003. № 11. С. 57–69.

с модифицируемыми формами поведения, такими как питание, уровень физической активности, курение, употребление алкоголя, сексуальное поведение и т.д. Влияние всех этих факторов достаточно хорошо изучено в социологии здоровья², однако если мы возьмем во внимание влияние мировоззрения, религиозности человека на его здоровье, то в отечественной социологии исследования такого рода будут немногочисленны, хотя интерес к данной проблематике усиливается.

Данная работа не ставит своей целью конкретное описание тех или иных вероисповеданий и механизмов их влияния на состояние здоровья человека, но делает попытку на основе анализа данных научных публикаций и социологических исследований продемонстрировать, что в современном высокотехнологичном мире и в том числе в медицине «существуют пустоты, которые можно было бы заполнить, взяв все то лучшее, что есть в разных мировых религиях»³. Скорее даже то лучшее, что дает вера в Бога, как важнейший инструмент личностной поддержки, вера, совсем не обязательно проявляющаяся в каком-то конкретном конфессиональном воплощении, тем более что глобальные исследования демонстрируют рост числа

Таблица 1

**Конфессиональный состав населения России
по данным ЦИРКОН (2019), ФОМ (2023)**

Варианты ответов	ЦИРКОН	ФОМ
Не считаю себя верующим человеком	18	23
Я верю в Бога, но конкретную религию не исповедую	17	–
Православие	56	62
Другие христианские конфессии (католики, протестанты, униаты и др.)	1	1
Ислам	4	8
Другие религии	1	1
Затрудняюсь ответить, не могу назвать определенную конфессию	2	4

Источники: Русская православная церковь // Сайт ФОМ. <https://fom.ru/TSennosti/14862>; *Задорин И.В., Хомякова А.П.* Религиозная самоидентификация респондентов в массовых опросах: что стоит за декларациями // *Полития.* 2019. № 3 (94).

² См. например: *Новоселова Е.Н.* Здоровье как ценность и практика: общество, семья, личность. М., 2021.

³ *Де Боттон А.* Религия для атеистов. М., 2013.

людей, которые просто верят в Бога и при этом не исповедуют никакую конкретную религию, т.е. можно говорить о формировании феномена “веры без посредников”⁴.

Данные табл. 1 демонстрируют, что по результатам опроса, проведенного Исследовательской группой ЦИРКОН, почти пятая часть населения являются “верующими без религии” — они не ходят в церковь, не принадлежат ни к одной религии, но и не считают себя атеистами. Как видно из табл. 1, если сравнивать данные ЦИРКОНа с данными ФОМа, добавление в подсказы варианта ответа “Я верю в Бога, но конкретную религию не исповедую” на вопрос “Считаете ли Вы себя верующим человеком и, если да, какую веру Вы исповедуете?” сократило как число православных, так и число мусульман.

Современная высокотехнологичная медицина отделилась от религии и редко берет в расчет влияние религиозности пациента (и/или врача) на состояние его соматического, психического здоровья и прогноз заболевания⁵. Данный факт кажется не совсем логичным, ведь помимо профессионализма врача результат лечения зависит от морального и духовного настроя пациента. О значимости этого аспекта говорили еще классики отечественной клинической медицины С.П. Боткин, Г.А. Захарьин, Н.И. Пирогов, обосновавшие принцип лечения не болезни, а больного как страдающей личности⁶. В этой концепции вера в Бога отнюдь не бесполезна, даже если принять атеистическую точку зрения, что вера — это лишь форма самоуспокоения, а полезный эффект от религиозной практики — это всего лишь разновидность плацебо, она все равно останется значимой. Вера продолжает выполнять свои традиционные функции, “формирует ощущение психологической стабильности, уверенности, защищает от одиночества, внешних угроз и неблагоприятных жизненных обстоятельств”⁷, что подтверждает статистика — 24% всех

⁴ Атлас религий и национальностей. Некоммерческая социологическая служба “Среда”. URL: <https://sreda.org/arena>

⁵ Филоненко Е.В., Султанова А.Н. К вопросу о влиянии религии на физическое и психическое здоровье // Здоровье человека, семьи, общества. Социодинамическая парадигма в психиатрии, наркологии, психотерапии и психологии. Сборник материалов Всероссийской конференции с международным участием памяти профессора Цезаря Петровича Короленко. Общероссийская общественная организация “Общероссийская профессиональная психотерапевтическая лига”. Новосибирск, 2021. С. 143–151.

⁶ Дискаленко В.В., Карпищенко С.А., Даниленко О.И., Курмашова Л.М. Психологический аспект в лечении соматического больного // Ученые записки СПбГМУ им. И.П. Павлова. 2010. № 1.

⁷ Задорин И.В., Хомякова А.П. Религиозная самоидентификация респондентов в массовых опросах: что стоит за декларациями // Полития. 2019. № 3 (94).

православных и 38% православных, часто посещающих храм, более всего надеются на Бога в ситуации угрозы своей безопасности⁸. Для православных христиан вера — это прежде всего то, что придает жизни смысл и цель (30%), а по мнению австрийского психиатра В. Франкла, “жизненно важным является возможность направить... жизнь к цели... Ничто так не помогает человеку выжить и сохранить здоровье, как знание жизненной задачи”⁹.

Отход медицины от религии произошел в высокоразвитых обществах совсем недавно, когда человек во всей полноте своего бытия, в том числе как носитель самого главного — души, стал вытесняться, уступив место телу как предмету врачебных манипуляций, и был приравнен к сумме данных диагностических обследований, т.е. был запущен процесс, который впоследствии получил название дегуманизации медицины. В прошлом медицина и религия были неразрывны во многом потому, что и та и другая стоят у истоков жизни и смерти, более того, исследователи констатируют тот факт, что именно религия, а точнее церковь, сыграла ключевую роль “в формировании организованной медицинской помощи населению (создание больниц, введение среднего медицинского персонала в лечебные учреждения) и врачебной этики медицины”¹⁰.

Отдаление медицины от религии вызывает вопросы и в свете того, что подавляющее большинство врачей заявляют о том, что верят в Бога. Точных статистических данных о том, какая доля российских врачей является верующими людьми, найти не удалось, однако можно найти косвенное подтверждение, читая интервью врачей различным изданиям, а также исходя из того, что существуют такие организации, как “Общество православных врачей России”, “Союз мусульманских врачей и медицинского персонала”¹¹ и др. Если экстраполировать зарубежные исследования на нашу страну, то получится, что около 70% врачей верят в Бога¹², что практически совпадает с числом верующих в общей численности населения — 72% (табл. 1). Тот факт, что врач является верующим, положительно

⁸ Задорин И.В., Хомякова А.П. Указ. соч.

⁹ Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990 (Цит по: Лядова А.В. Дискурс о здоровье: историко-сравнительный анализ (Часть 2) // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2023. Т. 29. № 1. С. 155).

¹⁰ Поповкина Г.С. Вклад православия в становление социального института здравоохранения в России // Вестн. Том. гос. ун-та. 2022. № 474. С. 214.

¹¹ Общество православных врачей России имени святителя Луки (Войно-Ясенецкого), архиепископа Симферопольского. URL: <http://oprvi.ru/>

¹² Булудова М.В., Эфендиева Э.С. Влияние религиозной веры врача на взаимодействие с пациентом // БМИК. 2016. № 5.

коррелирует с различными видами отношения к пациентам, особенно с эмпатией, которая, по мнению ряда авторов¹³, является необходимой личностной характеристикой и одним из ведущих профессионально значимых качеств медицинского работника.

Конечно, здесь можно долго рассуждать о главной проблеме подсчета количества религиозных — определении критериев религиозности. Если придерживаться строгого традиционного, церковного, понимания религиозности, то по мнению экспертов, религиозных в России наберется 4–8% населения, по данным ФОМ, их несколько больше — около 12%¹⁴. Кроме того, в нашей стране православие понимается скорее как культурная традиция, а не конфессиональная принадлежность, что подтверждает опрос ВЦИОМ, согласно которому, для 42% верующих религия — это национальная духовная и культурная традиция¹⁵. Исследование религиозности во Владимирской области, проведенное кафедрой философии религии и религиоведения философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, показало, что к верующим относят себя 58,7% респондентов, а православными считают себя 63,3% опрошенных, что также подтверждает тезис изложенный выше¹⁶. Причем среди тех, кто считает себя православными, 53% никогда не открывали священных текстов¹⁷, 21% посещают храм раз в год и реже, 14% никогда не ходят в церковь¹⁸. Является ли незнание доктринальных положений, нерегулярность обрядовых действий или их несоблюдение свидетельством отсутствия религиозности? Однозначного ответа на этот вопрос нет, но повышение процента тех, кто регулярно соблюдает посты, участвует в службах и так далее, вряд ли можно считать отражением качества веры, если можно вообще говорить о таком показателе как “качество веры”. По мнению некоторых исследователей, уже тогда, когда есть ориентация на ценности и поведение, в основе которых

¹³ Жданова Л.Г., Арнольд С.А. Особенности проявлений эмпатии у медицинских работников // АНИ: педагогика и психология. 2014. № 3 (8); Терентьев И.А. Личностные особенности проявления эмпатии в деятельности врача курортного лечебного учреждения: дисс. ... канд. психол. наук: 19.00.01. Сочи, 2007.

¹⁴ Костылев П. Статистическое зазеркалье // Русский журнал. 2005.23.09. URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Statisticheskoe-zazerkal-e>; Кожевина Е. “Верит — не верит”: особенности российской религиозности // Сайт ФОМ. URL: <https://fom.ru/blogs/11820>

¹⁵ Религия и вера в нашем обществе // Пресс-выпуск ВЦИОМ. 2006. № 601. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=2418>

¹⁶ Костылев П. Указ. соч.

¹⁷ Кожевина Е. Указ. соч.

¹⁸ Задорин И.В., Хомякова А.П. Указ. соч.

лежит вера в их божественное, сверхъестественное происхождение, можно говорить о религиозности¹⁹. Современное общество меняется, религиозные рамки расширяются, переоцениваются, на них пытаются смотреть под другим углом зрения, более гибким, толерантным и, как следствие, “те, кто считает себя верующими, начинают принимать отклонения от традиционных вероучительных принципов... если не для себя лично, то хотя бы как равноправный вариант поведения других”²⁰.

Сегодня многие практикующие врачи поставлены в такие условия, что вынуждены находиться в “аппаратно-лабораторной зависимости”²¹, так как диагностика базируется на анализах и других объективных и высокоэффективных методах, которые являются необходимыми и никак не могут быть заменены исключительно личным вниманием и старанием врача при непосредственном обследовании больного, однако это усиливает ощущение того, что современные врачи уделяют пациенту недостаточно внимания, в сравнении с тем, как было раньше. Но даже в этой ситуации полностью отделить религию от медицины просто невозможно. Врач, будь он верующим или нет, вынужден учитывать культурные и религиозные традиции пациента при оказании медицинской помощи, так как их игнорирование может стать препятствием к установлению между врачом и пациентом доверительных отношений и, как следствие, повлияет на качество лечения и профилактику заболеваний. В качестве примера можно привести факт о том, что в исламе девушку-мусульманку осматривать врач-мужчина может только в исключительных случаях, если другого врача нужной специальности просто невозможно найти в данный момент, более того, все разговоры с врачом ведутся через посредника-мужчину или старшую уважаемую в роду женщину и основные решения по лечению также принимает этот посредник. Врачу может быть не близка данная, далекая от гендерного равенства и современного понимания близких отношений ситуация, однако, именно учет этих особенностей даст возможность провести эффективное лечение. Еще одним примером может являться запрет на употребление отдельных продуктов в религиях, который нужно принимать во внимание при назначении

¹⁹ Смирнов М.Ю. О религиоведении, религии и религиозности // Вестник РХГА. 2008. № 2.

²⁰ См. также: Самедов Э. О постмодерне в религии // Вопросы философии. 2009. № 10. С. 206–210.

²¹ Яковлев М.В., Ягода А.В. Взгляд клинициста на дегуманизацию отношений “Врач — пациент” // Архив в внутренней медицины. 2013. № 5.

лечебной диеты — мусульмане и иудеи не едят свинину, индусы — говядину и телятину и т.д.²²

Религиозные и моральные убеждения самого врача тоже не стоит оставлять без внимания, самым ярким примером здесь является право врача на отказ от проведения операции по искусственному прерыванию беременности, которое является вечным спором религии, медицины и права. Большинство специалистов приходят к выводу, что “если личные убеждения не позволяют врачу сделать медицинский аборт, он должен перепоручить пациента компетентному коллеге”²³, так как здесь важно соблюсти и права врача, и право женщины на искусственный аборт и не подвергать угрозе ее жизнь и здоровье.

Здоровье — главная ценность не только каждого отдельного человека, но и общества в целом. Современные исследования показывают, что ценность здоровья существенным образом зависит от социально-демографических факторов, таких как пол, возраст, брачный статус, социально-экономическое положение, уровень образования²⁴. При этом здоровье находится в определенном соотношении с другими ценностями личности, такими как семья, материальный достаток, карьерные достижения и т.д.

Следует отметить, что “ценность здоровья, и то место, которое она занимает в индивидуальной иерархии ценностей, представляет собой важную составляющую мотивационно-поведенческого компонента отношения человека к собственному здоровью”²⁵.

Кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова было проведено исследование “Межрегиональные исследования жизненных ценностей и нетранзитивности семейно-детных ориентаций женщин, мужчин и семейных пар на основе сквозного анализа сопоставимых данных” (СеДОЖ), в котором активное участие принимала в том числе и автор данной статьи. Метод — анкетирование семейных пар. Объ-

²² Орлова Е.В. Проблема межкультурного общения врача и пациента // *Медведжер здравоохранения*. 2012. № 11.

²³ Хельсинкская декларация Всемирной медицинской ассоциации. Этические принципы проведения медицинских исследований с участием человека в качестве субъекта (принята в г. Хельсинки в июне 1964 г. на 18-ой Генеральной Ассамблее ВМА).

²⁴ См. об этом: *Богачева Т.Ю.* Здоровье в системе жизненных ценностей современного специалиста: Дисс. ... кан. псих. наук. М., 2010.

²⁵ *Семья в современном мире* / Сост. и научн. ред. В.Н. Куницына. СПб., 2010 (Цит. по: *Юшачкова Т.Б.* Ценность здоровья для детей и родителей // *Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта*. 2018. № 1. С. 314).

ем выборки составил 2479 человек. Согласно этому исследованию, около 80% населения так или иначе считают себя верующими людьми. Исследование показало, что нормативно-этические основы религии влияют на отношение человека к здоровью и зависимость между переменными “религиозность” и “ценность здоровья” является статистически значимой ($2(15) = 52,847, p = 0,000$).

Если рассматривать иерархию ценностей опрошенных, то и религиозные и не религиозные люди ставят здоровье на первое место, однако религиозные респонденты делают это чаще: 53,1% против 42,3% тех, кто не принадлежит к какой-либо религиозной конфессии. Средний ранг ценности здоровья для религиозных — 2,7, не религиозных — 3,2; по гендерному признаку практически никаких различий выявить не удалось. Еще более значимой ценностью здоровья становится, если речь идет о здоровье детей. При ответе на вопрос “Что должны, на Ваш взгляд, наиболее сильно ценить Ваши дети?” большинство респондентов называют именно здоровье и здесь также верующие обгоняют неверующих в оценке данной ценности (см. табл. 2).

Таблица 2

**Ранг ценности “здоровье”
в зависимости от религиозности респондента, по полу**

Ранг ценности “здоровье”	Религиозен ли человек			
	Да		Нет	
	М	Ж	М	Ж
“Для себя”	2,8	2,7	3,3	3,2
“Для детей”	2,4	2,3	2,6	2,5

Если сделать акцент на конкретной религиозной конфессии, то о наибольшей ценности здоровья заявляют мусульмане, средний ранг 2,7, и православные — 2,8, для католиков и относящих себя к другим конфессиям — 3,8/2,9 соответственно. Столь низкая по сравнению с другими конфессиями значимость здоровья для католиков, по всей видимости, объясняется тем фактом, что в нашей выборке их всего 0,9%, поэтому без проведения дополнительных исследований сложно сказать, имеет ли католичество столь явное влияние. В целом, такой процент исповедующих католицизм соответствует имеющимся статистическим данным, и хотя точная информация о численности верующих и их конфессии в современной России отсутствует, поскольку переписи населения обошли вниманием во-

прос вероисповедания²⁶, по данным ВЦИОМ за 2019 г. 1% верующих в России является католиками²⁷.

Парный анализ показал²⁸, что чаще всего на первое место в иерархии ценностей здоровье ставят супруги, придерживающиеся одной религии. Ниже всего ценность здоровья у нерелигиозных, поскольку они, хотя и ставят ценность здоровья на первое место несколько чаще, чем супруги, придерживающиеся разных религиозных конфессий, но у последних значительно выше процент тех, кто выводит здоровье в тройку ценностей-лидеров. Тот факт, что у относящихся к разным конфессиям супругов меньше согласованность в оценке ценности “здоровья”, объясняется тем, что “создающие межнациональные семьи супруги представляют разные национальные культуры, традиции, обычаи, образы жизни, языки, особенности этнического самосознания и, в конечном счете, разные системы ценностей”²⁹, что создает определенные трудности взаимодействия. Что касается ценности здоровья “для детей”, то здесь связь религиозности и ценности прямая — религиозные семьи, практически независимо от того, к одной ли конфессии принадлежат супруги, выше оценивают значимость ценности “здоровье для детей” (табл. 3).

Если посмотреть на другие исследования в области “эпидемиология религии”³⁰, которые посвящены взаимосвязи веры в Бога представителей различных религиозных направлений с психологическим благополучием, со стратегиями совладания, с уровнем и отношением к здоровью, то выясняется, что хотя религиозность и не имеет прямой связи с уровнем здоровья, определенное влияние она

²⁶ Современные верования и конфессии в России: Справочник / Под общ. ред. А.А. Желтова. Вологда, 2017.

²⁷ Православная вера и таинство крещения // Сайт ВЦИОМ. Аналитический обзор. 2019. 14 авг. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pravoslavnaya-vera-i-tainstvo-kreshheniya>

²⁸ В исследовании применялся метод одновременного опроса супругов, что дало возможность осуществить посемейный анализ полученных данных и сравнить мнения супругов на предмет их совпадения (анализ данных мужей и жен по отдельности также применялся).

²⁹ Трифонова Т.Л. Особенности ценностных ориентаций современных межнациональных семей: на материалах Республики Бурятия: Дисс. ... канд. философ. наук. Улан-Удэ, 2008.

³⁰ Levin J.S. Religion and health: is there an association? Is it valid, and is it casual? // Social Science and Medicine. 1994. N 38. P. 1475–1482; Jenkins C.D. Psychologic and social precursors of coronary disease // New England Journal of Medicine. 1971. Feb 11. Vol. 284. N 6. P. 307–317; Comstock G.W., Partridge K.B. Church attendance and health // Journal of Chronic Diseases. 1972. Dec. Vol. 25. N 12. P. 665–672; Byrd R.C. Positive therapeutic effects of intercessory prayer in a coronary care unit population // Social Science and Medicine. 1988. Jul. Vol. 81. N 7. P. 826–829.

**Совпадение мнения супругов в оценке значимости ценности здоровья
“для себя” и “для детей”, по религиозности супругов (СеДОЖ), в %**

Место здоровья в иерархии ценностей	Супруги одной конфессии	Супруги исповедуют разную религию	Один из супругов религиозен	Супруги не религиозны
“Для себя”				
Оба ставят на 1-е место	34,3	17,3	21,1	19,3
Оба супруга ставят не ниже 3-го места	27,7	43,0	33,3	24,0
Хотя бы один — ниже 4-го места	38,0	39,7	45,6	56,7
“Для детей”				
Оба ставят на 1-е место	49,0	53,6	43,6	31,8
Оба супруга ставят не ниже 3-го места	24,4	19,6	28,2	30,7
Хотя бы один — ниже 4-го места	26,5	26,8	28,1	37,5

все же оказывает: “...нормативно-этические основы, заложенные в религии, могут влиять... на отношение к собственному здоровью и жизни, которое выражается, в частности, в приверженности здоровому образу жизни, его рационализации с целью поддержания своих тела и разума в здоровом состоянии”³¹. И это касается даже поведения на дорогах, например, существуют исследования, демонстрирующие тот факт, что верующие чаще используют в автомобиле ремни безопасности³². Принадлежность к какой-либо религиозной конфессии обеспечивает поддержку единоверцев, участие в службах коррелирует со снижением заболеваемости и смертности, повышает продолжительность жизни³³. Практически любая конфессия так или иначе пропагандирует отказ от вредных привычек и умеренность в еде, осуждает случайные связи и тем самым снижает

³¹ Рамонов А.В. Католичество или протестантизм? Здоровье и благополучие пожилых людей различного вероисповедания в европейских странах // Демографическое обозрение. 2014. № 4 (4). С. 124.

³² Oleckno W.A., Blacconiere M.J. Relationship of religiosity to wellness and other health-related behaviors and outcomes // Psychological Reports. 1991. Vol. 68. P. 819–826.

³³ См. об этом: Дубограй Е.В. Религиозность человека и его приверженность здоровому образу жизни // Социология медицины. 2018. № 2.

вероятность венерических заболеваний и аборт³⁴, т.е. занимается “духовно-нравственным воспитанием индивида, прививанием соответствующих морально-нравственных ценностных ориентиров”³⁵, фактически является проводником основ ЗОЖ в среде верующих.

Существуют исследования, которые демонстрируют, “что религиозность может способствовать сбережению здоровья и лучшему выздоровлению”³⁶, в частности верующие люди легче проходят реабилитационный период после операции на сердце³⁷, потому что вера дает людям чувство цели, безопасной идентификации и уверенности в отношении конечной судьбы, кроме того, здесь может быть важна социальная и материальная поддержка общины. Однако данная модель работает с теми верующими, у которых преобладает образ “милостивого Бога”, который является помощником в борьбе с болезнью. Некоторые зарубежные исследования показывают, что пожилые люди, которые посещают религиозные мероприятия по крайней мере один раз в неделю, имеют более низкий риск преждевременной смерти (на 40%) по сравнению с теми, кто никогда их не посещает³⁸. Исследование, проведенное в 2011 г. ФОМом по заказу Службы “Среда”, показало, что около 40% россиян сообщают о том, что знают людей, которым вера в Бога помогала справиться с болезнью. Причем люди, работающие в области медицины и здравоохранения, дают такой ответ значительно чаще (69%). Примечательно, что респонденты с высшим образованием чаще сталкиваются с людьми, победившими болезнь с помощью веры в Бога (46%), в то время как те, у кого образование ниже среднего не согласны с тем, что это возможно (60%) (см. рис.). Таким образом, в очередной раз разрушается стереотип о том, что, чем образованнее люди, тем они менее религиозны. Образованность человека не является проблемой для веры в Бога.

³⁴ Grant B.F. Comorbidity between DSM-IV drug use disorders and major depression: results of a national survey of adults // *Journal of Substance Abuse*. 1995. Vol. 7. P. 481–497.

³⁵ Лядова А.В. Дискурс о здоровье: историко-сравнительный анализ (Часть 2) // *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*. 2023. Т. 29. № 1. С. 148–166.

³⁶ Ясин М.И., Гусева Е.С. Религиозность, дистресс и здоровье // *Вестник Удмуртского университета. Серия “Философия. Психология. Педагогика”*. 2017. № 1. С. 46.

³⁷ Ai A.L., Park C.L., Huang B., Rodgers W., Tice T.N. Psychosocial mediation of religious coping styles: a study of short-term psychological distress following cardiac surgery // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2007. Vol. 33. P. 867–882.

³⁸ Idler E., Blevins J., Kiser M., Hogue C. Religion, a social determinant of mortality? A 10-year follow-up of the Health and retirement study // *PLoS One*. 2017. Dec 20. Vol. 12. N 12.

Рис. Скажите, пожалуйста, верным или не верным, с Вашей точки зрения, является следующее утверждение: “Я знаю людей, которым вера в бога помогла справиться с болезнью”?, в %

Исследование, проведенное университетом Небраски на выборке в 46000 человек из 39 стран, показало, что на уровне стран непосредственной связи между количеством жителей, получивших высшее образование, и количеством верующих нет. В 9 из 39 стран высшее образование способствовало большей религиозности, в 18 странах — меньшей, еще в 12 оно не оказывало никакого существенного влияния на веру³⁹.

В то же время существуют те, у кого преобладает образ “Бог гневный”. Они рассматривают болезнь как “божью кару” или “испытание”. «Тело же является “отвратительным вместилищем души”, вследствие чего забота о его целостности и здоровье не является приоритетной»⁴⁰. Кроме того, некоторые религиозные течения, подменяя собой медицинскую помощь, пропагандируют отказ от отдельных медицинских процедур, и данная категория верующих нередко просто не обращается к врачу⁴¹. Однако Е.В. Дубоград в статье “Религиозность человека и его приверженность здоровому образу жизни” приводит данные о том, что лишь 1% исследований влияния традиционных религиозных конфессий на здоровье говорит об

³⁹ Schwadel P. Explaining cross-national variation in the effect of higher education on religiosity // Journal for the Scientific Study of Religion. 2015. May. Vol. 54. N 2. P. 402–418.

⁴⁰ Бочаров В.В. Молодость и старость в традиционной русской культуре (о книге Григорьевой И.А. и др. “Пожилые в современной России: между занятостью, образованием и здоровьем”) // Социологические исследования. 2017. № 1. С. 162.

⁴¹ См. об этом: Ясин М.И., Гусева Е.С. Указ. соч.; Sloan R.P., Bagiella E. Claims about religious involvement and health outcomes // Annals of Behavioral Medicine. 2002. Vol. 24. N 1. P. 14–21.

этой проблеме, эти же публикации приводят аргумент об употреблении алкоголя и наркотических веществ в некоторых религиозных практиках⁴². Отказ от лечения или, например, что стало особенно актуальным в эпоху COVID-19, от вакцинации — это “не религиозное убеждение, а сектантское”⁴³, а результаты анализа основных традиционных религий показали, что ни в одной из них нет запрета на прививки, наоборот, они часто считаются обязательными для спасения жизней, “только отдельные родители или религиозные лидеры и их сомнительная интерпретация религиозных практик выступают против вакцинации, а не религия как таковая”⁴⁴.

По данным ВЦИОМ, 4% россиян придерживаются мнения, что болезни достаются нам за грехи⁴⁵. На просторах интернета даже можно найти таблицы возможной связи грехов и болезней⁴⁶. Однако исследователи отмечают, что “такое отношение к своей болезни чаще наблюдается у респондентов со средним или низким уровнем религиозности. Люди с сильными религиозными убеждениями в меньшей степени склонны считать, что их болезнь является расплатой за грехи или проступки”⁴⁷.

Также есть мнение, что то, насколько человек религиозен, не оказывает влияния на здоровье, кроме того, сами показатели религиозной активности могут выступать одним из индикаторов общего здоровья и благополучия, т.е. наблюдается эффект селекции и люди, среди которых распространённость хронических заболеваний и проблем со здоровьем меньше, менее активны в своей повседневной жизни, в том числе религиозной⁴⁸. А.В. Рамонов в статье “Католиче-

⁴² Дубограй Е.В. Религиозность человека и его приверженность здоровому образу жизни // Социология медицины. 2018. № 2. С. 85–86.

⁴³ Отказ от лечения — убеждение не религиозное, а сектантское, считают в РПЦ // РИА Новости. 2017.18.01. URL: <https://ria.ru/20170118/1485959458.html>

⁴⁴ Pelčić G., Karačić S., Мукуптичан Г.Л., Кубарь О.И., Leavitt F.J., Cheng tek Tai M., Morishita N., Vuletić S., Tomašević L. Religious objections to vaccination or religious justifications to refuse vaccination: is it really true? // Medicine and Organization of Health Care. 2020. N 5 (1). P. 58–78.

⁴⁵ Мы и наши болезни // Сайт ВЦИОМ. 2013. 06 авг. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/my-i-nashi-bolezni> (дата обращения: 15.11.2020).

⁴⁶ См., например: Какие болезни даются за какие грехи? // Православные святыни. URL: <https://svyatyni.ru/duhovnaya-zhizn/kakie-bolezni-dayutsya-za-kakie-grehi.html> (дата обращения: 08.05.2021).

⁴⁷ Cheryl L.H., Eddie M.C., David L.R. Positive and negative religious beliefs explaining the religion-health connection among African Americans // International Journal for the Psychology of Religion. 2014. N 24 (4). P. 311–331 (Цит по: Дубограй Е.В. Религиозность человека и его приверженность здоровому образу жизни // Социология медицины. 2018. № 2. С. 85–86).

⁴⁸ Koenig H.G. Research on religion and mental health in later life: a review and commentary // Journal Geriatric Psychiatric. 1990. N 23. P. 23–53.

ство или протестантизм? Здоровье и благополучие пожилых людей различного вероисповедания в европейских странах”, проанализировав здоровье и благополучие людей в возрасте 55 лет и старше в 14 европейских странах с учетом их религиозной принадлежности и религиозной активности (частота посещения служб), приходит к выводу, что религиозная принадлежность и частота посещения служб “не могут рассматриваться как значимо положительные факторы общего здоровья и благополучия пожилых людей”⁴⁹.

Сегодня связь религиозности и здоровья так и остается дискуссионным вопросом, однако уклон в большинстве исследований делается все же в сторону позитивности этого влияния. Понятно, что такие объективные показатели, как вес, наличие тех или иных болезней, образ жизни, имеют гораздо большее значение во влиянии на здоровье, тем не менее, можно предположить, что эти факторы могут быть довольно серьезно сплетены с религиозностью. Так или иначе религиозное мировоззрение позволяет обрести опору, как духовную, так социальную, а порой и материальную через религиозную общину, которая также дает возможность поддерживать социальную активность. Религия существует в обществе не как нечто чужеродное, она плотно вплетена в ткань социальных отношений, это своего рода древняя психотерапия: она создана человеком для себя самого, позволяет сохранить базовые ценности жизни, переосмыслить ситуацию болезни, справиться с социальным и психологическим напряжением, успокаивает, приносит облегчение. Конечно, существуют и другие более научно обоснованные методы, но они могут мирно сосуществовать с религией, не конфликтуя друг с другом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бочаров В.В. Молодость и старость в традиционной русской культуре (о книге Григорьевой И.А. и др. “Пожилые в современной России: между занятостью, образованием и здоровьем”) // Социологические исследования. 2017. № 1.

Булудова М.В., Эфендиева Э.С. Влияние религиозной веры врача на взаимодействие с пациентом // БМИК. 2016. № 5.

Де Боттон А. Религия для атеистов. М., 2013.

Дискаленко В.В., Карпищенко С.А., Даниленко О.И., Курмашова Л.М. Психологический аспект в лечении соматического больного // Ученые записки СПбГМУ им. И.П. Павлова. 2010. № 1.

Дубограй Е.В. Религиозность человека и его приверженность здоровому образу жизни // Социология медицины. 2018. № 2.

⁴⁹ *Рамонов А.В.* Католичество или протестантизм? Здоровье и благополучие пожилых людей различного вероисповедания в европейских странах // Демографическое обозрение. 2014. № 4 (4). С. 134.

- Жданова Л.Г., Арнгольд С.А. Особенности проявлений эмпатии у медицинских работников // АНИ: педагогика и психология. 2014. № 3 (8).
- Задорин И.В., Хомякова А.П. Религиозная самоидентификация респондентов в массовых опросах: что стоит за декларациями // Полития. 2019. № 3 (94).
- Кешишев И.А., Орел О.В., Смирнова В.И. Окружающая среда и здоровье детского населения // Педиатр. 2013. № 2.
- Лядова А.В. Дискурс о здоровье: историко-сравнительный анализ (Часть 2) // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2023. Т. 29. № 1. С. 148–166.
- Назарова И.Б. Здоровье российского населения: факторы и характеристики (90-е годы) // Социологические исследования. 2003. № 11.
- Наследственные болезни в популяциях человека / Под ред. Е.К. Гинтера. М., 2002.
- Новоселова Е.Н. Здоровье как ценность и практика: общество, семья, личность. М., 2021.
- Орлова Е.В. Проблема межкультурного общения врача и пациента // Менеджер здравоохранения. 2012. № 11.
- Поповкина Г.С. Вклад православия в становление социального института здравоохранения в России // Вестн. Том. гос. ун-та. 2022. № 474.
- Рамонов А.В. Католичество или протестантизм? Здоровье и благополучие пожилых людей различного вероисповедания в европейских странах // Демографическое обозрение. 2014. № 4 (4).
- Самедов Э. О постмодерне в религии // Вопросы философии. . 2009. № 10.
- Семья в современном мире / Сост. и научн. ред. В.Н. Куницына. СПб., 2010.
- Смирнов М.Ю. О религиоведении, религии и религиозности // Вестник РХГА. 2008. № 2.
- Современные верования и конфессии в России: Справочник / Под общ. ред. А.А. Желтова. Вологда, 2017.
- Филоненко Е.В., Султанова А.Н. К вопросу о влиянии религии на физическое и психическое здоровье // Здоровье человека, семьи, общества. Социодинамическая парадигма в психиатрии, наркологии, психотерапии и психологии. Сборник материалов Всероссийской конференции с международным участием памяти профессора Цезаря Петровича Короленко. Общероссийская общественная организация “Общероссийская профессиональная психотерапевтическая лига”. Новосибирск, 2021.
- Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990.
- Юшачкова Т.Б. Ценность здоровья для детей и родителей // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2018. № 1.
- Яковлев М.В., Ягода А.В. Взгляд клинициста на дегуманизацию отношений “Врач — пациент” // Архив внутренней медицины. 2013. № 5.
- Ясин М.И., Гусева Е.С. Религиозность, дистресс и здоровье // Вестник Удмуртского университета. Серия “Философия. Психология. Педагогика”. 2017. № 1.

REFERENCES

- Ai A.L., Park C.L., Huang B., Rodgers W., Tice T.N. Psychosocial mediation of religious coping styles: A study of short-term psychological distress following cardiac surgery // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2007. Vol. 33. P. 867–882.

Bocharov V.V. Molodost' i starost' v tradicionnoj russkoj kul'ture (o knige Grigor'evoj I.A. i dr. "Pozhilye v sovremennoj Rossii: mezhdru zanjatost'ju, obrazovanijem i zdorov'em") [Youth and old age in European Russian culture (about the book by Grigoryeva I.A. and others)] // Sociologicheskie issledovanija. 2017. N 1 (in Russian).

Buludova M.V., Jefendieva Je.S. Vlijanie religioznoj very vracha na vzaimodejstvie s pacientom [The influence of the doctor's religious faith on interaction with the patient] // BМИK. 2016. N 5 (in Russian).

Byrd R.C. Positive therapeutic effects of intercessory prayer in a coronary care unit population // Social Science and Medicine. 1988. Jul. Vol. 81. N 7. P. 826–829.

Cheryl L.H., Eddie M.C., David L.R. Positive and negative religious beliefs explaining the religion-health connection among African Americans // International Journal for the Psychology of Religion. 2014. N 24 (4). P. 311–331.

Comstock G.W., Partridge K.B. Church attendance and health // Journal of Chronic Diseases. 1972. Dec. Vol. 25. N 12. P. 665–672.

De Botton A. Religija dlja ateistov [Religion for atheists]. M., 2013 (in Russian).

Diskalenko V.V., Karpishhenko S.A., Danilenko O.I., Kurmashova L.M. Psihologicheskij aspekt v lechenii somaticheskogo bol'nogo [Psychological aspect in the treatment of a somatic patient] // Uchenye zapiski SPbGMU im. I.P. Pavlova. 2010. N 1 (in Russian).

Dubograj E.V. Religioznost' cheloveka i ego priverzhenost' zdorovomu obrazu zhizni [Religiosity of a person and his commitment to a healthy lifestyle] // Sociologija mediciny. 2018. N 2 (in Russian).

Filonenko E.V., Sultanova A.N. K voprosu o vlijanii religii na fizicheskoe i psihicheskoe zdorov'e [To the question of the influence of religion on physical and mental health] // Zdorov'e cheloveka, sem'i, obshhestva. Sociodinamicheskaja paradigma v psihiatrii, narkologii, psihoterapii i psihologii. sbornik materialov Vserossijskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem pamjati professora Cezarja Petrovicha Korolenko. Obshherossijskaja obshhestvennaja organizacija "Obshherossijskaja professional'naja psihoterapevticheskaja liga". Novosibirsk, 2021 (in Russian).

Frankl V. Chelovek v poiskah smysla [Man's Search For Meaning]. M., 1990 (in Russian).

Grant B.F. Comorbidity between DSM-IV drug use disorders and major depression: results of a national survey of adults // Journal of Substance Abuse. 1995. Vol. 7. P. 481–497.

Idler E., Blevins J., Kiser M., Hogue C. Religion, a social determinant of mortality? A 10-year follow-up of the Health and Retirement Study // PLoS One. 2017. Dec 20. Vol. 12. N 12.

Jakovlev M.V., Jagoda A.V. Vzglyad klinicista na degumanizaciju otnoshenij "Vrach — pacient" [The clinician's perspective on the dehumanization of the Doctor-Patient relationship] // Arhiv vnutrennej mediciny. 2013. N 5 (in Russian).

Jasin M.I., Guseva E.S. Religioznost', distress i zdorov'e [Religiosity, distress and health] // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Serija "Filosofija. Psihologija. Pedagogika". 2017. N 1 (in Russian).

Jenkins C.D. Psychologic and social precursors of coronary disease // New England Journal of Medicine. 1971. Feb 11. Vol. 284. N 6. P. 307–317.

Jushachkova T.B. Cennost' zdorov'ja dlja detej i roditelej [The value of health for children and parents] // Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta. 2018. N 1 (in Russian).

- Keshishev I.A., Orel O.V., Smirnova V.I.* Okruzhajushhaja sreda i zdorov'e detskogo naselenija [Environment and child health] // *Pediatr.* 2013. N 2 (in Russian).
- Koenig H.G.* Research on religion and mental health in later life: a review and commentary // *Journal Geriatric Psychiatric.* 1990. N 23. P. 23–53.
- Levin J.S.* Religion and health: is there an association? Is it valid, and is it causal? // *Social Science and Medicine.* 1994. N 38. P. 1475–1482.
- Ljadova A.V.* Diskurs o zdorov'e: istoriko-sravnitel'nyj analiz (Chast' 2). [Health Discourse: Historical and Comparative Analysis] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologija i politologija.* 2023. T. 29. N 1. S. 148–166 (in Russian).
- Nasledstvennye bolezni v populacijah cheloveka. [Hereditary diseases in human populations] / Pod red. E.K. Gintera. M., 2002 (in Russian).
- Nazarova I.B.* Zdorov'e rossijskogo naselenija: faktory i harakteristiki (90-e gody) [Health of the Russian population: factors and characteristics (90s)] // *Sociologicheskie issledovanija.* 2003. N 11 (in Russian).
- Novoselova E.N.* Zdorov'e kak cennost' i praktika: obshhestvo, sem'ja, lichnost' [Health as a value and practice: society, family, personality]. M., 2021 (in Russian).
- Oleckno W.A., Blacconiere M.J.* Relationship of religiosity to wellness and other health-related behaviors and outcomes // *Psychological Reports.* 1991. Vol. 68. P. 819–826.
- Orlova E.V.* Problema mezhkul'turnogo obshhenija vracha i pacienta [The problem of intercultural communication between doctor and patient] // *Menedzher zdorovohranenija.* 2012. N 11 (in Russian).
- Popovkina G.S.* Vklad pravoslavija v stanovlenie social'nogo instituta zdorovohranenija v Rossii [The contribution of Orthodoxy to the development of the social institution of healthcare in Russia] // *Vestn. Tom. gos. un-ta.* 2022. N 474 (in Russian).
- Ramonov A.V.* Katolichestvo ili protestantizm? Zdorov'e i blagopoluchie pozhihlyh ljudej razlichnogo veroispovedanija v evropejskih stranah [Catholicism or Protestantism? Health and well-being of older people of different faiths in European countries] // *Demograficheskoe obozrenie.* 2014. N 4 (4) (in Russian).
- Samedov Je.* O postmoderne v religii [About postmodernity in religion] // *Voprosy filosofii.* 2009. N 10 (in Russian).
- Schwadel P.* Explaining cross-national variation in the effect of higher education on religiosity // *Journal for the Scientific Study of Religion.* 2015. May. Vol. 54. N 2. P. 402–418.
- Sem'ja v sovremennom mire [Family in the modern world] / Sost. i nauchn. red. V.N. Kunicyna. SPb., 2010 (in Russian).
- Sloan R.P., Bagiella E.* Claims about religious involvement and health outcomes // *Annals of Behavioral Medicine.* 2002. Vol. 24. N 1. P. 14–21.
- Smirnov M.Ju.* O religiovedenii, religii i religioznosti [About religious studies, religion and religiosity] // *Vestnik RHGA.* 2008. N 2 (in Russian).
- Sovremennye verovanija i konfessii v Rossii: Spravochnik [Modern beliefs and confessions in Russia] / Pod obshh. red. A.A. Zheltova. Vologda, 2017 (in Russian).
- Zhdanova L.G., Arngold S.A.* Osobennosti projavlenij jempatii u medicinskih rabotnikov [Features of manifestations of empathy in medical workers] // *ANI: pedagogika i psihologija.* 2014. N 3 (8) (in Russian).
- Zadorin I.V., Homjakova A.P.* Religioznaja samoidentifikacija respondentov v massovyh oprosah: chto stoit za deklaracijami [Religious self-identification of respondents in mass surveys: what is behind the declarations] // *Politija.* 2019. N 3 (94) (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2023-29-3-68-87

СТРАТЕГИИ АДАПТАЦИИ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В ПОСТКОВИДНОЕ ВРЕМЯ В ГОРОДЕ И В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ

К.А. Галкин, канд. социол. наук, старший научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, ул. Большая Андроньевская, д. 5. стр.1, г. Москва, 109544*

В статье рассматриваются стратегии адаптации пожилых людей в постковидное время в городе федерального значения и сельской местности. На основании анализа 30 полуструктурированных интервью с пожилыми людьми из Санкт-Петербурга и сел Республики Карелия представлена авторская типология стратегий адаптации этой категории граждан.

В исследовании выделены три стратегии, которые отличаются взглядами на адаптационный процесс. Классификация стратегий адаптации проведена на основании тематического анализа интервью, который позволил выделить ключевые темы, в рамках которых пожилые обозначали, как они справляются (или не справляются) с новыми условиями жизни, а также осмысливают то, как происходит их адаптация. Выделенные стратегии показали, что главным различием выступает именно наличие тех или иных ресурсов, а также доверие к средствам массовой информации и органам государственной власти для адаптации к новым временам и возможности быстро подстраиваться под изменяющуюся, трансформирующуюся темпоральность современного мира. Обозначенные в исследовании стратегии позволяют рассматривать, как специфика восприятия возраста трансформируется в зависимости от принятия или непринятия перемен, происходящих в постковидное время. Результаты исследования показали, что достижение пенсионного возраста является фактором, который в том числе затрудняет адаптацию пожилых людей. При этом важным выступает поиск занятий на пенсии, которые могут способствовать лучшей адаптации пожилых. Инициативы и меры социальной политики, реализуемые в отношении пожилых людей на пенсии (особенно в возрасте 75 лет и старше), не способствуют полноценному участию этой категории граждан в различных видах деятельности.

Ключевые слова: пожилые люди, адаптация, постковидное время, пожилые в городе и в селе.

* Галкин Константин Александрович, e-mail: Kgalkin1989@mail.ru

STRATEGIES OF ADAPTATION OF OLDER PEOPLE IN POST-COVID TIME IN THE CITY AND IN RURAL AREAS

Galkin Konstantin A., Ph.D. sociological Sci., Senior Researcher, Institute of Sociology, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, st. Bolshaya Andronievskaya, 5, building 1, Moscow, 109544, e-mail: Kgalkin1989@mail.ru

The article discusses strategies for the adaptation of elderly people in post-retirement time in a federal city and rural areas. Based on the analysis of 30 semi-structured interviews with elderly people from St. Petersburg and villages of the Republic of Karelia, the author's typology of adaptation strategies for this category of citizens is presented.

The study identifies three strategies that differ in their views on the adaptation process. The classification of adaptation strategies was carried out on the basis of a thematic analysis of interviews, which made it possible to identify key topics in which the elderly indicated how they cope (or do not cope) with new living conditions, as well as comprehend how their adaptation occurs. The highlighted strategies showed that the main difference is the availability of certain resources, as well as trust in the media and public authorities to adapt to new times and the ability to quickly adapt to the changing, transforming temporality of the modern world. The strategies outlined in the study allow us to consider how the specifics of the perception of age is transformed depending on the acceptance or rejection of changes occurring in the post-teen period. The results of the study showed that reaching retirement age is a factor that, among other things, makes it difficult for older people to adapt. At the same time, it is important to search for retirement activities that can contribute to better adaptation of the elderly. Initiatives and social policy measures implemented in relation to retired elderly people (especially those aged 75 and older) do not contribute to the full participation of this category of citizens in various types of activities.

Key words: older people, adaptation, kidney-shaped time, elders in the city and in the countryside.

Введение

Современное общество характеризуется глобальными изменениями, связанными в том числе с периодом пандемии и переходом к новым моделям развития. Как на глобальном и страновом, так и на региональном уровнях они затрагивают и социальную политику. Ситуация с пандемией COVID-19 усилила социальную напряженность, создала трудности в различных сферах общественной жизни для различных групп населения¹. Одной из таких групп, которая в

¹ Григорьева И., Богданова Е. Концепция активного старения в Европе и России перед лицом пандемии COVID-19 // Laboratorium: журнал социальных исследований. 2020. № 2. С. 187–211. DOI: 10.25285/2078-1938-2020-12-2-187-211; Batty M. The Coronavirus crisis: what will the post-pandemic city look like? // Environment and Planning B: Urban Analytics and City Science. 2020. Vol. 47. N 4. P. 547–552. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/2399808320926912>

наибольшей степени ощутила на себе все сложности в преодолении ситуации пандемии, являются пожилые люди².

Созданные ранее и активно внедряемые политики активного долголетия, которые развивались в рамках концепции активного долголетия, закреплённой в Мадридском плане, принятом в 2002 г., подверглись критике, так как столкнулись с множеством проблем при их реализации, прежде всего проблем, связанных с необходимостью вынужденной изоляции пожилых людей, а также с переосмыслением возможных активностей в рамках тотальных ограничений при изоляции в период пандемии³. В постпандемийное время налицо активное изменение взглядов на понимание старения. Происходит переход от идей активного долголетия, которые по большей части рассматривали возраст как ресурс, как время интеграции в социальную жизнь, как активное время для развития возможностей, к пониманию индивидуального возраста, его региональных особенностей, реализации пожилыми возможностей в контексте доступности технологий после окончания пандемии COVID-19⁴. Таким образом, в настоящее время крайне важным становится исследование адаптации пожилых людей, их адаптации к трансформирующемуся, изменяющемуся миру.

В настоящей статье мы рассматриваем адаптацию как совокупность условий, в которые помещен индивид, и взаимосвязей человека с окружающим миром. Адаптация рассмотрена как особенность социального поведения пожилых людей, а также как категория, связанная со спецификой современного российского общества, с региональным контекстом, с отличием жизни в городе от жизни на селе⁵. Процесс социальной адаптации пожилых людей тесно связан

² Доброхлеб В.Г. Современная пандемия и риск роста социальной изоляции пожилых людей // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. 2020. № 3. С. 166–173. DOI: 10.26653/2076-4650-2020-3-15; Zinn J.O. Introduction: towards a sociology of pandemics // Current Sociology. 2021. Vol. 69. N 4. P. 435–452. URL: <https://doi.org/10.1177/00113921211020771>

³ Галкин К.А. Социальная политика активного долголетия в России и государствах всеобщего благосостояния Европы: опыт сравнительного анализа // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15. № 2. С. 239–252. DOI: 10.15838/esc.2022.2.80.15; Petretto D.R., Pili R. Ageing and COVID-19: what is the role for elderly people? // Geriatrics. 2020. Vol. 5. N 2. P. 25. URL: <https://doi.org/10.3390/geriatrics5020025>

⁴ Atzendorf J., Gruber S. Depression and loneliness of older adults in Europe and Israel after the first wave of covid-19 // European Journal of Ageing. 2022. Vol. 19. N 4. P. 849–861.

⁵ Колязина Л.В. Практики заботы о пожилых гражданах в современной России // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2020. № 3 (55). С. 40–49. DOI 10.21685/2072-3016-2020-3-4; Wolf J. et al. Social capital, individual responses to heat waves and climate change adaptation: an empirical

с выбором социальных стратегий адаптации пожилых людей и обусловлен сельской или городской спецификой. Мы анализируем, как сами пожилые люди рассматривают возможности для своей адаптации, как пожилой человек строит вокруг себя социальную реальность и как реализует те или иные стратегии адаптации, в рамках которых позиционирует свой возраст. Таким образом, мы исследуем смыслы и особенности адаптации пожилых людей в постковидном мире с точки зрения репрезентации, рефлексии ими своего возраста, а также того, в какой степени существующий мир позволяет пожилым людям проявлять активность, какие стратегии проявления и маркирования активностей существуют у этой категории граждан в трансформирующемся постковидном мире.

Обзор литературы

Сегодня существует обширный пул работ, посвященных социальной адаптации. Ряд исследователей рассматривают адаптацию как степень адаптированности, т.е. степень того, как индивиды или группы людей смогли интегрироваться в существующие процессы социально-экономической и культурной среды⁶. Отмечается важность изучения характера взаимодействия индивидов с социальной средой, анализа самой адаптации, ее пассивного или активного характера⁷. В зависимости от природы адаптации, а также от ответов на вопрос о том, насколько успешной выступает адаптация, выбираются показатели, которые в количественных исследованиях рассматриваются преимущественно как показатели успешности адаптационного процесса.

Другим фокусом исследований выступает изучение индивидуальных особенностей и перспектив адаптации самого адаптанта. В рамках данного подхода учитываются такие факторы, как состояние здоровья, психологическое состояние, социальное самочувствие индивида, восприятие происходящих общественных перемен⁸. Специалисты, изучающие адаптацию в эпоху потребления,

study of two UK cities // *Global Environmental Change*. 2010. Vol. 20. N 1. P. 44–52. URL: <https://doi.org/10.1016/j.gloenvcha.2009.09.004>

⁶ Мозговая А.В. Идентификация, оценка и адаптация к риску в условиях неопределенности // *Социологическая наука и социальная практика*. 2019. Т. 7. № 4 (28). С. 151–165. DOI: 10.19181/snsp.2019.7.4.6808

⁷ Umanailo M.C.B. Structure of social change in industrial society // *Proceedings of the International Conference on Industrial Engineering and Operations Management Riyadh*. 2019. N 3. P. 668–672.

⁸ Романычев И.С. Ресурсный подход в социальной работе: к вопросу о социологическом осмыслении // *Общество. Среда. Развитие (Terra Humana)*. 2012. № 3. С. 82–85.

отмечают необходимость более широкого анализа адаптационных процессов и изучения не только материального обеспечения и социальной интегрированности, но и того, какие существуют различия в рамках жизненных шансов тех или иных индивидов и насколько эти шансы связаны с рисками, которые происходят в различных средах и нарушают процессы адаптации (или же способствуют их образованию)⁹. При таком рассмотрении на первый план выходят именно жизненные шансы индивидов, а также характер адаптации в контексте последствий адаптационного процесса человека.

В настоящей работе мы, операционализируя понятие социальной адаптации, опираемся на ресурсный подход в исследовании данного понятия. В рамках этого подхода существует несколько ответвлений. Первое связано с тем, что в ряде исследований, как правило, рассматриваются макроконтекст, социальные, экономические, властные, квалификационные ресурсы¹⁰. Второе направление рассматривает индивидуальный ресурс, который обусловлен социальным капиталом, здоровьем и субъективными стратегиями, связанными с выбором наилучшего и наименее затратного адаптационного пути¹¹. Использование ресурсного подхода к изучению индивидуальной адаптации пожилых людей в городе и сельской местности позволило наиболее комплексно проанализировать, как происходит выбор пожилыми людьми той или иной стратегии адаптации, как ситуация пандемии повлияла на выбор пожилыми наилучшего способа адаптации в зависимости от местонахождения и специфики социальной поддержки, развития инфраструктуры, психологического и физического самочувствия, необходимости в одиночку справляться с различными трудностями, которые задала пандемия (например, с ограничениями в возможности общения). Кроме того, ресурсный подход к анализу адаптации пожилых людей дает исследователю шанс рассмотреть специфику перехода этой категории граждан к использованию в повседневности информационных технологий, особенно в ситуации, связанной с заданными пандемией ограничениями в коммуникации, изоляцией, отсутствием мобильности и офлайн-общения, которые стали для пожилых

⁹ Terziev V. Conceptual framework of social adaptation // IJASOS-International E-Journal of Advances in Social Sciences. 2019. Vol. 5. N 13.

¹⁰ Тихонова Н.Е. Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях // Экономическая социология. 2006. Т. 7. № 3. С. 28–41.

¹¹ Смолева Е.О. Критерии и ресурсы социальной адаптации населения России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 2. С. 179–195. DOI: 10.15838/esc.2019.2.62.11

людей частью процесса преодоления ими последствий отдельного проживания в сельской местности и городе¹².

Стало быть, мы рассматриваем адаптацию как индивидуальную стратегию, принимая во внимание особенности ресурсов для пожилых людей в рамках различных территорий в постковидный период. Важным компонентом адаптации пожилых людей выступают активности пожилых и возможности для проявления подобных активностей.

Несмотря на сбор больших количественных данных по активному долголетию, изучению особенностей удовлетворенности пожилых людей программами активности, которые им предложены, пересечениям адаптации и активного долголетия пожилых людей уделено крайне мало внимания. То же самое относится к изучению альтернатив, которые могли бы прийти на смену концепции активного долголетия. Это стало особенно актуальным во время наступления пандемии и возврата к прежним, биологическим идеям относительно возраста (когда возраст пожилого человека рассматривается как опасное время с точки зрения вируса, и единственно верным решением в таком случае выступает изоляция пожилых людей, несмотря на психологические сложности и проблемы, которые может доставить отдельное, а нередко и одинокое проживание пожилых)¹³. Таким образом, немаловажным для изучения перспектив развития политики активного долголетия выступает исследование особенностей ее понимания самими пожилыми людьми, восприятия ими своих активностей. Также большое значение имеет анализ того, как данные активности репрезентируются в зависимости от различий в доступе к возможностям программ активного долголетия.

Идея активного долголетия становится одной из магистральных в эпоху господства взгляда на старение пожилых людей с точки зрения возможностей получения ими необходимых ресурсов, их интеграции в социальную жизнь, получения ими возможностей для продолжения трудоустройства и переобучения, расширения своих навыков и способностей, несмотря на выход на пенсию¹⁴. Из-

¹² Галкин К.А. Цифровизация волонтерства пожилых людей в период пандемии: возможности и барьеры в контексте искусственного интеллекта // *The Journal of Social Policy Studies*. 2022. Т. 20. № 3. С. 377–392. DOI: 10.17323/727-0634-2022-203-377-392

¹³ Григорьева И., Богданова Е. Концепция активного старения в Европе и России перед лицом пандемии COVID-19 // *Laboratorium: журнал социальных исследований*. 2020. № 2. С. 187–211.

¹⁴ Mendes F.R. Active ageing: A right or a duty? // *Health Sociology Review*. 2013. Vol. 22. N 2. P. 174–185; Walker A. Population ageing from a global and theoretical per-

начально идея успешного старения как образа жизни появляется в работах геронтологов, в которых они рассматривают перспективы и возможности достижения активного старения, состоящего из трех ключевых элементов: здорового образа жизни, физической активности и включенности в политическую жизнь, включенности в жизнь местных сообществ. Эти три показателя призваны улучшить качество жизни пожилых людей и, следовательно, расширить возможности для использования ресурсов пожилых на различных уровнях, для включения пожилых людей в целый спектр направлений общественной жизни.

Таким образом, у исследователей, изучающих перспективы развития активного долголетия, в особенности в период после пандемии, возникло множество вопросов, связанных с будущим самой теории, с возможностями использования данного подхода для осмысления и понимания специфики потребностей самих пожилых людей и особенностей такого рода потребностей со стороны пожилых¹⁵. Назрел резонный вопрос о поиске новых моделей, о новом объяснении активностей в контексте возрастающей роли индивидуальных и поколенческих различий в представлении о своих активностях у пожилых, что реализуется сегодня во многих эмпирических и теоретических исследованиях, рассматривающих старение¹⁶.

Вопрос о проблематизации индивидуальных особенностей активности пожилых людей — это вопрос о противопоставлении двух исследовательских парадигм. Первая парадигма связана с дискурсом права, институциональными дискурсами, сохранением важности унификаций и созданием единых условий в социальной политике для всех пожилых¹⁷. Вторая парадигма определена этикой заботы, которая транслирует индивидуальный подход к изучению потребностей пожилых людей и не зависит от институциональных,

spective: European lessons on active ageing // *Age-Friendly Cities and Communities in International Comparison*. Cham, 2016. P. 47–64; Галкин К.А. Социальная политика активного долголетия в России и государствах всеобщего благосостояния Европы: опыт сравнительного анализа // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2022. Т. 15. № 2. С. 239–252.

¹⁵ Доброхлеб В.Г. Демографическое старение в России и новая социальная реальность // *Народонаселение*. 2022. Т. 25. № 2. С. 66–76.

¹⁶ Palmer K. et al. The potential long-term impact of the COVID-19 outbreak on patients with non-communicable diseases in Europe: consequences for healthy ageing // *Aging clinical and experimental research*. 2020. Vol. 32. N 7. P. 1189–1194; Crimmins E.M. Age-related vulnerability to coronavirus disease 2019 (COVID-19): biological, contextual, and policy-related factors // *Public Policy & Aging Report*. 2020. Vol. 30. N 4. P. 142–146.

¹⁷ Walker A., Foster L. Active ageing: rhetoric, theory and practice // *The Making of Ageing Policy*. N.Y., 2013. P. 27–52.

системных механизмов. Повседневные взаимодействия, определенные практиками заботы, позволяют исследователю рассмотреть особенности различных спектров желания (и нежелания) пожилых людей проявлять активность (или проявлять их только в определенных сферах жизни). К примеру, недостаток финансовых средств у большинства пожилых людей в России способствовал продолжению занятости и интегрированности их на рынки труда¹⁸.

Помимо этого, на активности пожилых людей могут влиять и различные неравенства, существующие в рамках конкретных территорий и, следовательно, создающие невозможность реализации некоторых мер политики активного долголетия. К примеру, это отсутствие возможностей для посещения курсов ИКТ в сельской местности и/или невозможность участия в фитнес-программах для пожилых людей — жителей небольших городов¹⁹.

Отличительная черта норм политики активного долголетия, закрепленных в национальных проектах и законах, состоит в том, что ключевые нормы обеспечения возможностей для активного долголетия со стороны пожилых людей обусловлены набором жестких регуляторов, преимущественно в сфере здравоохранения и политики диспансеризации, направленной на поддержание пожилыми людьми своего здоровья. Национальные проекты и законодательные акты, так же как и деятельность гериатрической службы в России, содержат набор жестких, предписываемых правил и стратегий развития в отношении пожилых людей²⁰.

Более того, эти правила имеют универсальное определение, что не дает возможности рассмотреть перспективы активного долголетия для пожилых людей с точки зрения разных регионов страны, разных возрастов и поколенческих различий. Следовательно, интерпретация норм активного долголетия, принятых в качестве приоритета социальной политики в России по отношению к пожилым людям, является достаточно сложным и запутанным вопросом, что, как правило, приводит к разрыву между самими правилами и нормами, идеями и концепциями, и их потенциалом и эффективностью. Наиболее важным препятствием для реализации норм

¹⁸ Доброхлеб В.Г. Занятость пожилых людей в России: причины и последствия // Миграция и социально-экономическое развитие. 2017. Т. 2. № 2. С. 79–90.

¹⁹ Соболева Е.В. Активное долголетие как способ преодоления возрастного социального неравенства // Социальное неравенство современности: новая реальность научного осмысления. М., 2018. С. 176–180.

²⁰ Серпов В.Ю. Создание гериатрической службы в России: опыт Санкт-Петербурга // Вестник Росздравнадзора. 2016. № 4. С. 36–42; Ткачева О.Н. Перспективы развития гериатрической службы в Российской Федерации // Справочник поликлинического врача. 2017. № 5. С. 9.

активного долголетия выступает необходимость создания условий для активного межпоколенческого долголетия пожилых людей. Создание условий и мероприятий для молодых поколений пожилых людей (65+) вступает в сложную взаимосвязь с существующей социально-экономической политикой и рыночными отношениями. С одной стороны, как показывают различные исследования, молодые поколения пожилых людей стремятся продолжать работать, переобучаться и расширять свои профессиональные навыки, а с другой стороны, такие пожилые работники сталкиваются со все более сложными требованиями рынка труда и переходят на низкоквалифицированную работу²¹. Например, современный рынок требует от работников не только продолжать совершенствовать свои навыки и проходить переподготовку, но и уметь использовать и развивать творческие и креативные навыки, а также постоянно совершенствоваться в профессии²². Эти требования рынка не всегда могут быть удовлетворены, в том числе самими пожилыми работниками, которые ориентированы на консервативное отношение к работе и передачу знаний и навыков молодым поколениям больше, чем на переподготовку и изменение подходов к работе.

Политика активного долголетия по отношению к старшему поколению пожилых людей (75+) в Российской Федерации также достаточно неоднозначна. Так, для этого поколения реализуемая в России социальная политика устанавливает стандартизированный набор мероприятий для реализации своих активностей, часто ограниченный встречами с друзьями и лекциями по здоровью²³. В то же время, согласно новым исследованиям, важными мероприятиями для поколения 75+ являются общение, поддерживающие дискуссии, а также выбор занятий с возможностью минимизации серьезных физических нагрузок и спокойный выбор наиболее подходящего образа повседневной жизни²⁴.

²¹ Доброхлеб В.Г. Ресурсный потенциал пожилого населения России // Социологические исследования. 2008. № 8. С. 55–61.

²² Богданова Е.А. Трудовые отношения с участием пенсионеров: забота или манипуляция? // Журнал исследований социальной политики. 2016. Т. 14. № 4. С. 535–550.

²³ Щанина Е.В. Факторы социальной активности старшего поколения // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2009. № 2. С. 57–67.

²⁴ Григорьева И.А., Уханова Ю.В., Смолева Е.О. Трансформация социальной политики в России в контексте старения населения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 5. С. 124–140; Ноянзина О.Е., Максимова С.Г. Интегрированная старость: социальная политика в условиях угроз демографической безопасности // Society and Security Insights. 2018. Т. 1. № 1. С. 99–119.

Таким образом, в современной политике активного долголетия в России отсутствует поколенческая составляющая, фокусирующаяся на наиболее подходящих вариантах активности для конкретного поколения пожилых людей. Это говорит о необходимости проведения исследований, посвященных индивидуальному планированию активности пожилыми людьми.

В этом контексте также важно то, что пожилые люди получают стимулы для продолжения своей деятельности и сохранения интеграции на рынке труда, что мотивирует их к уходу или продолжению работы. Экономическая составляющая занятости является одним из таких стимулов. Преодоление чувства одиночества и исключения из социальной жизни, которое многие пожилые люди обычно испытывают в пенсионном возрасте, также упоминалось как важный стимул для сохранения активности на рабочем месте. Во многих случаях продолжение трудовой деятельности после выхода на пенсию требует перехода в другой профессиональный статус. Это происходит потому, что пожилые люди продолжают работать и совмещают работу с поддержкой семьи и хобби, включая работу в команде, общение и взаимодействие в группе, которые также являются важной частью деятельности пожилых людей после выхода на пенсию. Все эти факторы представляют собой важные компоненты стратегий адаптации пожилых людей, которые становятся наиболее актуальными в постковидное время и создают в том числе новые перспективы в контексте рассмотрения политики активного долголетия, как и стратегий адаптации пожилых людей в этот период.

Материалы и методы

Исследование проводилось в двух регионах РФ: городе федерального значения Санкт-Петербурге и селах Республики Карелия. Всего в рамках исследования было собрано 30 полуструктурированных интервью с пожилыми людьми — жителями данных локаций ($n=30$), по 15 интервью в каждой локации. Все интервью проводились с марта по сентябрь 2022 г. Информанты, участники исследования — это пожилые люди в возрасте от 65 до 75 лет, на пенсии и нигде не работающие.

Выбор двух локаций — города федерального значения и сельской местности — неслучаен. Методологически он обусловлен тем, что в рамках этих локаций мы планировали зафиксировать максимальные различия в стратегиях адаптации, связанные с инфраструктурными особенностями, развитием сельского и городского здравоохранения, а также спецификой изоляции в периоды панде-

мии. Структура выборки по полу отражала общую картину исследований пожилых людей в стране, где соотношение пожилых мужчин и женщин составляет примерно 1:2. Половина информантов имела высшее образование, преимущественно это информанты, которые проживали в городе федерального значения.

Метод анализа интервью — тематический. Применение данного метода позволило выделить адаптационные стратегии пожилых людей на основании анализа ими своей повседневной жизни и выделения ключевых тем, которые легли в основу этих адаптационных стратегий.

Результаты

Стратегия принятия перемен

Представители данной стратегии в большинстве своем отмечали, что не ощущали каких-либо проблем в период пандемии и постпандемийное время. Как правило, информанты, представители этой стратегии, были городскими жителями, которые имели высшее образование и достаточно развитый адаптационный потенциал к изменениям. Сам период пандемии показал, что пожилые люди, представители данной стратегии, могли спокойно воспринимать сложившуюся ситуацию: *“Да, была изоляция, но я не особенно почувствовал какие-либо проблемы. Да и сейчас, когда пандемия уже прошла, все равно так или иначе возникает необходимость жить. И я не скажу, что было какое-то сильное влияние на это, на то, что жизнь как-то изменилась. Нужно было просто принимать все результаты перемен, подстраиваться под эти перемены”* (ж., 78, Санкт-Петербург).

В плане принятия перемен для представителей данной стратегии решающим оказался фактор уровня жизни, который способствовал сохранению баланса в психологическом и физическом здоровье и формированию отношения к изменением как неизбежным и необходимым, к принятию таких изменений. Так, среди тех, кто не ощутил никаких проблем, большинство были информантами, которые имели довольно высокий уровень жизни. Кроме того, представители данной стратегии считали, что сам период пандемии выступает отличным шансом для того, чтобы получить новые навыки, освоить информационные технологии, обрести новые хобби и увлечения, в том числе подработки в интернете, — более того, пандемия открывает возможности для волонтерских практик, волонтерской помощи. Среди представителей стратегии принятия перемен зафиксирована наибольшая доля людей, которые доверяли официальной статистике, государственным мерам защиты,

необходимым ограничениям в период пандемии. Также большинство представителей названной стратегии обычно придерживалось режима самоизоляции, соблюдения всех ограничительных мер и считало, что наилучшим ресурсом для адаптации выступает быстрая реакция на происходящие в мире глобальные изменения, выбор правильной стратегии поведения при адаптации. Основным источником помощи для представителей этой стратегии выступал узкий круг людей (как правило, это близкие люди, которые могли дать необходимый совет и показать, что необходимо делать в условиях пандемии).

Важным в данном контексте выступает и тот факт, что, продолжая свои активности и сохраняя интегрированность в рынок труда, пожилые люди получают важный стимул, который значим как с позиции заботы, так и с точки зрения мотивации продолжать трудовую деятельность. Подобным стимулом выступает финансовая составляющая работы. Также важным стимулом к ведению активности в рамках трудовой деятельности информанты отмечали преодоление одиночества и эксклюзии из социальной жизни, что свойственно многим пожилым людям после выхода на пенсию. Нередко сохранение занятости после выхода на пенсию сопровождалось переходом к другому экспертному статусу, это было обусловлено тем, что пожилые люди продолжали работать и были включены в коллектив, в коммуникацию, взаимодействия в коллективе, однако совмещали работу с помощью в семье или с хобби, которые также выступали важной частью активностей пожилых после выхода на пенсию: *“Я уже просто не могу без жизни нашей кафедры. Вышла на пенсию, потому что внуки. Да и, сами понимаете, нужно было уже выходить. Но все равно хорошо, что мне предложили программы смотреть и методическую работу выполнять. Она буквально спасает. Нет ощущения, что ты куда-то ушел, потому что все равно есть чувство того, что ты продолжаешь работать, того, что ты вовлечена в деятельность”* (ж., 65, кандидат биологических наук, Санкт-Петербург).

Кроме того, активность, выраженная через продолжение занятости для пожилых, представителей данной стратегии, была обусловлена и понижением статуса на работе, переводом на менее квалифицированную и, следовательно, хуже оплачиваемую должность. При этом сохранение занятости по-прежнему выступает весомым аргументом с точки зрения поддержания своих индивидуальных активностей, расширения спектра участия и включения: *“С приходом техники и электроники я уже, надо сказать, не смог бы выполнять здесь работу по наладке оборудования, по чертежам*

в целом. Но хорошо, что меня оставили, пусть и уборщиком. Все же это лучше, чем просто сидеть дома и ничего не делать, дни прожигать. Пока есть движение, есть и жизнь” (м., 69, мастер, Санкт-Петербург).

Даже отсутствие официального оформления по ТК РФ не было препятствием для продолжения трудовой деятельности и включенности в активность.

Стратегия осознания изменений

Эта стратегия была характерна для пожилых людей, проживающих в сельской местности и имеющих крайне ограниченное число социальных контактов и довольно ограниченные ресурсы, что было обусловлено в том числе спецификой жизни на селе, характером местных взаимодействий. Среди представителей стратегии изменений было больше всего пожилых людей, которые перенесли COVID-19 в наиболее тяжелой форме. Для представителей данной стратегии наиболее сложным было перенести режим изоляции и его психологические последствия: *“Вот что я скажу. Сложно было сидеть вот так, в замкнутом пространстве, и, по сути, ничего не делать, не знать, что вокруг происходит. А если заболел, то это для тебя практически сплошная бесконечная неизвестность. Не знаешь, что вообще будет дальше и куда все это может повернуть” (ж., 80, село, Республика Карелия).*

Наиболее значимой и оптимистичной для представителей стратегии изменений была отмена ограничений, которая, как отмечали информанты, внесла ясность в происходящее и способствовала тому, что пожилые люди стали воспринимать пандемию не как угрозу, а как нечто прошедшее. При этом представители данной стратегии отмечали, что наиболее проблемной была нехватка необходимых ресурсов, а также то, что сами пожилые люди воспринимали свой возраст, свое старение, исходя из нехватки ресурсов для адаптации. А следовательно, изменения, которые были необходимы таким пожилым людям, принимались ими с трудом. Как правило, представители этой стратегии прибегали для адаптации к новым, постпандемийным условиям к помощи других людей, а сами с трудом воспринимали необходимость перемен, в том числе вынужденной трансформации повседневной жизни. Ключевые изменения для представителей данной стратегии происходили в принятии поддерживающих здоровье лекарств, а также в понимании неотвратимости прихода нового мира, который названные информанты обыкновенно воспринимали таким, какой он есть.

Стратегия непринятия (отрицания)

По уровню скептицизма и понимания важности ресурсов для возможностей адаптации представители данной стратегии наиболее близки к информантам, реализующим стратегию осознания изменений. Они больше других столкнулись со смертельными случаями, со сложностями в перенесении и переживании инфекционного заболевания. Кроме того, для представителей данной стратегии наиболее характерно снижение доверия к государству и нормам, которые государство внедряло для возможной адаптации пожилых людей и сохранения их здоровья в период пандемии: *“Это было тяжелое испытание, которое, конечно, еще не закончилось. Да и как оно вообще может закончиться? Ведь происходит перелом всего, что было прежде, того порядка, который был ранее. И сейчас уже конечно, приходит это осознание, но принять его практически невозможно. И лучшая стратегия здесь — просто наблюдать, молча и тихо ждать, особо ничего не делая. И тогда все будет идти так, как и должно идти, — своим чередом”* (м., 81, Санкт-Петербург).

Среди представителей стратегии отрицания были не только жители сельской местности, но и пожилые люди из города федерального значения. И те и другие, как правило, не доверяли официальной статистике заболеваемости и отмечали, что в период пандемии и после нее им приходилось отстаивать свои права на прежнюю жизнь и не принимать необходимых изменений. Например, пожилые люди, представители данной стратегии, с трудом принимали изменения, связанные с переходом общения в онлайн-формат, тяжело им давалась и необходимость обучения, повышения квалификации в сфере информационных технологий. Кроме того, представители указанной стратегии не поддерживали государственные нормы и политику активного долголетия, а также все рекомендации, которые в период пандемии давало государство и официальные СМИ, и отмечали, что самым сложным после пандемии выступает как отсутствие прежних ресурсов для общения, мобильности и коммуникации, так и то, что было практически нереально создать новые ресурсы, новые возможности, было чрезвычайно сложно маркировать свой возраст, занимаясь, как и раньше, привычными делами, но при этом не боясь заразиться вирусом.

Потеря каких-либо активностей воспринимается группой старших пожилых довольно болезненно. Часто важность активности подчеркивается в нарративах интервью такими словами, как “движение — это жизнь”, “надо что-то делать, а иначе совсем пропадешь”, “без активной жизни нынче никак”. Если судить по материалам интервью, достижение пенсионного возраста воспринимается пожи-

лыми как рубеж, при приближении к которому прежняя активность теряет былую актуальность, а новые типы активности и вовлеченности пожилых людей, как правило, зависимы от заботы о них со стороны самих пожилых людей. При этом представители группы старших пожилых считают важным не потерять свою активность и вовлеченность в социальную жизнь, несмотря на отсутствие таких возможностей. Перед пожилыми из данной группы встает вопрос о поиске такого рода коммуникации и различных занятий, которые способствуют общению.

Проблема потери интегрированности в социальную жизнь, потери активности воспринимается старшими пожилыми наиболее остро. Интервью показывают, что самым значимым фактором у пожилых людей выступает моральная сторона потери активностей, которая, как следствие, создает трудности с восприятием себя и своего старения. В то же время программы, которые создаются институционально, не оказывают положительного эффекта на интеграцию пожилых людей в социальную жизнь, на их общение и коммуникацию, а в большей степени воспринимаются пожилыми как точечные инициативы, в рамках которых можно на время получить необходимую коммуникацию и стать участником каких-либо происходящих в жизни процессов.

Информанты, представители данной стратегии, отмечали, что круг активностей, предлагаемый муниципалитетами пожилым людям по различным программам активного долголетия, довольно узок. Так, ключевой активностью, которая предлагается в рамках таких программ, выступают курсы ИКТ, однако роль этих курсов с точки зрения повышения активности пожилых людей довольно посредственная. Сами пожилые люди обычно рассматривают такие курсы как “дежурную активность”, которая способствует в большей степени развитию коммуникации и незначительной интеграции в социальную жизнь, чем переобучению или освоению новой техники.

Заключение

В рамках настоящего исследования нами были рассмотрены три стратегии адаптации пожилых людей к ситуации пандемии, проанализирована специфика такой адаптации в постковидное время в городе и сельской местности. Показано, что существуют явные различия между адаптацией к ковидному периоду и адаптацией к постковидной реальности, они обусловлены территорией проживания (город или село), возрастом и в целом восприятием ситуации пандемии, ее последствий. С наибольшими трудностями столкну-

лись представители стратегий осознания изменений и неприятия (отрицания). Речь здесь идет об отсутствии необходимых ресурсов для адаптации в постковидное время, возможностей для того, чтобы принять изменения, адаптироваться к глобальным переменам в мире в целом. Следует отметить, что представители стратегии осознания изменений, как правило, проживали в сельской местности.

Представители стратегии принятия перемен, напротив, в наибольшей степени склонны воспринимать происходящие изменения как незначительные. Ключевыми ресурсами адаптации для представителей данной стратегии в период пандемии выступают переход к онлайн-общению, онлайн-взаимодействию, активное обращение к ресурсам семейного общения, поиск новых занятий и увлечений.

Вопросы потери социальной интеграции и потери активности были выделены пожилыми людьми в наибольшей степени как проблемы, препятствующее их адаптации. Если исходить из результатов интервью, то можно сказать, что наиболее важным фактором для пожилых людей было моральное измерение потери активности, что привело к трудностям в осознании себя и своего возраста. В то же время программы, созданные институционально, не оказывают положительного влияния на интеграцию пожилых людей в социальную жизнь, общение и коммуникацию, а являются лишь временной мерой для получения пожилыми людьми необходимого общения и возможности участвовать во всех процессах, происходящих в их жизни.

Результаты данного исследования показывают, что достижение пенсионного возраста и прекращение работы являются переходом от деятельности, связанной в основном с работой, к деятельности в различных сферах повседневной жизни. Инициативы и меры социальной политики, реализуемые в отношении пожилых людей на пенсии (особенно в возрасте 75 лет и старше), не способствуют полноценному участию этой категории граждан в различных видах деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Богданова Е.А. Трудовые отношения с участием пенсионеров: забота или манипуляция? // Журнал исследований социальной политики. 2016. Т. 14. № 4. С. 535–550.

Галкин К.А. Социальная политика активного долголетия в России и государствах всеобщего благосостояния Европы: опыт сравнительного анализа // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15. № 2. С. 239–252. DOI: 10.15838/esc.2022.2.80.15

Галкин К.А. Цифровизация волонтерства пожилых людей в период пандемии: возможности и барьеры в контексте искусственного интеллекта // The Journal of Social Policy Studies. 2022. Т. 20. № 3. С. 377–392. DOI: 10.17323/727-0634-2022-20-3-377-392

Григорьева И.А., Уханова Ю.В., Смолева Е.О. Трансформация социальной политики в России в контексте старения населения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 5. С. 124–140.

Григорьева И., Богданова Е. Концепция активного старения в Европе и России перед лицом пандемии COVID-19 // Laboratorium: журнал социальных исследований. 2020. № 2. С. 187–211. DOI: 10.25285/2078-1938-2020-12-2-187-211

Доброхлеб В.Г. Демографическое старение в России и новая социальная реальность // Народонаселение. 2022. Т. 25. № 2. С. 66–76.

Доброхлеб В.Г. Занятость пожилых людей в России: причины и последствия // Миграция и социально-экономическое развитие. 2017. Т. 2. № 2. С. 79–90.

Доброхлеб В.Г. Ресурсный потенциал пожилого населения России // Социологические исследования. 2008. № 8. С. 55–61.

Доброхлеб В.Г. Современная пандемия и риск роста социальной изоляции пожилых людей // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. 2020. № 3. С. 166–173. DOI: 10.26653/2076-4650-2020-3-15

Колязина Л.В. Практики заботы о пожилых гражданах в современной России // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2020. № 3 (55). С. 40–49. DOI 10.21685/2072-3016-2020-3-4

Мозговая А.В. Идентификация, оценка и адаптация к риску в условиях неопределенности // Социологическая наука и социальная практика. 2019. Т. 7. № 4 (28). С. 151–165. DOI: 10.19181/snsp.2019.7.4.6808

Ноянзина О.Е., Максимова С.Г. Интегрированная старость: социальная политика в условиях угроз демографической безопасности // Society and Security Insights. 2018. Т. 1. № 1. С. 99–119.

Романычев И.С. Ресурсный подход в социальной работе: к вопросу о социологическом осмыслении // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2012. № 3. С. 82–85.

Сертов В.Ю. Создание гериатрической службы в России: опыт Санкт-Петербурга // Вестник Росздравнадзора. 2016. № 4. С. 36–42.

Смолева Е.О. Критерии и ресурсы социальной адаптации населения России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 2. С. 179–195. DOI: 10.15838/esc.2019.2.62.11

Соболева Е.В. Активное долголетие как способ преодоления возрастного социального неравенства // Социальное неравенство современности: новая реальность научного осмысления. М., 2018. С. 176–180.

Тихонова Н.Е. Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях // Экономическая социология. 2006. Т. 7. № 3. С. 28–41.

Ткачева О.Н. Перспективы развития гериатрической службы в Российской Федерации // Справочник поликлинического врача. 2017. № 5.

Щанина Е.В. Факторы социальной активности старшего поколения // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2009. № 2. С. 57–67.

REFERENCES

- Atzendorf J., Gruber S.* Depression and loneliness of older adults in Europe and Israel after the first wave of covid-19 // *European Journal of Ageing*. 2022. Vol. 19. N 4. P. 849–861.
- Batty M.* The Coronavirus crisis: what will the post-pandemic city look like? // *Environment and Planning B: Urban Analytics and City Science*. 2020. Vol. 47. N 4. P. 547–552. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/2399808320926912>
- Bogdanova E.A.* Trudovye otnosheniya s uchastiem pensionerov: zabota ili manipulyaciya? [Labor relations involving pensioners: care or manipulation?] // *Zhurnal issledovanij social'noj politiki*. 2016. N 4. P. 535–550 (in Russian).
- Crimmins E.M.* Age-related vulnerability to coronavirus disease 2019 (COVID-19): biological, contextual, and policy-related factors // *Public Policy & Aging Report*. 2020. Vol. 30. N 4. P. 142–146.
- Dobrohleb V.G.* Demograficheskoe starenie v Rossii i novaya social'naya real'nost' [Demographic aging in Russia and the new social reality] // *Narodonaselenie*. 2022. N 2 (25). P. 66–76 (in Russian).
- Dobrohleb V.G.* Resursnyj potencial pozhilogo naseleniya Rossii [Resource potential of the older population of Russia] // *Sociologicheskie issledovaniya*. 2008. N 8. P. 55–61 (in Russian).
- Dobrohleb V.G.* Sovremennaya pandemiya i risk rosta social'noj izoljatsii pozhilyh lyudej [The modern pandemic and the risk of increasing social isolation of the older] // *Nauchnoe obozrenie. Seriya 1: Ekonomika i pravo*. 2020. N 3. P. 166–173 DOI: 10.26653/2076-4650-2020-3-15 (in Russian).
- Dobrohleb V.G.* Zanyatost' pozhilyh lyudej v Rossii: prichiny i posledstviya [Employment of elderly people in Russia: causes and consequences] // *Migraciya i social'no-ekonomicheskoe razvitie*. 2017. N 2 (2). P. 79–90 (in Russian).
- Galkin K.A.* Social'naya politika aktivnogo dolgoletiya v Rossii i gosudarstvah vseobshchego blagosostoyaniya Evropy: opyt sravnitel'nogo analiza [The social policy of active longevity in Russia and the Welfare States of Europe: the experience of comparative analysis] // *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz*. 2022. N 2 (15). P. 239–252. DOI: 10.15838/esc.2022.2.80.15 (in Russian).
- Galkin K.A.* Cifrovizaciya volonterstva pozhilyh lyudej v period pandemii: vozmozhnosti i bar'ery v kontekste iskusstvennogo intellekta [Digitalization of volunteering of elderly people during the pandemic: opportunities and barriers in the context of artificial intelligence] // *The Journal of Social Policy Studies*. 2022. N 3 (20). P. 377–392. DOI: 10.17323/727-0634-2022-20-3-377-392 (in Russian).
- Grigor'eva I.A., Uhanova Yu.V., Smoleva E.O.* Transformaciya social'noj politiki v Rossii v kontekste stareniya naseleniya [Transformation of social policy in Russia in the context of population aging] // *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz*. 2019. N 5 (12). P. 124–140 (in Russian).
- Grigor'eva I., Bogdanova E.* Konceptciya aktivnogo stareniya v Evrope i Rossii pered licom pandemii COVID-19 [The concept of active aging in Europe and Russia in the face of the COVID-19 pandemic] // *Laboratorium: zhurnal social'nyh issledovanij*. 2020. N 2. P. 187–211. DOI: 10.25285/2078-1938-2020-12-2-187-211 (in Russian).
- Kolyazina L.V.* Praktiki zaboty o pozhilyh grazhdanah v sovremennoj Rossii [Practices of caring for senior citizens in modern Russia] // *Izvestiya vysshih*

- uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Obshchestvennye nauki. 2020. N 3 (55). P. 40–49. DOI 10.21685/2072-3016-2020-3-4 (in Russian).
- Mendes F.R.* Active ageing: a right or a duty? // *Health Sociology Review*. 2013. Vol. 22. N 2. P. 174–185.
- Mozgovaya A.V.* Identifikaciya, ocenka i adaptaciya k risku v usloviyah neopredelyonnosti [Identification, assessment and adaptation to risk in conditions of uncertainty] // *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika*. 2019. N 4 (28). P. 151–165. DOI: 10.19181/snsp.2019.7.4.6808 (in Russian).
- Noyanzina O.E., Maksimova S.G.* Integrirovannaya starost': social'naya politika v usloviyah ugroz demograficheskoy bezopasnosti [Integrated old age: social policy in the context of threats to demographic security] // *Society and Security Insights*. 2018. N 1 (1). P. 99–119 (in Russian).
- Palmer K. et al.* The potential long-term impact of the COVID-19 outbreak on patients with non-communicable diseases in Europe: consequences for healthy ageing // *Aging Clinical and Experimental Research*. 2020. Vol. 32. N 7. P. 1189–1194.
- Petretto D.R., Pili R.* Ageing and COVID-19: what is the role for elderly people? // *Geriatrics*. 2020. Vol. 5. N 2. P. 25. URL: <https://doi.org/10.3390/geriatrics5020025>
- Romanychev I.S.* Resursnyj podhod v social'noj rabote: k voprosu o sociologicheskoy osmyslenii [Resource approach in social work: on the issue of sociological understanding] // *Obshchestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana)*. 2012. N 3. P. 82–85 (in Russian).
- Serpov V.Yu.* Sozdanie geriatricheskoy sluzhby v Rossii: opyt Sankt-Peterburga [Creation of a geriatric service in Russia: the experience of St. Petersburg] // *Vestnik Roszdravnadzora*. 2016. N 4. P. 36–42 (in Russian).
- Shchanina E.V.* Faktory social'noj aktivnosti starshego pokoleniya [Factors of social activity of the older generation] // *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Obshchestvennye nauki*. 2009. N 2. P. 57–67 (in Russian).
- Smoleva E.O.* Kriterii i resursy social'noj adaptatsii naseleniya Rossii [Criteria and resources of social adaptation of the Russian population] // *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz*. 2019. N 2 (12). P. 179–195. DOI: 10.15838/esc.2019.2.62.11 (in Russian).
- Soboleva E.V.* Aktivnoe dolgoletie kak sposob preodoleniya vozrastnogo social'nogo neravenstva [Active ageing as a way to overcome age-related social inequality] // *Social'noe neravenstvo sovremennosti: novaya real'nost' nauchnogo osmysleniya*. 2018. P. 176–180 (in Russian).
- Terziev V.* Conceptual framework of social adaptation // *IJASOS-International E-Journal of Advances in Social Sciences*. 2019. Vol. 5. N 13.
- Tihonova N.E.* Resursnyj podhod kak novaya teoreticheskaya paradigma v stratifikatsionnyh issledovaniyah [Resource approach as a new theoretical paradigm in stratification studies] // *Ekonomicheskaya sociologiya*. 2006. N 3 (7). P. 28–41 (in Russian).
- Tkacheva O.N.* Perspektivy razvitiya geriatricheskoy sluzhby v Rossijskoj Federacii [Prospects for the development of geriatric services in the Russian Federation] // *Spravochnik poliklinicheskogo vracha*. 2017. N 5 (in Russian).
- Umanailo M.C.B.* Structure of social change in industrial society // *Proceedings of the International Conference on Industrial Engineering and Operations Management Riyadh*. N.Y., 2019. P. 668–672.

Walker A. Population ageing from a global and theoretical perspective: European lessons on active ageing // *Age-friendly cities and communities in international comparison*. Cham, 2016. P. 47–64.

Walker A., Foster L. Active ageing: rhetoric, theory and practice // *The Making of Ageing Policy*. N.Y., 2013. P. 27–52.

Wolff J. et al. Social capital, individual responses to heat waves and climate change adaptation: an empirical study of two UK cities // *Global Environmental Change*. 2010. Vol. 20. N 1. P. 44–52. URL: <https://doi.org/10.1016/j.gloenvcha.2009.09.004>

Zinn J.O. Introduction: towards a sociology of pandemics // *Current Sociology*. 2021. Vol. 69. N 4. P. 435–452. URL: <https://doi.org/10.1177/00113921211020771>

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

DOI: 10.24290/1029-3736-2023-29-3-88-112

ИМПЕРСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ КАК ОСНОВА УСПЕШНОГО НАЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ*

С.О. Елишев, докт. социол. наук, доц., проф. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234**

Настоящая статья посвящена исследованию имперской государственности как традиционной для России и русского народа формы государственности. Автор статьи отмечает, что в сознании большинства россиян и жителей Земли, термин “империя” имеет ярко выраженный отрицательный оттенок, что является следствием господствующих в науке и массовом сознании, благодаря деятельности средств массовой информации и пропаганды, определенных мифов об империи и идеологических установок.

Имперские государства обычно отождествляются либо с большой по своим территориальным владениям державой, либо с особым типом государственных образований, стремящихся к постоянной территориальной экспансии, вкупе с нещадной эксплуатацией “порабощенных” народов, т.е. с державами колониальными, часто для поднятия своего статуса именующими сами себя “империями”.

Между тем подобного рода представления не имеют ничего общего с реальностью. Классические империи являют собой особые типы государственных образований, в которых преобладает идея единства общества во имя всеобщего блага. Здесь мирно сосуществуют различные по культуре и обычаям этносы, уживающиеся под патронатом и надзором стержневого имперского этноса, сохраняя при этом свой традиционный образ жизни, экономические структуры, систему местного самоуправления и часто — государственность.

Исследование феномена империи очень важно в настоящее время в свете определения перспектив и вектора дальнейшего развития Русского мира, российского общества и государственности. Ибо, как показывает история, судьба империи неотделима от судьбы стержневого имперского этноса, т.е. русского народа. И в этом смысле империя не только традиция, но и судьба России.

Ключевые слова: империя, имперский стержневой этнос, имперская аристократия, традиционное общество, “химера”, национальное государство, колониальная держава, протоимперия, имперская идея, имперская национальная политика, взаимоотношения метрополии и провинций, византизм.

* Окончание. Начало см. в № 2 за 2023 г.

** Елишев Сергей Олегович, e-mail: elishev@list.ru

IMPERIAL STATEHOOD AS THE BASIS FOR SUCCESSFUL NATIONAL DEVELOPMENT OF RUSSIA (Ending)

Elishev Sergey O., Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor at the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: elishev@list.ru

This article is devoted to the study of imperial statehood as a traditional form of statehood for Russia and the Russian people. The author of the article notes that in the minds of most "Russians" and residents of the Earth, the term "empire" is perceived with a pronounced negative connotation, which is a consequence of the dominant in science and mass consciousness, thanks to the activities of the media and propaganda, certain myths about empire and ideological attitudes.

Imperial states are usually identified either with a large power in their territorial possessions, or with a special type of state entities seeking constant territorial expansion, coupled with the merciless exploitation of "enslaved" peoples, i.e. with colonial powers, often to raise their status calling themselves "empires".

Meanwhile, such ideas have nothing to do with reality. Classical empires are a special type of state entity dominated by the idea of unity of society in the name of the common good. Different ethnic groups coexist peacefully in culture and customs, coexisting under the patronage and supervision of the core imperial ethnic group, while maintaining their traditional way of life, economic structures, the system of local self-government and often statehood.

The study of the phenomenon of "empire" is very important at present in the light of determining the prospects and vector for the further development of the Russian world, Russian society and statehood. For, as history shows, the fate of the empire is inseparable from the fate of the core imperial ethnic group, i.e. the Russian people. And in this sense, the empire is not only a tradition, but also the fate of Russia.

Key words: *empire, imperial frame ethnos, imperial aristocracy, traditional society, "chimera", national state, colonial power, protoimperia, imperial idea, imperial national policy, relationship of the mother country and provinces, byzantism.*

Имперская идеология и перспективы восстановления имперской государственности в современной России

Перед тем, как обратиться к анализу особенностей осмысления имперской проблематики в российской консервативной социально-политической мысли имперского периода российской истории, следует подчеркнуть, что российское государство по ходу своего развития побывало в трех из четырех рассмотренных нами форм и типов государств, в которых особым образом выстраивалась и реализовывалась внутренняя межнациональная политика. В период своего становления (до фактического создания Иваном III единого централизованного русского православного имперского государства — Святурского Царства (нашедшего свое отображение в формуле "Москва — III Рим")) оно представляло собой типичное

“традиционное общество” (“традиционное государство”), фактически — протоимперию.

С момента обретения всей полноты суверенитета, образования сильного, единого централизованного государства (с 1497 г. великий князь московский Иван III стал именоваться “самодержцем всея Руси”) официально начинает оформляться и имперская идея. Идея об особой миссии Московского государства как восприемника Римской (Византийской) империи, защитника вселенского Православия: по имперской форме государства, имперской идее и самодержавной форме правления, по религии — православному христианству, по праву — развитию особой национальной системы права.

Как отмечает американская исследовательница Джудит Кальб, доктрина Третьего Рима, имеющая однозначно мессианский характер и именно в этом контексте и воспринимаемая современниками, «возникла в период роста значимости Москвы: в 1472 году Иван III женился на Софье Палеолог, племяннице последнего византийского императора, и принял титул “царь” — слово, происходящее от латинского слова “кесарь”, а также добавил двухглавого византийского орла к символам, олицетворяющим российскую монархию»¹. Именно поэтому Иван III отказался принять привезенную ему с Запада королевскую корону и королевский титул, который был бы ниже титула императора западноевропейской протоимперии — Священной Римской “империи”. Монах Псково-Елизаровского монастыря Филофей в своих посланиях к царю Василию III и другим государственным мужам говорит о Москве, как о “Третьем Риме”, центре восточнохристианского мира и православной империи, защитнице православных народов (“Два Рима падоша, третий стоит, а четвертому не быти”).

Начиная с эпохи Ивана III и до 1917 г. российская держава существовала как классическое *имперское* государство. При этом надо четко отдавать себе отчет в том, что “мысль об Империи существовала на Руси гораздо раньше, чем Петр усвоил себе титул Императора, и именно о восточной и православной, а не славянской Империи, ибо в XVI и XVII веках на первом плане стояло не национальное, а религиозное сродство; русские люди царского периода нашей истории видели в греке или в валахе столь же близкого себе человека, как в сербе или в болгарине, на паписта же поляка смотрели как на человека совершенно чуждого, не придавая никакого значения его

¹ Кальб Дж. Третий Рим: имперские видения, мессианские грезы, 1890–1940. Бостон; СПб., 2022. С. 33–34.

принадлежности к славянству”². И, соответственно, понятия “царь”, “василевск”, “император”, “Caesar” воспринимались нашими предками в эпоху Петра I как синонимы, т.е. “в 1721 году Петр I заменил православный русский титул на западный того же достоинства”³.

С 1917 по 1991 гг. — Российское государство существовало в искаженной *химероидной*, принципиально антиимперской, с точки зрения коммунистической идеологии, форме. В этом контексте особенно забавны попытки представителей современного российского социалистического лагеря, а также определенной части консервативного лагеря, именовать СССР — имперским государством, “Советской империей”, “четвертой империей” (за подобного рода потугами очевидно стоят не только личные амбиции и интересы таких деятелей, но прежде всего интересы их спонсоров, стремящихся не допустить возрождения на пространствах исторической России традиционной для России формы государственности, увести всех в сторону: если не западная “демократия”, тогда будет Вам СССР 2.0, третьего не дано: “две дороги — к одному обрыву” (в терминологии И.Р. Шафаревича⁴).

СССР был большой по своей территории державой, сверхдержавой, возникшей на руинах и территориях Российской империи и активно использующей ее наследие, но он не был имперским государственным образованием. Когда кто-либо утверждает, что СССР являлся империей, покойные коммунистические лидеры и идеологи, образно выражаясь, по-видимому, от таких фраз должны начинать крутиться в гробу.

Советский период в истории развития российской государственности, на наш взгляд, вполне сопоставим с периодом византийской истории после взятия Константинополя крестоносцами и до их изгнания из него — с 1204 по 1261 гг., т.е. периодом кризиса государственности.

В постсоветский период развития российской государственности, начиная с конца 1991 г., можно было наблюдать, как из Российской Федерации (одного из государственных образований, возникших на территории Исторической России⁵ и постсоветского

² Черняев Н.И. Мистика, идеалы и природа Русского Самодержавия. М., 1998. С. 58.

³ Махнач В.Л. Империи в мировой истории // Махнач В.Л. Очерки православной традиции. М., 2000. С. 162.

⁴ См.: Шафаревич И.Р. Две дороги — к одному обрыву // Шафаревич И.Р. Собр. соч.: В 3 т. Т. 1. М., 1994.

⁵ Историческая Россия — страна в границах, близких к границам Российской Империи перед началом Первой мировой войны, Советского Союза в начале Второй мировой войны. Исторически Россия в собственном смысле слова включает в

пространства) активно стали предприниматься и до настоящего времени предпринимаются попытки создать *национальное государство* по западноевропейскому образцу, что очень опасно и может привести к созданию очередной химеры или крайне неблагоприятным последствиям.

Весьма специфическим обстоятельством в этом ключе является то, что Конституцию Российской Федерации авторы ее текста писали, имея перед собой в качестве образцов “цивилизованного” и “правового государства” конституции стран западного мира, а потому она несет на себе печать существенных особенностей, присущих западным национальным государствам. В преамбуле Конституции Российской Федерации 1993 г. сказано: “Мы, многонациональный народ Российской Федерации”. Однако с точки зрения здравого смысла, это есть “химера” в терминологии Л.Н. Гумилева. Граждане РФ должны всецело противодействовать попыткам различных политических сил (как либералов-западников, так и ярых нацистов с их лозунгом “Россия — для русских!”) воплотить в жизнь в РФ концепцию “nation state”, сконструировав, например, новую нацию — “россиян” (в западном понимании этого термина) или насильно заставить всех признать себя “русскими”.

Попытки сконструировать концепцию “национального государства” для России неправомерны хотя бы потому, что примерно 30% населения РФ (по данным переписи 1989 г.) нерусские, и они, скорее всего, не согласятся на утрату собственного этнического самосознания, но еще способны связывать свою судьбу с судьбой России, в которой русские признаны стержневым этносом, создающим и формирующим империю.

Имевшие место в недавнем прошлом лоббирование принятия закона о “российской нации”, дискуссии на тему “российской нации”, которая ни в коей степени не отождествляется сторонниками концепта “российской нации” с русской нацией, актуализировали проблему обретения национальной идентичности граждан Российской Федерации, а также выбора оптимальной модели реализации внутренней межнациональной политики, среди существующих моделей, характерных для определенных форм и типов государственных образований. Иными словами, вопрос стоит о том, как будет

себя Великороссию, Малороссию, Белоруссию, Новороссию, Латгалию, большую часть Казахстана с частью Русского Туркестана, области расселения казаков на Кавказе (Терская, Гребенская, Кубанская), Приднестровье, территорию расселения русинов и гуцулов, выходя за пределы искусственно начертанных границ в 1991 г. Российской Федерации. В противовес этому понятию этнокультурные противники русских именуют “Россией” исключительно бывшую РСФСР.

развиваться Российская Федерация. Какую из четырех возможных форм и типов государственных образований (традиционное общество, империя, химера или национальное государство) обретет Российское государство в ближайший период?

Понятно, что глупо было бы говорить о возвращении к “традиционному обществу” (“традиционному государству”). О псевдоимперии и химере в рамках проекта СССР 2.0 говорить также не приходится: несмотря на активное продвижение данного “проекта” рядом влиятельных сил, очевидно, что это очередная дорога в тупик или к пропасти, в которую хотят низвергнуть Россию враги нашего государства или эгоистичные, недальновидные люди. Россия не выдержит очередного коммунистического эксперимента.

Таким образом, остаются только два варианта: традиционная для России имперская форма государственности или “национальное государство” (“nation state”) по западному образцу.

Однако выбор одного из этих вариантов развития российской государственности будет обусловлен, на наш взгляд, перспективой разрешения одной из важных стратегических задач, стоящих перед современным российским обществом и государством — восстановлением целостности Исторической России, т.е. России как страны в масштабах единого государства.

В этом контексте не лишне будет напомнить, что инспирированный в значительной степени извне “развал” СССР в результате успешной реализации Плана А. Даллеса⁶ и предательства высшего руководства государства привел к расчленению в угоду Западу территории Исторической России на 15 искусственно созданных государственных образований по условно и произвольно очерченным административно-территориальным границам субъектов в составе СССР. Фактически это был преступный акт произвола со стороны группы высокопоставленных чиновников, сопоставимый с действиями “семибоярщины” в эпоху Смуты. Для российского народа “крушение Советского Союза было крупнейшей геополитической катастрофой века”⁷, — справедливо подчеркнул наш национальный лидер В.В. Путин еще в 2005 г. в своем послании к Федеральному Собранию Российской Федерации.

⁶ План А. Даллеса — план уничтожения Советского Союза изнутри через подрывную пропаганду и приход к власти либерально-демократической прозападной “пятой колонны”. Был осуществлен на практике в ходе холодной войны и перестройки.

⁷ Путин В.В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации от 25.04.2005 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22931> (дата обращения: 20.11.2016).

В результате данной геополитической катастрофы Историческая Россия, как страна, оказалась разделенной между несколькими государствами. В настоящее время территории компактного проживания русских отнюдь не ограничиваются территорией Российской Федерации. Российская Федерация является всего лишь одним из ряда государственных образований, возникших на территории нашей страны после расчленения СССР. У русской нации нет своего собственного полноценного государства, а русский народ оказался в положении фактически “разделенной”, расчлененной нации. Как справедливо подчеркнул в своей знаменитой “крымской речи” В.В. Путин, описывая данную ситуацию: “Миллионы русских легли спать в одной стране, а проснулись за границей, в одночасье оказались национальными меньшинствами в бывших союзных республиках, а русский народ стал одним из самых больших, если не сказать, самым большим разделенным народом в мире”⁸.

Во всех этих 15 государственных образованиях на постсоветском пространстве (начавших слепо копировать западноевропейский путь построения “национальных государств” (“nation state”) с целью недопущения развития интеграционных процессов между ними и дальнейшего их дробления) политические и экономические системы были взяты под жесткий контроль англосаксонской элитой, поставившей следить за управлением этими территориями свою колониальную администрацию из бывших партократов, бюрократов и компрадорской⁹ буржуазии, реализующих в этих государственных образованиях принцип-установку “запрета в развитии”.

На протяжении 90-х гг. XX в. Российская Федерация, как один из государственных осколков Исторической России, конечно же, не обладала всей полнотой государственного суверенитета, находясь фактически под внешним управлением “Вашингтона”. Более того, несмотря на практически полный контроль над политической и экономической ситуацией в России, англосаксонские элиты планировали дать старт началу очередного “парада суверенитетов” по расчленению уже самой Российской Федерации.

Однако с приходом к власти нашего национального лидера и главы государства В.В. Путина ситуация в Российской Федерации

⁸ Путин В.В. Обращение Президента Российской Федерации от 18.03.2014 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/20603>. (дата обращения: 20.11.2016).

⁹ Компрадоры (*comprador*, исп. — “покупатель”) — представители правящих слоев, по своему экономическому положению заинтересованные в превращении доставшейся им данной страны в неразвивающуюся; посредники в эксплуатации страны внешними силами, в первую очередь “золотым миллиардом”.

начала меняться в лучшую сторону. В.В. Путин несмотря на значительное противодействие взял курс на обретение Россией всей полноты государственного суверенитета, установления системы многополярного мироустройства, развития интеграционных процессов на постсоветском пространстве, а с 2014 г. положил начало процессу воссоздания целостности Исторической России в масштабах одного государства.

В обозначенном контексте разрешения этой важной стратегической задачи, стоящей перед современным российским государством — задачи восстановления территориальной целостности Исторической России в масштабах единого государства, построение “национального государства” (“nation state”) с мифической нацией “россиян” или насильственной ненужной русификацией всех народов и народностей, связавших свою судьбу с Россией и проживающих на территории Российской Федерации, представляется не только абсурдным, но и вредным, губительным шагом, который может быть на руку только нашим геополитическим недругам и “пятой колонне” внутри России. Сторонники создания искусственной, химероидной нации “россиян” или “русские” нацисты, часть из которых воюет против наших солдат в составе украинских карательных военных формирований в Новороссии, абсолютно не заинтересованы в успешном решении задачи восстановления территориальной целостности Исторической России в масштабах единого государства. Бездумное копирование и привнесение без учета специфики российских реалий и задач, стоящих перед современным российским обществом и государством, модели “национального государства” (“nation state”) не только станет фактором успешного сдерживания развития России, но приведет к очередной масштабной геополитической катастрофе, лимит на которые был исчерпан в XXI в.

Таким образом, единственной возможной формой дальнейшего развития российской государственности, при которой в полной мере может быть решена задача восстановления территориальной целостности Исторической России в масштабах единого государства, является традиционная для России и русского народа имперская форма государственности. При этом, учитывая специфику восприятия понятия “империя” в массовом сознании, начавшая возрождаться на наших глазах имперская форма государственности пока не обязательно должна именоваться таковой. Можно продолжать именоваться Российской Федерацией, но фактически стать империей. Главное “Быть, а не казаться!” Понятно также и то, что границы и сами субъекты Российской Федерации в дальнейшем

могут претерпеть определенные изменения. Российская Федерация может вобрать в себя новые территории или пребывать в союзнических отношениях с каким-либо русским государством на постсоветском пространстве.

При этом следует понимать, что запущенному процессу восстановления территориальной целостности Исторической России необходимо соответствующее идеологическое и научное обоснование. Иными словами, речь идет о разработке полноценной стратегии национального развития России, подразумевающей модернизацию официальной имперской идеологии Российской империи применительно к современным условиям, с учетом ошибок, совершенных в прошлом. Надо четко аргументировать неизбежность воссоздания целостности Исторической России, Полибиевой схемы власти, неприятие революционного пути развития, противодействие и сдерживание мирового зла в лице “мировой закулисы” и продвигаемого ею глобалистского проекта, который, как и древний Карфаген, обязательно должен быть разрушен. Ну и, конечно же, необходимо изучение богатого наследия классиков русской социально-политической мысли, воззрения которых будут крайне актуальными в решении данных задач.

Надо многократно и в доступной для людей форме объяснять нашим согражданам, что вся истории России и русского народа неразрывно связана с понятием империи и стремлением к построению сильной державы.

Идея созидания сильной имперской государственности составляла основу официальной имперской национальной государственной идеологии охранительного характера, разработанной в период царствования императора Николая I, и была направлена на преодоление нестроений внутри российской элиты, образованных слоев и всего российского общества. Стержнем данной идеологии стала знаменитая “уваровская триада” — “Православие. Самодержавие. Народность” (“теория официальной народности”), — которую сформулировал министр народного просвещения Российской империи граф **Сергей Семенович Уваров** в своей докладной записке от 19 ноября 1833 г. государю императору Николаю I (“О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством Народного Просвещения”).

В своем докладе С.С. Уваров, размышляя о тех основах, началах, которые обеспечивают успешное развитие того или иного общества и государства, а также образуют каркас любой государственной системы, выделил три “великих государственных начала”, составляющих ее высшую ценность и достояние.

Во-первых, это традиционная для того или иного общества национальная религиозная система, религия (в различных странах Запада таковыми были соответственно католицизм и протестантизм, в России — православие). Как писал С.С. Уваров: “Без любви к Вере предков народ, как и частный человек, должны погибнуть; ослабить в них Веру — то же самое, что лишать их крови и вырвать сердце. Это было бы готовить им низшую степень в моральном и политическом предназначении. Это была бы измена в пространном смысле”¹⁰.

Во-вторых, это традиционная для того или иного государства форма правления и политическая система (в странах Запада это были абсолютные и конституционные монархии различные формы республики, в России — самодержавная монархия, как разновидность монархической формы правления, свойственной православным империям (Византии и России)). “Самодержавие, — подчеркивал С.С. Уваров, — представляет главное условие политического существования России в настоящем ее виде <...> Русский Колосс упирается на самодержавии, как на краеугольном камне”¹¹.

В-третьих, это традиционные для того или иного общества ценности, принципы воспитания подрастающих поколений и устойчивости жизнедеятельности, составляющие неповторимое духовное и нравственное своеобразие, историческую миссию, народное самосознание, мировоззрение нации, находящие свое отображение в понятии народности. В этом контексте характерными чертами данного “начала” для русского народа стали соборность, общинность и коллективизм, в то время как для западных народов — ярко выраженный индивидуализм.

В единстве этих начал и взаимном дополнении, связке их друг с другом, и состоит основное условие благополучного развития того или иного общества и, в частности, России. Анализируя процессы, происходящие в странах Запада и России, С.С. Уваров отмечал, что “Посреди всеобщего падения религиозных и гражданских учреждений в Европе, не взирая на повсеместное распространение разрушительных начал, Россия к счастью сохранила доселе теплую веру к некоторым религиозным, моральным, и политическим понятиям, ей исключительно принадлежащим. В сих понятиях, в сих священных остатках ее народности, находится и весь залог будущего ее жребия”¹².

Уваровская формула-триада — “Православие. Самодержавие. Народность” — стала своеобразным стержнем имперской нацио-

¹⁰ Уваров С.С. Государственные основы. М., 2014. С. 104.

¹¹ Там же. С. 104–105.

¹² Там же. С. 104–103.

нальной идеологии, призванной консолидировать нацию, преодолеть раскол и нестроения внутри общества между значимой частью элиты и народом, восстановить “в русском сознании тот духовный смысл, который закладывался в существование Российского царства”¹³ в допетровской России и был утерян в XVIII в., а также определить вектор стратегии дальнейшего национального развития России, связав “настоящее и будущее России с ее духовно-историческими корнями”¹⁴.

При этом, как справедливо отмечает историк С.В. Перевезенцев, уваровская формула-триада “одухотворила саму идею Российской империи, придала Российской империи великий духовный смысл”¹⁵, воплощенный в основной задаче “ее земного исторического бытия” — “удерживающей силе”, т.е. способности “удержать мир от падения в объятия антихриста, символами которого считались распространяющийся материализм в философии, секуляризм в отношении к религии, республиканизм и социализм в социально-политической сфере и революционизм в методах политического действия”¹⁶.

В этом контексте особый характер восприятия российской имперской государственности, ее миссию и задачу, чуть позже, в 1848 г., хорошо очертил Федор Иванович Тютчев в своей статье “Россия и революция”. В частности, он писал: “Уже давно в Европе существуют только две действительные силы: Революция и Россия. Эти две силы сегодня стоят друг против друга, а завтра, быть может, схватятся между собой. Между ними невозможны никакие соглашения и договоры. Жизнь одной из них означает смерть другой. От исхода борьбы между ними, величайшей борьбы, когда-либо виденной миром, зависит на века вся политическая и религиозная будущность человечества”¹⁷. “Россия — христианская держава, а русский народ является христианским не только вследствие православия своих верований, но и благодаря чему-то еще более задушевному. Он является таковым благодаря той способности к самоотречению и самопожертвованию, которая составляет как бы основу его нравственной природы. Революция же прежде всего — враг христианства. Антихристианский дух есть душа Революции, ее сущностное, отличительное свойство”¹⁸.

¹³ Перевезенцев С.В. Святорусское царство. История русской святости. М., 2018. С. 297.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Тютчев Ф.И. Россия и революция // Тютчев Ф.И. Юбилейное издание: В 3 т. Т. 2. М., 2013. С. 43.

¹⁸ Там же. С. 44.

Подобного рода установка на важную национальную миссию и задачу имперского государства, на обыденном уровне вполне естественно получила свое воплощение и во всем известном девизе, императиве поведения, устремлений, служения русского народа и человека — “За Веру, Царя и Отечество!”. Она же одновременно явилась и своеобразным ответом на девиз Великой Французской революции “Свобода, равенство братство!” и секулярную идеологию эпохи Просвещения.

Особая роль в осмыслении имперской проблематики принадлежит и представителям русского славянофильского и консервативного направлений социально-политической мысли.

На взгляд представителей славянофильства по религиозной, ценностной, культурной и политической системам, образующим своеобразный каркас, основу этого мира, Россия являлась правопреемницей православной Византийской империи и исторической миссии державообразующего имперского народа, состоящей в сохранении истинной православной веры, ценностей и культуры, защиты православных народов и удержания мира от скатывания к злу. Как писал А.С. Хомяков: “Мы принимали от умиравшей Греции святое наследие, символ искупления и учились слову; мы отстаивали его от нашествия Корана и не отдали во власть папы; сохраняли непорочную голубицу, перелетевшую из Византии на берега Днепра и припавшую на грудь Владимира”¹⁹.

Русские консервативные мыслители, как и славянофилы, считали, что Россия имеет свой собственный, своеобразный, неповторимый облик и путь развития, в сохранении которого они усматривали дальнейший залог благополучия и процветания России. В их представлениях Россия воспринималась как центр восточно-христианской (православной) культуры и цивилизации, а также империя-правопреемница православной Византии, в функцию которой входила защита Православия, Православной церкви и веры, православных народов, ценностей и культуры христианства, “удерживание” мира от скатывания к злу с последующим приходом и наступлением власти антихриста.

В этом контексте исторической миссией русского народа, державообразующего имперского народа, являлось не только сохранение своего национального своеобразия, неповторимого облика, пути развития и жизненного уклада, но, прежде всего, сохранение истинной православной веры, а также несение тяжкого, но почетного бремени созидания империи — Третьего Рима и Нового Изра-

¹⁹ Хомяков А.С. Несколько слов о философическом письме // Хомяков А.С. Сочинения: В 2 т. Т. 1 Работы по историософии. М., 1994. С. 454.

иля. Именно следование данному своему предназначению и делало русский народ, по мнению русских консерваторов, народом богоизбранным²⁰ и народом-“богоносцем” в терминологии Ф.М. Достоевского²¹ и, в свою очередь, вызывало ненависть со стороны представителей антисистемы из социалистического и радикального либерального лагеря, а также критику со стороны других последователей “западничества”.

При этом воззрения русских консерваторов в определенной степени перекликались, но не в полной мере дублировали официальную имперскую идеологию. Русские консервативные мыслители достаточно критично относились к наблюдаемым ими российским реалиям и формулировали предложения как по коррекции формулировок или модернизации содержания официальной имперской идеологии и политики, так и по разработке на базе прежней имперской идеологии новой стратегии национального развития, получившей с легкой руки Ф.М. Достоевского, собирательное наименование “Русской идеи”.

Дискуссия по поводу национальной идеи России, Русской идеи, стала одной из центральных в русском социально-политическом и религиозном дискурсе того времени, и прежде всего в консервативном лагере. Но несмотря на разницу в понимании формулировки и сущности Русской идеи, имевшую место между консервативными мыслителями, Россия, по мнению консерваторов, имела свой собственный полностью противоположный путь и цель развития, нежели секулярная западно-европейская культура, поэтапно отходящая в своем развитии от основ христианского мировосприятия и жизнедеятельности и настроенная в целом весьма агрессивно по отношению к России и Православию. Сохранение своей цивилизационной, духовной и культурной идентичности, соборности, общинности и коллективизма в противовес секуляризму, материализму, безбожию, крайнему индивидуализму западноевропейцев, — вот одна из самых важных стратегических задач, стоящих, по мнению этих мыслителей, перед Россией. Решить эту задачу можно было, всемерно поддерживая Православие, Православную Церковь, традиционные устои жизнедеятельности русского общества и государства, консолидируя все здоровые силы общества, добиваясь обретения внутреннего национального единства, преодолевая духовный кризис и раскол внутри российского общества между народом и частью его элиты.

²⁰ См., подробнее: Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 480.

²¹ См., подробнее: Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 10. Бесы. Л., 1974. С. 196.

Вот что справедливо, на наш взгляд, писал М.Н. Катков о роли Православной Церкви в истории России и русского народа: "...в России есть национальная Церковь. Русской следует называть нашу Церковь не потому, что она пользуется государственной привилегией, а потому, что она присутствовала при начале нашего исторического бытия, при рождении нашего государства. Как только можем мы запомнить себя, она уже светилась в нашей тьме и сопутствовала нам во всех превратностях исторической жизни. Она поддерживала и спасала нас; она проникала во все изгибы нашего существования и на все положила свое знамение. Все наши воспоминания связаны с ней, вся наша история исполнена ею"²². Констатируя тот факт, что "национальная Церковь в России есть Церковь Православная, и никакая иная не может быть русским национальным учреждением"²³, М.Н. Катков в то же время отмечал, что "из этого отнюдь не следует, чтобы люди, исповедующие веру, не признаваемую в качестве русской национальной, не могли быть русскими. Национальность в христианском мире есть дело светское и определяется не религией, а государством"²⁴.

Союз Православной Церкви и государства является залогом успешного развития Российской империи, придает смысл ее существованию, легитимизирует самодержавную власть и правителя. М.Н. Катков подчеркивал следующее: "Всякая власть от Бога, учит наша Церковь. Но Русскому Царю дано особое значение, отличающее его от других властителей мира. Он не только государь своей страны и вождь своего народа — он Богом поставленный блюститель и хранитель Православной Церкви, которая не знает над собой земного наместника Христа и отреклась от всякого действия, кроме духовного, предоставляя все заботы о своем земном благосостоянии и порядке освященному ею вождю великого православного народа. Русский царь есть более чем наследник своих предков: он наследник кесарей восточного Рима, строителей Церкви и ее Соборов, установивших самый Символ веры христианской. С падением Византии поднялась Москва и началось величие России. Вот где тайна той глубокой особенности, которою Россия отличается среди других народов мира"²⁵.

²² Катков М.Н. В России есть национальная церковь // Катков М.Н. Идеология охранительства. М., 2009. С. 412.

²³ Там же. С. 414.

²⁴ Там же.

²⁵ Катков М.Н. По поводу прибытия в Москву Государя и Государыни // Катков М.Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1882. М., 1898. С. 471.

В свою очередь Российское государство, понимая важность и значение церкви для России и русского народа, должно без каких-либо уступок кому бы то ни было защищать ее интересы, “охранять честь, достоинство и величие нашей Церкви”²⁶, “высоко держать знамя Церкви”²⁷, “ограждать ее, оберегать ее и от разбойника, и от татя, усиливать и улучшать положение ее служителей, чтоб они могли успешно и крепко пасти свою паству, не допускать совращения малолетних”²⁸. А вот с этим, на взгляд М.Н. Каткова, было множество проблем и недоработок, существенно ухудшающих духовное состояние русского народа.

По мнению М.Н. Каткова, церковь не должна превращаться в полицейское учреждение или бюрократический инструмент, иначе это скажется и уже сказывается на ее внутренней и духовной жизни. Не приносит ей пользу и излишнее покровительство со стороны государства, так как “привилегия и опека только вредят ее чистоте, подавляют ее жизнь и подрывают ее внутреннюю силу. Только те заботы о ней хороши, которые клонятся к тому, чтобы в ней самой была жизнь и чтоб она по возможности обладала собственными средствами для поддержания своего достоинства и своих учреждений”²⁹.

К.П. Победоносцев, как и все русские консервативные мыслители, также связывал судьбу России и русского народа с судьбой Православия и Православной церкви. От их судьбы неотделима и судьба православной самодержавной империи — государства российского. К.П. Победоносцев именовал Православную Церковь “матерью родной и милой русскому человеку”³⁰, “кораблем спасения для пытливых умов, мучимых вопросами о том, во что веровать и как веровать”³¹. Он говорил о неразрывной связи русского самодержавного имперского государства с православием, Православной Церковью и образом жизни русского народа, подчеркивая, что “как бы ни была громадная власть государственная, она утверждается не на ином чем, как на единстве духовного самосознания между народом и правительством, на вере народной: власть подкапывается с

²⁶ Катков М.Н. О свободе совести и религиозной свободе (Римско-католическое исповедание) // Катков М.Н. Идеология охранительства. С. 453.

²⁷ Там же. С. 452.

²⁸ Там же. С. 447.

²⁹ Катков М.Н. В России есть национальная церковь. С. 413.

³⁰ Победоносцев К.П. Речь и здравицы К.П. Победоносцева, произнесенные им на обеде, данном городом Киевом в день празднования 900-летней годовщины крещения Руси // Победоносцев К.П. Сочинения. СПб., 1996. С. 138.

³¹ Победоносцев К.П. Вера // Победоносцев К.П. Московский сборник. СПб., 2009. С. 134.

той минуты, как начинается раздвоение этого, на вере основанного, сознания”³².

Как писал К.П. Победоносцев: “Единодержавие, возросшее у нас вместе с церковью и в неразрывном единении с нею, оно вместе с церковью укрепило, собрало и спасло государственную целость русской земли и создало государство Российское. Благословим Бога, избавившего нас от бедствий и раздоров народоправления, которое исстари губило и доньше продолжает губить те славянские государства, где оно, к несчастью их и нашему, успело утвердиться. Под знаменем единодержавия и самодержавия мы выросли, под ним мы стоим, под ним составляем единое тело и охраняем в нем единую волю, и в нем видим на грядущие времена залог правды, порядка и блага земли нашей”³³.

К.Н. Леонтьев связывал будущее России с охранительной тенденцией по сбережению своего религиозного, государственного, национального, культурного своеобразия и неповторимости. Это своеобразие фиксируется им в концепции “византизма”. В соответствии с ней, Россия и русский народ являются восприемниками и наследниками Византийской империи: по имперской форме государства, имперской идее и самодержавной форме правления, по религии — православному христианству (“с определенными чертами, отличающими его от западных церквей, от ересей и расколов”³⁴), по праву — развитию особой национальной системы права, по культуре, нравственным, философским и художественным идеям³⁵. В этом контексте, как подчеркивал К.Н. Леонтьев, предназначение и миссия России (“по избранию Божию или (если угодно) по историческим сочетаниям”³⁶) состоит в том, чтобы стать главной, сильной и твердой “опорой Православию на всем земном шаре”³⁷. А для этого необходима консолидация всех здоровых сил общества с целью укрепления позиций России, как внешнего, так и внутреннего характера, защиты православной веры, Церкви от различного рода деструктивных и антисистемных проявлений, а также преодоления духовного

³² Победоносцев К.П. Церковь и государство // Победоносцев К.П. Московский сборник. С. 15.

³³ Победоносцев К.П. Речь и здравицы К.П. Победоносцева, произнесенные им на обеде, данном городом Киевом в день празднования 900-летней годовщины крещения Руси. С. 138.

³⁴ Леонтьев К.Н. Византизм и славянство // Леонтьев К.Н. Избранное. М., 1993. С. 19.

³⁵ См.: Там же.

³⁶ Леонтьев К.Н. Православие и католицизм в Польше // Леонтьев К.Н. Славянофильство и грядущие судьбы России. М., 2010. С. 373.

³⁷ Там же.

кризиса, в котором оказалось русское общество и его интеллигенция, элита. Оформление антисистемного мировоззрения у части русской элиты и интеллигенции закономерно привело к тому, что они стали слишком либеральны и антинациональны, а ведь *“народ рано или поздно везде идет за интеллигенцией”*³⁸, — констатировал исследователь.

Как отмечал К.Н. Леонтьев, “Если же сила России полезна для Церкви, то для верующего члена той же Церкви (хотя бы и временно, положим) должно быть если не дорого, то хоть сносно все то, что хотя бы косвенно и невольно охраняет Россию, все, что кладет препоны совокупности основных русских зол, именно: либерализму, безбожию, утилитарному мировоззрению, ложно понятому реализму воспитания и обучения... и т.д.”³⁹

По мнению К.Н. Леонтьева, следование принципу “византизма” является залогом успешного национального развития России. “Византизм (как и вообще христианство) отвергает всякую надежду на всеобщее благоденствие народов; <...> он есть сильнейшая антитеза идее всечеловечества в смысле земного всеравенства, земной всесвободы, земного всесовершенства и вседовольства”⁴⁰. И в этом смысле он полная противоположность западноевропейской концепции эгалитарного прогресса. Изменение принципу “византизма” приведет к гибели России.

Следует также отметить, что, продолжая разрабатывать идею Н.Я. Данилевского о создании Славянского Союза государств, К.Н. Леонтьев, в отличие от Н.Я. Данилевского не придерживается панславистских позиций. Он предлагает отвергнуть принцип объединения славянских народов на основании племенного принципа и взять за основу объединения в Союз принцип византизма (принадлежности к православию).

На взгляд Л.А. Тихомирова, идея имперского государства и самодержавной монархии являлась производной от религиозного мирозерцания русского народа⁴¹. В этом контексте, по его мнению, “русская национальность есть мировая национальность, никогда не замыкавшаяся в круге племенных интересов, но всегда несшая идеалы общечеловеческой жизни, всегда умевшая дать место в своем деле и в своей жизни множеству самых разнообразных племен. Именно эта черта и делает Русский народ великим мировым наро-

³⁸ Леонтьев К.Н. Православие и католицизм в Польше.

³⁹ Там же. С. 375.

⁴⁰ Леонтьев К.Н. Византизм и славянство. С. 19.

⁴¹ См.: Тихомиров Л.А. Единоличная власть как принцип государственного строения // Тихомиров Л.А. Руководящие идеи русской жизни. М., 2008. С. 88.

дом и, в частности, дает право русскому патриоту требовать гегемонии для своего племени”⁴².

Историческая, общечеловеческая миссия русского народа состоит в созидании православной имперской державы — хранительницы и защитницы Православия и всего мира от падения в объятия Антихриста. Это в достаточной степени тяжкий крест, который в виде “великих обязанностей попечения и справедливости”⁴³ ложится на плечи русского народа. “Русский народ, — писал Л.А. Тихомиров, — имеет известную цель своей жизни, не для себя одного он живет”⁴⁴. Русская нация является не собственником христианства, которому она беззаветно служит, а его слугой⁴⁵. И в этом отношении, подчеркивал Л.А. Тихомиров, «историческая русская национальность является антиподом исторического еврейства, которое вопреки указаниям пророков всегда стремилось отождествить веру с этническим элементом, считало себя “избранным” только потому, что составляет известное племя»⁴⁶. “Россия — носительница христианской миссии, дела Божия. Как же она откажется от религиозного воздействия на другие народы?”⁴⁷, от своего исторического предназначения, — вопрошал мыслитель.

Несомненной заслугой русских консервативных мыслителей стало то, что они внесли значимый вклад в разработку и осмысление национальной идеи России, Русской идеи, совершенствование и доработку положений официальной имперской идеологии. Несмотря на разницу в своих воззрениях и оценках окружающих их российских реалий, политики правительства и наблюдаемых ими процессов русские консерваторы были солидарны в том, что Россия имеет совсем иной путь и цель развития, чем секулярная западно-европейская культура, в значительной степени отошедшая от основ христианского мировосприятия и жизнедеятельности, настроенная в целом весьма враждебно и агрессивно по отношению к России и Православию.

Для противодействия различного рода антисистемным, радикально-революционным проявлениям, материализму, нигилизму, безбожию, распространившимся в среде русской интеллигенции и элите благодаря внедрению “западничества”, либеральных и со-

⁴² Тихомиров Л.А. Что значит жить и думать по-русски? // Тихомиров Л.А. Руководящие идеи русской жизни. С. 253.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. С. 254.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

циалистических доктрин, они предлагали имперскому правительству всемерно оказывать поддержку Православию, Православной Церкви, охраняя их от нападок деструктивных и враждебных им сил. Только консолидация усилий всех здоровых национальных сил общества, обретение единения в помыслах и начинаниях, на их взгляд, могли способствовать преодолению того духовно-нравственного кризиса, в котором пребывало российское общество, а также имеющийся раскол внутри российского общества между народом и частью его элиты.

В то же время при изучении имперской проблематики в наших реалиях, в контексте осмысления возможности воссоздания в России имперской государственности, нельзя не брать в расчет и неудачный опыт в развитии имперских государств, имевший место в Византии, о чем очень хорошо рассказал Владыка Тихон (Шевкунов) в своем фильме и книге “Гибель империи. Византийский урок”.

Изучая причины духовного, социально-политического, экономического кризисов, охвативших Византийскую империю, Владыка Тихон, справедливо отмечает, что “конечно же, нелепо говорить, что Запад был виновен в неудачах и падении Византии. Запад лишь преследовал свои интересы, что вполне естественно. Исторические поражения Византии происходили тогда, когда сами византийцы изменяли основным принципам, на которых держалась их империя. Эти великие принципы были просты и с детства известны каждому византийцу: верность Богу, Его вечным законам, хранящимся в Православной Церкви, и безбоязненная опора на свои внутренние традиции и силы”⁴⁸.

Когда византийские императоры и элита следовали этим правилам, империя успешно преодолевала те вызовы и смуты, с которыми она сталкивалась. Но на закате Византийской империи в ее элите наметился раскол, внутри нее образовались две партии. “Одна, — отмечает Владыка Тихон, — призывала опираться в первую очередь на свои внутренние силы, безусловно верить в них, развивать колоссальный потенциал своей страны. Западноевропейский опыт они были готовы воспринимать избирательно, после серьезной проверки временем и лишь в тех случаях, когда перемены не будут касаться фундаментальных основ веры и государственной политики. Другая партия — прозападная, представители которой, указывая на несомненный факт того, что Европа развивается все более успешно, стали громче и громче заявлять, что Византия исторически исчерпала себя как политическое, культурное и религиозное явление, и

⁴⁸ См.: Гибель империи. Византийский урок. М., 2008. С. 46.

требовали коренной перестройки всех институтов государства по образцу западноевропейских стран. Представители прозападной партии тайно, а чаще и открыто поддерживаемые европейскими правительствами, одержали безусловную победу над имперскими традиционалистами. Под их руководством в стране был осуществлен ряд важнейших реформ, включая экономическую, военную, политическую и, наконец, идеологическую и религиозную. Все эти реформы завершились полным крахом и привели к таким духовным и материальным разрушениям в империи, что она осталась совершенно незащитной перед напором войск своего восточного соседа — Османского султаната”⁴⁹.

К сожалению, нечто подобное имело место и в эпоху реформ Петра I, знаменующих собой отказ от традиционной для России модели “симфонии” взаимоотношения церкви и государства, ликвидацию патриаршества, самостоятельности Русской Православной Церкви, превращение РПЦ в часть созданной Петром I бюрократической государственной системы, начало масштабного процесса секуляризации российского общества, отказа от традиционной политической системы (Полибиевой схемы власти), изменение порядка престолонаследия, породившего Эпоху дворцовых переворотов, а также фактическое порождение им такого феномена, как западничество. В результате значимая часть российской элиты была фактически оторвана от своего народа, не понимала его традиций, чаяний и устремлений, воспитываясь в иной социокультурной традиции, в которой особую роль стала играть идеология Просвещения, оправдывающая необходимость последующей ломки традиционных для российского общества отношений и устоев. Последствия этих масштабных и радикальных реформ в этом контексте оказали самое негативное влияние как на жизнедеятельность и функционирование Русской Православной Церкви, так и на жизнедеятельность всего российского общества и государства, естественно сказавшись и на духовно-нравственном состоянии русского народа.

К большому сожалению, имперскому правительству только на протяжении чуть более 80 лет, после оформления официальной имперской идеологии, удавалось противодействовать антисистемным и деструктивным процессам и деятельности со стороны антинациональных сил и прозападной ориентированной элиты. Духовный кризис русского общества “успешно” развивался на протяжении XVIII и XIX столетий и привел в начале XX в. к власти богоборческие силы, в настоящее время он продолжается и обуславливает

⁴⁹ См.: Гибель империи... С. 48–49.

наличие экономического, политического, нравственного кризисов русского народа.

Однако сейчас у нас имеются очень хорошие шансы для выхода из этого кризиса и возрождения имперской государственности. Без преувеличения можно сказать, что империя — это судьба России, а трудное, но почетное бремя ее созидания — историческая миссия русского народа. Насколько она будет успешна — сказать невозможно: русские в своем этногенезе еще не вышли из стадии надлома. Следует помнить, что эту стадию этногенеза преодолевали не все народы. Но шансы на успех весьма велики. Надо сделать выводы из прошлых ошибок и не повторять их в будущем.

Насильственно прерванный в 1917 г. исторический тип развития русской государственности, который представлен Российской империей, должен подлежать восстановлению, и будущее русского народа, осуществление его чаяний и стремлений наилучшим образом обеспечит именно империя.

Модернизация имперской идеологии в наше время при республиканской формуле правления может найти свое воплощение в формуле “Духовность. Державность. Соборность”. Возрождение сильного государства, обладающего всей полнотой государственного суверенитета (державность), обеспечит восстановление целостности Исторической России в масштабах единого имперского государственного образования, а также традиционной для России политической системы — “Полибиевой схемы власти”. Акцент на духовных и соборных составляющих обусловлен необходимостью преодоления духовного кризиса русского общества, возвращения большинства представителей русской нации к Православию, своим духовным корням (ведь недаром до 1917 г. слово “русский” воспринималось как синоним слова “православный”), обретения единства в рядах Русской Православной Церкви, демонстрацией имперского стереотипа поведения, без которого русскому народу будет невозможно выполнить свою историческую миссию по возрождению традиционной для России имперской государственности.

При этом надо понимать, что этот стереотип должен быть присущ не только русскому народу. У народов Российской империи по ходу исторического развития, как и у русского народа, также был выработан имперский стереотип поведения, который к настоящему времени ослаблен. У нерусских народов наличествовала как любовь к своей этнической общности, так и преданность империи. Казанские татары, напомним, спустя всего полвека после присоединения к русскому государству, приняли активное участие в походе ополчения Минина и Пожарского на Москву для освобождения ее от

польских интервентов. Надо осознавать, что такого рода имперский стереотип поведения будет выработан у нерусских народов усилиями русских в случае, если они будут выполнять свои обязательства перед инородцами, а с их стороны не будет агрессивного, шовинистического неприятия лидирующей роли русских.

Вот как об этом писал И.А. Ильин: “Россия велика, многолюдна и многоплеменна, многоверна и многопространственна. В ней текут многие воды и струятся разные ручьи. Она никогда не была единосоставным, простым народным Массивом и не будет им. Она была и будет империей, единством во множестве: государством пространственной и бытовой дифференциации, и в то же время — органического и духовного единения”⁵⁰.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бербэнк Дж., Купер Ф.* Взлет и падение великих империй. М., 2015.
Боханов А.Н. Российская империя. Образ и смысл. М., 2020.
Гибель империи. Византийский урок. М., 2008.
Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1990.
Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. М., 1993.
Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991.
Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л., 1972–1990.
Достоевский Ф.М. Дневник писателя: В 2 т. Т. 2. М., 2011.
Елишев С.О. О сущности “современных революций” и государственных переворотов. М., 2017.
Елишев С.О. Политика. Базовые понятия. М., 2018.
Ильин И.А. Наши задачи // Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. Кн. I. М., 1993.
Кальб Дж. Третий Рим: имперские видения, мессианские грезы, 1890–1940. Бостон; СПб., 2022.
Катков М.Н. По поводу прибытия в Москву Государя и Государыни // Катков М.Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1882. М., 1898.
Катков М.Н. Идеология охранительства. М., 2009.
Кюстин А. Николаевская Россия. М., 1990.
Леонтьев К.Н. Избранное. М., 1993.
Леонтьев К.Н. Славянофильство и грядущие судьбы России. М., 2010.
Ливен Д. Империя, история и современный мировой порядок // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. М., 2010.
Ленин В.И. К вопросу о национальной политике // Ленин В.И. Полное собрание сочинений: В 55 т. Т. 25. М., 1969.
Ленин В.И. О национальной гордости великороссов // Ленин В.И. Полное собрание сочинений: В 55 т. Т. 26. М., 1969.
Ленин В.И. В Революционный пролетариат и право наций на самоопределение // Ленин В.И. Полное собрание сочинений: В 55 т. Т. 27. М., 1969.

⁵⁰ Ильин И.А. Наши задачи // Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. Кн. I. М., 1993. С. 195.

- Малафеев К.В. Империя. Книга первая. М., 2022.
- Махнач В.Л. Стенограмма Круглого стола “Понятийный аппарат проекта национальной доктрины России”. М., 1995.
- Махнач В.Л. Очерки православной традиции. М., 2000.
- Махнач В.Л., Елишев С.О. Политика. Основные понятия: Справ., словарь. М., 2008.
- Перевезенцев С.В. Святорусское царство. История русской святости. М., 2018.
- Победоносцев К.П. Сочинения. СПб., 1996.
- Победоносцев К.П. Московский сборник. СПб., 2009.
- Покровский М.Н. Возникновение Московского государства и “великорусская народность” // Историк-марксист. 1930. Т. 18–19.
- Полибий. Всеобщая история: В 3 т. Т. 2. VI.11.11. СПб., 1995.
- Смолин М.Б. Русский путь в будущее. М., 2007.
- Солоневич И.Л. Народная монархия. М., 1991.
- Тихомиров Л.А. Руководящие идеи русской жизни. М., 2008.
- Тютчев Ф.И. Россия и Запад // Тютчев Ф.И. Юбилейное издание: В 3 т. Т. 2. М., 2013.
- Уваров С.С. Государственные основы. М., 2014.
- Федотов Г.П. Судьба империй // Федотов Г.П. Судьба и грехи России. Избр. ст. по философии русской истории и культуры: В 2 т. Т. 2. СПб., 1991.
- Хомяков А.С. Сочинения: В 2 т. Т. 1. Работы по историософии. М., 1994.
- Черняев Н.И. Мистика, идеалы и природа Русского Самодержавия. М., 1998.
- Шмитт К. Номос Земли в праве народов *jus publicum europaeum*. СПб., 2008.

REFERENCES

- Berbenk Dzh., Kuper F. Vzlet i padenie velikih imperij* [Rise and fall of great empires]. М., 2015 (in Russian).
- Bohanov A.N. Rossijskaya imperiya. Obraz i smysl* [Russian empire. image and meaning]. М., 2020 (in Russian).
- Chernyaev N.I. Mistika, idealy i priroda Russkogo Samoderzhaviya* [Mysticism, ideals and nature of the Russian Autocracy]. М., 1998 (in Russian).
- Danilevskij N.Ya. Rossiya i Evropa* [Russia and Europe]. М., 1991 (in Russian).
- Gibel' imperii. Vizantijskij urok* [The death of an empire. Byzantine lesson]. М., 2008 (in Russian).
- Dostoevskij F.M. Polnoe sobranie sochinenij* [Complete Works]: V 30 t. L., 1972–1990 (in Russian).
- Dostoevskij F.M. Dnevnik pisatelya* [Writer's Diary]. V 2 t. Т. 2. М., 2011 (in Russian).
- Elishev S.O. O sushchnosti “sovremennyh revolyucij” i gosudarstvennyh perevorotov* [On the essence of “modern revolutions” and coups d'état]. М., 2017 (in Russian).
- Elishev S.O. Politika. Bazovye ponyatiya* [Policy. Basic concepts]. М., 2018 (in Russian).
- Fedotov G.P. Sud'ba imperij* [The fate of empires] // Fedotov G.P. Sud'ba i grekhi Rossii. Izbr. st. po filosofii russkoj istorii i kul'tury: V 2 t. Т. 2. SPb., 1991 (in Russian).

- Gumilyov L.N.* Etnogenez i biosfera zemli [Ethnogenesis and biosphere of the earth]. L., 1990 (in Russian).
- Gumilyov L.N.* Tysyacheletie vokrug Kaspiya [Millennium around the Caspian]. M., 1993 (in Russian).
- Homyakov A.S.* Sochineniya: V 2 t. T. 1 Raboty po istoriosofii [Works: In 2 vols. Vol. 1. Works on historiosophy]. M., 1994 (in Russian).
- Il'in I.A.* Nashi zadachi [Our tasks] // Il'in I.A. Sob. soch.: V 10 t. T.2. Kn. I. M., 1993 (in Russian).
- Kal'b Dzh.* Tretij Rim: imperskie videniya, messianskie gryozy, 1890–1940 [The Third Rome: Imperial Visions, Messianic Dreams, 1890–1940]. Boston; SPb., 2022 (in Russian).
- Katkov M.N.* Po povodu pribytiya v Moskvu Gosudarya i Gosudaryni [Regarding the arrival of the Sovereign and Empress in Moscow] // Sobranie peredovyh statej Moskovskikh vedomostej. 1882. M., 1898 (in Russian).
- Katkov M.N.* Ideologiya ohranitel'stva [The ideology of protection]. M., 2009 (in Russian).
- Kyustin A.* Nikolaevskaya Rossiya [Nikolaev Russia]. M., 1990 (in Russian).
- Lenin V.I.* K voprosu o nacional'noj politike [To the question of national policy] // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij: V 55 t. T. 25. M., 1969 (in Russian).
- Lenin V.I.* O nacional'noj gordosti velikorossosov [On the National Pride of the Great Russians] // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij: V 55 t. T. 26. M., 1969 (in Russian).
- Lenin V.I.* V Revolyucionnyj proletariat i pravo nacij na samoopredelenie [The Revolutionary Proletariat and the Right of Nations to Self-Determination] // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij: V 55 t. T. 27. M., 1969 (in Russian).
- Leont'ev K.N.* Izbrannoe [Favorites]. M., 1993 (in Russian).
- Leont'ev K.N.* Slavyanofil'stvo i gryadushchie sud'by Rossii [Slavophilism and the future fate of Russia]. M., 2010 (in Russian).
- Liven D.* Imperiya, istoriya i sovremennyy mirovoj poryadok [Empire, history and modern world order] // Mify i zabluzhdeniya v izuchenii imperii i nacionalizma. M., 2010 (in Russian).
- Mahnach V.L.* Stenogramma Kruglogo stola "Ponyatijnyj apparat proekta nacional'noj doktriny Rossii" [Transcript of the round table "Conceptual apparatus of the draft national doctrine of Russia"]. M., 1995 (in Russian).
- Mahnach V.L.* Ocherki pravoslavnoj tradicii [Essays on the Orthodox Tradition]. M., 2000 (in Russian).
- Mahnach V.L., Elishev S.O.* Politika. Osnovnye ponyatiya: sprav., slovar' [Policy. Basic concepts: Reference, dictionary]. M., 2008 (in Russian).
- Malafeev K.V.* Imperiya. Kniga pervaya [Empire. Book one]. M., 2022 (in Russian).
- Perevezencev S.V.* Svyatorusskoe carstvo. Istoriya russkoj svyatosti [Holy Russian kingdom. History of Russian holiness]. M., 2018 (in Russian).
- Pobedonoscev K.P.* Sochineniya [Works]. SPb., 1996 (in Russian).
- Pobedonoscev K.P.* Moskovskij sbornik [Moscow collection]. SPb., 2009 (in Russian).
- Pokrovskij M.N.* Vozniknovenie Moskovskogo gosudarstva i "velikorusskaya narodnost'" [The Emergence of the Muscovite State and the "Great Russian Nationality"] // Istorik-marksist. 1930. T. 18–19 (in Russian).

Polibij. Vseobshchaya istoriya [General History]: V 3 t. T. 2. VI.11.11. SPb., 1995 (in Russian).

Shmitt K. Nomos Zemli v prave narodov jus publicum europaeum [Nomos of the Earth in the law of peoples jus publicum europaeum]. SPb., 2008 (in Russian).

Smolin M.B. Russkij put' v budushchee [Russian way to the future]. M., 2007 (in Russian).

Solonevich I.L. Narodnaya monarhiya [People's monarchy]. M., 1991 (in Russian).

Tihomirov L.A. Rukovodyashchie idei russkoj zhizni [Guiding ideas of Russian life]. M., 2008 (in Russian).

Tyutchev F.I. Rossiya i Zapad [Russia and the West] // Tyutchev F.I. Yubilejnoe izdanie: V 3 t. T. 2. M., 2013 (in Russian).

Uvarov S.S. Gosudarstvennye osnovy [State foundations]. M., 2014 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2023-29-3-113-133

ЛЕВ ТИХОМИРОВ: ЭТИЧЕСКИЙ МОНАРХИЗМ И ВЕРХОВНАЯ ВЛАСТЬ

М.Б. Смолин, канд. историч. наук, зав. кафедрой истории и исторического архивоведения Московского государственного института культуры, ул. Библиотечная, д. 7, г. Химки, Московская обл., Российская Федерация, 141406*

“Монархическая государственность” Л.А. Тихомирова дала монархическому движению идейное выражение своих чувств и бессознательных национально-патриотических ощущений, изложенных в строгую в своем логическом построении систему истории и догматики монархической государственности, чего не было сделано ранее до выхода этой книги.

В конечном счете, все мнения о России, о ее судьбе, призвании, истории, все “за” и “против” сводятся к одному вопросу: самобытна ли Россия или нет? Из ответа на этот вопрос исходят уже все остальные концепции. Или, иными словами, все концепции, все идеи, по сути, могут подразделяться на признающие самобытность в отношении России и на отрицающие ее.

Самобытность верховной власти в России — одна из наиболее ярких областей самобытности русского духа. Самобытность самодержавия в его историческом пути. Оно родилось и росло вместе с рождением и ростом самой русской нации. Оно стало социальным институтом русского народа, включало в себя все религиозные, психологические, бытовые и культурные стереотипы русского мышления, психологии, веры и вкусов.

Ключевые слова: самобытность, верховная власть, монархия, самодержавие, Л.А. Тихомиров, государственность, политика, принципы.

LEV TIKHOMIROV: ETHICAL MONARCHISM AND SUPREME POWER

Smolin Michail B., Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of History and Historical Archives of the Moscow State Institute of Culture, st. Library, 7, Khimki, Moscow region, Russian Federation, 141406, e-mail: fondiv@mail.ru

“Monarchic statehood” L.A. Tikhomirova gave the monarchist movement an ideological expression of her feelings and unconscious national-patriotic feelings, set out in a strict system of history and dogmatics of monarchical statehood in its logical construction, which had not been done before the publication of this book.

* **Смолин Михаил Борисович**, e-mail: fondiv@mail.ru

Ultimately, all opinions about Russia, about its fate, vocation, history, all pros and cons come down to one question: is Russia original or not? From the answer to this question, all other concepts proceed.

Or, in other words, all concepts, all ideas, in fact, can be divided into those that recognize originality in relation to Russia and those that deny it. The identity of the Supreme Power in Russia is one of the most striking areas of the identity of the Russian spirit.

The originality of the autocracy in its historical path. It was born and grew along with the birth and growth of the Russian nation itself. It became a social institution of the Russian people, it included all the religious, psychological, everyday and cultural stereotypes of Russian thinking, psychology, faith and tastes.

Key words: *originality, supreme power, monarchy, autocracy, L.A. Tikhomirov, statehood, politics, principles.*

С выходом исследования “Монархическая государственность” (1905) признание Л.А. Тихомирова как теоретика государственного устройства выросло еще более в среде правой русской общественности. Он стал желанным гостем многих знаменитых людей своего времени, с ним советовались по разным вопросам, его приглашали для разговоров и министры, и великие князья.

Осенью 1905 г. при посредничестве генерал-лейтенанта Александра Алексеевича Киреева, друга Л.А. Тихомирова, состоявшего при Великой княгине Александре Иосифовне, Великий князь Константин Константинович передал Государю Императору книгу Л.А. Тихомирова “Монархическая государственность”. А в феврале 1906 г. А.А. Киреев обратился к министру Императорского Двора В.Б. Фредериксу с просьбой об исходатайствовании Л.А. Тихомирову знака Монаршего внимания за поднесенный Государю Императору труд “Монархическая государственность”.

Вследствие этого прошения было Высочайше повелено выдать из Кабинета Его Императорского Величества Л.А. Тихомирову подарок ценою около двухсот рублей. Заказ Кабинета Его Императорского Величества выполняла фирма Фаберже. 28 февраля 1906 г. за поднесение Его Императорскому Величеству сочинения “Монархическая государственность” Л.А. Тихомиров был удостоен Всемилостивейшего пожалования — серебряной чернильницы “Empire” с изображением государственного герба. Л.А. Тихомиров по получении подарка написал 15 марта Всеподданнейшее прошение, выражающее Его Императорскому Величеству благодарность за Всемилостивейше пожалованный ему подарок.

Подарок им был воспринят как “нравственное одобрение” его трудов по разработке монархического принципа власти, которыми он хотел послужить “общечеловеческому благу”. Далее, в письме к

Государю, он писал, что изучение много лет назад французского республиканского строя привело его “к убеждению в превосходстве монархического принципа”, изучение и разъяснение которого стало с тех пор его главной задачей. Наибольшую трудность для исполнения своей задачи Л.А. Тихомиров видел в “неумении людей выделять действие самого принципа из того, что лишь посторонние к нему примешивается”, при котором отождествление самодержавия с абсолютизмом приводит к развитию бюрократического всевластия в области государственного управления. При правильном же понимании сущности монархии, “будучи Верховной Властью Высшей правды, Монархия одна из всех политических принципов способна воздвигать государственный строй непосредственно на социальном”, т.е. на сословно-профессиональной организации социальных слоев общества, она не дает партийному политиканству узурпировать власть над нацией. Спасение же от бюрократической узурпации он видел в построении “правительственных учреждений по системе сочетания народного самоуправления и действия бюрократии их взаимною сдержкою”. Он был глубоко уверен, что “при правильном построении учреждений, соответственно монархическому принципу, Россия не только сама освободилась бы от политических противоречий, но могла бы дать пример высшей государственности всему миру, ныне столь в этом нуждающемуся”¹.

“Монархическая государственность” Л.А. Тихомирова дала монархическому движению идейное выражение своих чувств и бессознательных национально-патриотических ощущений, изложенных в строгую в своем логическом построении систему истории и догматики монархической государственности, чего не было сделано ранее до выхода этой книги. Он видел необходимость в новой породе людей, которые смогут возродить монархическую государственность на основе его идеальных конструкций.

В связи с этим интересно письмо, ответ Л.А. Тихомирова редакции журнала “Миссионерское обозрение” (В.М. Скворцов) на просьбу о более регулярном и деятельном участии в журнале. «Чем больше, — писал он, — я изучаю и ближе наблюдаю наши общественные и правящие круги и администрацию, тем более убеждаюсь в их политической малосознательности, а отсюда происходит своеобразие буффонального патриотизма — у одних и отсутствие его — у большинства, хотя и мыслящих себя монархистами; космополитизм же губит нашу интеллигенцию, талантливейшую в мире, способную на великие жертвенные подвиги. Если социализм

¹ РГИА, ф. 472, оп. 43, д. 3а.

и космополитизм глушат исконный наш монархизм — вина в том на нашей школе и политической науке, которая больше интересуется демократическим и социалистическим принципом, чем монархическим. Наши правящие круги и вся вообще нация застряли на начатках своей политической веры. Спросите самого правоверного монархиста: почему он монархист и в чем его политическая вера? Кроме стереотипных славянских лозунгов “за самодержавие, Православие и русскую народность”, он ничего другого не сумеет сказать, определить и доказать... Нужно создать, как выражались просвещенные западники Екатерининской эпохи, “новую породу русских людей” — но только не ту, что начала выращивать Петровскую Русь, — “сознательно монархическую породу”, так чтобы вся нация ясно осознала великое преимущество монархической государственности перед другими видами и формами власти и управительного строя, поняла бы то великое благо, которое провидением ниспослано Российской Державе в Самодержавии Русских Царей... Я спешу как можно скорее закончить свое исследование монархической государственности, которое составит *comprendium* всего того, над чем я работал много лет, о чем ранее писал и печатал по вопросам государственноведения и политики»².

Достоинство исследования Л.А. Тихомирова “Монархическая государственность” состоит в определении исторической преемственности русской государственности через римскую и византийскую, в осмыслении места русского самодержавия в ряду других православных имперских государств (Рима и Византии), в выяснении идеального (в идее) содержания царской власти и определении правильных и неправильных форм того или иного принципа Верховной власти, в освещении истории русской государственности и сопутствующем ей развитию русского самосознания, в признании недостаточной осознанности русских идеалов.

Общими основами монархии для Л.А. Тихомирова являлись *религиозное начало и социальный строй*. От Верховной Власти он требовал *сознательного* понимания сущности своего принципа.

Понятию “Верховная власть” в доктрине Л.А. Тихомирова отведено особое место, с его помощью сама система принимает черты идеократические. «Через посредство категории “верховная власть”, — как пишет М.Ю. Понежин, — Л.А. Тихомирову удалось объединить классические теоретико-юриспруденческие подходы, традиционно существовавшие в рамках естественно-правовой и

² *Маевский Вл.* Революционер-монархист. Памяти Льва Тихомирова. Новый Сад, 1934. С. 71–72.

позитивно-правовой школ. Ему удалось найти вариант ответа на вопрос: что более фундаментально в конституировании государственности и основ правопорядка — “справедливость” (школа естественного права) или “воля суверена” (позитивно-правовая школа). Обширная аргументация Л.А. Тихомирова в известной мере синтезирует эти подходы, так как если государство адекватно своей “норме”, то есть идее-принципу, выраженному в вековом опыте, то “воля суверена” (верховой власти) и выражает ту трактовку справедливости, которая генетически связана с национально-религиозными особенностями “идеократического элемента”, объективацией которого “верховная власть” является»³.

Монархической политикой, которой посвящено значительное место в книге “Монархическая государственность”, Л.А. Тихомиров называл учение об обязанностях монархического государства в отношении общества и личности. Одним из основных вопросов монархической политики он выставляет правильное определение компетенции монархического государства или, иными словами, определение тех пределов, в которых оно должно действовать и которые оно не должно переступать.

Пределы действия государства ограничиваются Л.А. Тихомировым “обязанностью служить личности и обществу как силам *самобытным*, а потому не делать ничего, уничтожающего и задушающего *самостоятельность личности и общества*”⁴.

Государь ограничен содержанием своего идеала, следование которому полагается царским долгом.

Как-то известный эмигрантский писатель Иван Солоневич (1891–1953) назвал “Монархическую государственность” “*Библией монархизма*” и оказался весьма точен в этом определении. Уже несколько поколений русских мыслителей, защищающих исторические государственные традиции, обращаются к этой книге как к источнику, хранящему философию русской государственности — государственности, потерянной с революцией, но всегда возможной к новому возрождению.

Система православной монархии

Идея монархии непонятна и отвергаема многими. Отвергаема на основе всевозможных созданных о ней мифов. Искусственный туман демократических стереотипов, ложных представлений о мо-

³ Понежин М.Ю. Доктрина монархической государственности Л.А. Тихомирова (философско-правовой анализ): Дисс... канд. юрид. наук. Ростов-н/Д., 2000. С. 31–32.

⁴ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 1992. С. 400.

нархии застилает, как плотный занавес существо идеи монархии. “Идея самодержавия, — писал профессор В.Д. Катков, — не есть какая-то архаическая идея, обреченная на гибель с ростом просвещения и потребности в индивидуальной свободе. Это вечная и универсальная идея, теряющая свою силу над умами при благоприятном стечении обстоятельств, и просыпающаяся с новою силою там, где опасности ставят на карту самое политическое бытие народа. Это героическое лекарство, даваемое больному политическому организму, не утратившему еще жизнеспособности”⁵.

Многие, даже видящие логичность рассуждений консервативных авторов, стройность их политических систем, саму величину этих мыслителей, удивительным образом все же не хотят признавать возможность и полезность для современности использования монархического принципа в государственном строительстве.

Против монархического образа правления часто выступают из-за опасения, что принцип наследственности не дает гарантий больших способностей представителей монархических династий. Может, говорят, родится монарх гениальный, а может и человек ниже средних способностей. Сам Л.А. Тихомиров считает способности монарха не столь значительным обстоятельством в деле государственного управления, более важным ему видится хорошая организация системы государственного управления и правильного выражения основ, на которых держится монархия. Да, монарх может быть средних способностей, но это никак не может отразиться на возможности выражения им нравственного идеала монархии, что достигается обдуманной системой воспитания будущих носителей верховной власти, в которой на первом месте должно стоять религиозное воспитание. “Монарх должен знать, — пишет Л.А. Тихомиров, — что если в народе нет религиозного чувства — то не может быть и Монархии. Если он лично не способен сливаться с этим чувством народа — то он не будет хорошим монархом”⁶.

Монарху необходимо иметь ту же самую веру, что и его народу, воспитываться не в среде “золотой молодежи” при дворе, а в доброй обстановке более тихих уголков в непосредственном соприкосновении с жизнью нации.

Что же касается других упреков в адрес монархии, таких как ограничение свободы деятельности нации бюрократической опекой, произвол чиновников из-за ограниченного круга непосредственного действия единоличной власти и т.д., — упреки эти отно-

⁵ Катков В.Д. О русском самодержавии. Харьков, 1906. С. 19.

⁶ Тихомиров Л.А. Указ. соч. С. 450.

сятся к абсолютистскому извращению понимания монархии, и не являются свойственными истинной или чистой монархии. Скорее же всего, глубинно, подсознательно неприязнь к монархии в современном демократическом обществе сформирована недоверием вообще к личности, к возможному положительному и свободному личному творчеству на государственном поприще.

Доверие к личности настолько подорвано в демократическом обществе, что ее деятельность во власти стремятся всячески обложить всевозможными законодательными ограничениями в надежде предотвратить или, на худой конец, усложнить этой личности возможности приносить вред обществу и государству. Доверие толпы к личности ею же избираемой крайне шатко и всегда недолговечно...

Свободу личности, свободу ее деятельности пытаются ограничить всевозможными постановлениями, уставами и прочими бумагами, рождаемыми демократическим бюрократизмом миллионами штук. Личность скована в демократии либо властью денег, либо властью партии, либо властью толпы.

Это глубокое неверие в личность, естественно, переносится и на страну ее воспитавшую, на Россию, которая выступает в демократических мнениях как никчемность, как объект исторических ошибок, как страна безнадежно выпавшая из мировой цивилизации из-за своего замшелого, патриархального сознания. Отсюда отрицание всякой самобытности для России и, кажется, бесконечные попытки втиснуть русскую нацию в либеральные политические и культурные шаблоны.

В конечном счете, все мнения о России, о ее судьбе, призвании, истории, все “за” и “против” сводятся к одному вопросу: самобытна ли Россия или нет?

Из ответа на этот вопрос исходят уже все остальные концепции. Или, иными словами, все концепции, все идеи, по сути, могут подразделяться на признающие самобытность в отношении России и на отрицающие ее.

Отрицающие убеждены в том, что Россия безнадежно отстала от развитого Западного мира, и что этот Западный мир развивается в единственно правильном и единственно возможном направлении, а поэтому идут по пути подражания.

Признающие же самобытность России идут (или пытаются идти) по пути творчества, основанного на традиционных, корневых национальных идеалах. Как правило, эти люди признают разноразвивающиеся культурно-исторические цивилизации, идущие по своим национальным путям.

Самобытность верховной самодержавной власти в России

Самобытность верховной власти в России — это, быть может, одна из наиболее ярких областей самобытности русского духа. Самобытность самодержавия прежде всего в том, что оно родилось и росло вместе с рождением и ростом самой русской нации. А значит, оно плоть от плоти русского народа, включает в себя все религиозные, психологические, бытовые и культурные стереотипы русского мышления, психологии, веры и вкусов.

“Царская власть, — писал Л.А. Тихомиров, — развивалась вместе с Россией, вместе с Россией решала спор между аристократией и демократией между православием и инославием, вместе с Россией была унижена татарским игом, вместе с Россией была раздроблена уделами, вместе с Россией объединяла страну, достигла национальной независимости, а затем начала покорять и чужеземные царства, вместе с Россией сознала, что Москва — третий Рим, последнее и окончательное всемирное государство. Царская власть — это как бы воплощенная душа нации, отдавшая свои судьбы Божьей воле. Царь заведует настоящим, исходя из прошлого и имея в виду будущее нации”⁷.

Признание несамостоятельности, несамобытности — есть признание бесталанности, безвольности и беспомощности за Россией и русским народом с одновременным отказом и от собственных попыток творить что-либо самостоятельно и самобытно. Это ведет, по мнению Л.А. Тихомирова, наших демократов и к личной подражательности, каковую мы видим на протяжении XIX—XX вв., которые не принесли ни одного крупного мыслителя, но зато дали легионы средней руки подражателей, “просветителей” в духе западных новомодных политических и других учений. Отсюда всегдашняя бесхребетность большинства нашей “мыслящей” интеллигенции, готовой легко принимать в себя западные убеждения и с такой же легкостью расставаться с ними при новом идейном дуновении со стороны “страны великих чудес” (Западного мира).

Подражатель всегда сомневается в том, что какая-то личность одна может быть права, ее взгляд устремлен на массу, на то, чтобы узнать за каким мнением стоит большинство, сила и лишь тогда присоединиться к нему. При этом не нужны ни долгие размышления, ни душевные и умственные мучения, что является необходимостью при творчестве. Здесь слабая личность выбирает наиболее легкий путь — подражания; путь, не требующий подвига; здесь

⁷ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 1905. Ч. IV. С. 56.

корни демократии — все усредняющей, всех понижающей и всех расслабляющей.

Самобытность же требует личности. Быть самобытным — это поступок, заставляющий усиленно работать все человеческие силы. Из самобытности рождается и единоличная власть, власть, желающая творческого и героического самостоятельного действия.

“Монархическое начало, — писал, единомышленник Л.А. Тихомирова, профессор В.Д. Катков, — есть действительное творческое начало государства и цивилизации. Республиканские формы государственной жизни представляют собою нечто несамостоятельное, производное, растущее из элементов, вырабатываемых началом единогодержавия. Только под господством монархического начала, как под знаменем единства, вырастает та дисциплина и сила сцепления, которые необходимы для республик и которые одни могут из кучи песчинок, не связанных элементов — особей и мелких групп, создать стройное здание государства”⁸.

Особое значение Царя, значение его власти в смысле всемирном, безусловно, определяется тем, что он является не только державным вождем русского народа, но и блюстителем и покровителем всей Православной Церкви: роль, каковую он получил от своих царственных предков через посредство православных императоров Рима и Византии, это роль всемирно-историческая. “Вот где тайна, — утверждал Л.А. Тихомиров, — той глубокой особенности, которую Россия отличается среди других народов мира”⁹.

Исследованию этой самодержавной самобытной русской власти и посвятил свою жизнь Лев Александрович Тихомиров.

Общие основы монархии

Монархическое устройство общества и государства требует напряженного духовного делания, без которого самодержавная власть государей невозможна, поскольку общими основами существования монархии являются религиозное начало и упорядоченный сложно-сословный социальный строй. Также как в духовной жизни, от верховной власти требуется сознательное понимание сущности своего принципа. В зависимости от различных влияний этих трех факторов появляются три типа монархии: деспотическая, абсолютистская или самодержавная.

Религиозный элемент в единоличной верховной власти очень важен. “Участие религиозного начала, — пишет Л.А. Тихомиров, —

⁸ Катков В.Д. Нравственная и религиозная санкция русского самодержавия. Харьков, 1907. С. 20.

⁹ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 1905. Ч. IV. С. 130.

безусловно, необходимо для существования монархии, как государственной Верховной власти. Без религиозного начала единоличная власть, хотя бы и самого гениального человека, может быть только диктатура, властью безграничной, но не верховной, а управительной, получившей все права лишь в качестве представительства народной власти”¹⁰.

Чем ближе религия стоит к нравственному учению христианства, тем более правильная форма монархии будет реализовываться. Чем более неясен и далек от христианского идеала нравственный характер божества той или иной религии, тем менее будет различия между властью законной и узурпаторской, и тем более будет играть значение мерило успеха, характерное, например, для ислама.

В социальном плане человечество, по Л.А. Тихомирову, переживает две стадии развития: патриархальную и гражданскую.

Патриархальный быт представляет из себя быт разросшейся семьи и существует до тех пор, пока члены этой семьи могут лично общаться. При большем разрастании быт патриархальный превращается в родовой, где уже нет такой четкой власти патриархального владыки. Именно поэтому родовой строй есть ступень перехода к быту гражданскому, при котором появляется власть политическая, основанная уже не на семейных и не на родственных отношениях. С переходом в гражданское состояние появляется понятие о верховной власти.

По мнению Л.А. Тихомирова, при разном социальном быте существуют предпосылки к разным принципам власти. Патриархальный быт благоприятен возникновению монархической власти, особенно при необходимости общей самозащиты. При родовом быте в сходной ситуации скорее всего возобладает аристократический элемент. В гражданском же обществе “монархия является тем легче, чем элементы гражданской жизни сложнее и чем сильнее они каждый порознь развиты”¹¹.

Переходя к разновидности монархической власти, Л.А. Тихомиров определяет их три: одну чисто монархическую или самодержавную и две представляющие ее извращения — деспотическую и абсолютистскую.

В монархии правильной воля монарха подчинена истинному Богу, а народ видит в монархе Божьего слугу, подчиняясь ему безгранично до тех пор, пока монарх не перестает сам быть слугою Божьим.

¹⁰ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. СПб., 1992. С. 78.

¹¹ Там же. С. 86.

“Бог пребывает, — писал Л.А. Тихомиров, — с народом верующим в Него. Он пребывал с Израилем. Он пребывает с христианской церковью, с совокупностью верующих. Этому Богу, пребывающему в народе, служит монарх. То же, что называется духом народа, в данном случае выражает настроение, требуемое самим Творцом. Так служение Богу совпадает у монарха с единением с народным духом. Этой полной независимостью от народной воли и подчиненностью народной вере, духу и идеалу — характеризуется монархическая власть, и этим она становится способною быть верховною”¹².

Монархии, основанные на ложных религиозных концепциях, порождают произвольность власти монархов. Такие монархии Л.А. Тихомиров называет деспотическими. Деспотической монархии присуща произвольность власти, поскольку представления о содержании и направлении воли божества, являющего лишь сверхчеловеческую силу, обществу неведомы. В связи с такими представлениями о божестве нет никакого истинно нравственного идеала, потому деспот действует произвольно, исходя из самого себя. Произвольность или деспотичность власти происходит или из личного обожествления монарха, или из божества, в котором нет нравственного содержания, а признается только сила, которой народ может лишь бояться.

Кроме деспотического искажения монархический принцип знает еще один тип искажения, называемый абсолютизмом. Абсолютизм олицетворяет власть, ничем не созданную и не зависящую ни от кого кроме себя самой. По сути дела абсолютизм власти свойственен только демократии. Абсолютизм, как и демократия, самодостаточен и исходит из самого себя; выше самого себя он не знает силы, поэтому нравственный идеал этой власти низок. Абсолютизм в сущности похож на диктатуру, так как соединяя в себе все власти, не представляет верховной. Все им соединенные власти суть народные, а поскольку абсолютизм не представляет власть Божественную, не следует религиозной идее, а самодостаточен, то он не имеет верховной власти над народом. Скорее всего абсолютного монарха можно назвать наследным диктатором или вечным народным депутатом. Делегирование народом власти одному лицу в какой-либо сложный для государства момент еще не создает этой единоличной власти верховенства. Народ всегда может потребовать от своего делегата то, что он ему доверил. Поэтому абсолютистские монархии рождаются из демократии, как ее делегация, и к ней же ведут, как случилось в Европейской монархии.

¹² Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. СПб., 1992 С. 96.

Верховное управление в монархическом государстве

Изучая систему управления монархического государства, Л.А. Тихомиров прежде всего ставил вопрос о месте в этом управлении самого монарха. Он предложил разработанную им систему государственного действия верховной власти или действия по “царской прерогативе”, как он ее называл, где определял два способа действия верховной власти. Обычный порядок управления сводился к действию верховной власти через посредство государственных учреждений; чрезвычайный — к действию непосредственно в порядке верховного управления.

Под действием по царской прерогативе Л.А. Тихомиров имел ввиду особое действие по естественному царскому праву, которое не противоречит обычному юридическому праву, но которое находится вне конкретных его форм (статей) и требуется исключительными государственными обстоятельствами. Юридический закон всегда устанавливает средние нормы законности, но этого часто не достаточно для торжества высшей правды, которому служит монархический принцип. Поэтому монарх как личность, на гарантии его царской совести, должен иметь право действия, не согласующееся с реально существующими в наличии законами, если те не могут поддержать правду на должной высоте. “Царская прерогатива решения по совести поддерживает сознание того, что правда выше закона, что закон только и свят — как отблеск правды. Царская прерогатива действия по совести совершенно неустраима в монархии. Там, где она исчезла — монарха, как верховной власти уже нет”¹³.

Это царское естественное право Л.А. Тихомиров выводит из ситуации самого зарождения государственности, когда верховная власть монарха являет собой все виды управления — и верховные, и подчиненные. Дальнейшее же развитие института государственности должно приводить к тому, чтобы верховная власть монарха становилась “силой только направляющей и контролирующей”, перекладывая прочие функции на подлежащие управительные власти, установленные верховной властью.

Но поскольку полного совершенства достичь раз и навсегда невозможно, и поскольку человек в своей жизни руководствуется чаще всего не юридическими нормами, а нормами конкретными, жизненными, которые то выше средних норм юридических, то их ниже, то и закон не всегда совпадает с нравственной справедлив-

¹³ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 1905. Ч. III. С. 159.

востью и государь должен иметь возможность восполнять несовершенство юридических законов и устройства государственных институтов. Он обязан своим царским естественным правом действовать, не сообразуясь с тем или иным законом, — особенно в ситуации, требующей чрезвычайных мер, законом не установленных. Но это право должно быть только у монарха как у верховной власти государства, которая единственно может создавать закон и его отменять.

Монархическая политика и царские принципы

Монархической политикой Л.А. Тихомиров называет учение об обязанностях монархического государства в отношении общества и личности. Одним из основных вопросов монархической политики он выставляет правильное определение компетенции монархического государства или, иными словами, определение тех пределов, в которых оно должно действовать и которые оно не должно переступать.

Пределы действия государства указываются Л.А. Тихомировым “обязанностью служить личности и обществу, как силам самобытным, а потому не делать ничего, уничтожающего и задушающего самостоятельность личности и общества”¹⁴.

Л.А. Тихомиров утверждает первенствующее значение основанного на нравственной высоте монархического принципа верховной власти. Появление государства с монархическим принципом верховной власти для Л.А. Тихомирова — это симптом высокого духовного, религиозно-нравственного состояния нации. Выгодами монархического правления являются следующие: наилучшее обеспечение единства власти, а значит и проистекающей из единства ее силы и прочности; независимость, непричастность частным и партийным интересам монархической власти¹⁵; монархическое правление наилучше обеспечивает порядок и наиболее справедливый третейский суд в социальных столкновениях; оно наиболее способно к крупным преобразованиям; монархия — это власть единоличная, поэтому при ней легче всего проявиться крупной творческой личности; она же и наиболее способна давать место сочетанию различных принципов власти в своей управительной системе.

Остальные принципы власти для Л.А. Тихомирова не могут нести функции верховенства с должной убедительностью.

¹⁴ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. СПб., 1992. С. 420.

¹⁵ “В отношении нации, — как говорил Л.А. Тихомиров, — Монарх не личность, а идея”.

Аристократический принцип из-за преобладания частного интереса над общегосударственным, из-за чрезмерной неподвижности, из-за неспособности к крупным преобразованиям и т.п. крайне мало пригоден к обязанностям верховной власти. Но сколь аристократический принцип слаб для верховной власти, столь он силен для образования правящего слоя и для управительной власти, в которой собственно и есть его место в идеальном государстве.

Также мало пригоден к верховной власти и демократический принцип, так как все хорошие свойства демократии могут проявляться только в маленьких государствах, где возможны всенародные собрания, на которых демократический принцип действует прямо, без “представительства” своей воли партийными политиками. Но опять же, как и в случае с аристократическим принципом, демократический хорошо действует в местных и корпоративных управительных делах, в которой возможно его прямое действие.

Аристократия и демократия, по Л.А. Тихомирову, обладают определенными положительными свойствами в области управительных властей, но обе непригодны для верховной власти. Монархия же, напротив, имеет множество свойств, необходимых для верховной власти.

Все же хорошие управительные качества единоличной власти (единство, энергия действия, концентрация власти и т.д.) могут подрываться ограниченным пределом действия единоличной власти. Поэтому для монархии свойственно стремление создавать сочетанную управительную власть, привлекая к государственному строительству все лучшие свойства двух других принципов власти, что происходит из-за относительной ограниченности единоличной власти при непосредственном управлении всеми текущими государственными делами.

Верховная властная роль монарха в государстве состоит в руководстве управительными властями, жестком контроле над ними и усовершенствовании их личного состава и структуры. Не сливаясь с управительной машиной государства, монарх приводит своей волей ее в действие, придавая ей направление и цель движения. “Верховная власть находится среди этих специализированных властей, как единственная универсальная, сохраняющая в себе все функции (законодательную, судебную, исполнительную)”¹⁶.

Задачей искусства управления, по Л.А. Тихомирову, является произведение наибольшего количества полезного действия с наименьшей затратой сил. Исходя из этого правила понятна необхо-

¹⁶ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 1905. Ч. IV. С. 214.

димось особенного контроля за его соблюдением в отношении верховной власти, силы которой ограничены личностью монарха.

Монархическая власть имеет множество управительных преимуществ, но область прямого действия, непосредственного участия у нее весьма ограничена, именно поэтому в монархическом государстве всегда сильно развита система передаточной власти. При такой системе монарх получает возможность не заниматься лично всеми делами государства, а лишь их контролировать и, если нужно, своим прямым вмешательством направлять ту или иную отрасль управительной власти в нужное русло. Государственный механизм должен функционировать самостоятельно в обычном порядке лишь под наблюдением монарха до тех пор, пока нет чрезвычайных ситуаций, выход из которых должен определяться верховной властью.

Идеальной целью управительных учреждений должно быть такое усовершенствование своей деятельности, чтобы монарху не требовалось непосредственно вмешиваться в обычный ход государственных дел. Но здесь же кроется и угроза узурпации управительными властями верховной власти, или, иначе говоря, опасность появления непроницаемого для мнений народа средостения и бюрократизации верховной власти. Избежать этого можно только при постоянном направлении и контроле верховной властью деятельности управительных бюрократических учреждений, а также налаженной системой контроля со стороны общественного самоуправления.

В организации административного управления монархического государства необходимо очень точно разграничивать сферы ведения народного самоуправления и бюрократического. Здесь надо заметить, что Л.А. Тихомиров утверждал необходимость вхождения института самоуправления в систему государственного управления, подведомственную верховной власти, поскольку не должно быть никакого государства в государстве, не подвластного верховной власти. При этом необходимо сочетать власть бюрократическую и общественную власть самоуправления.

“Система сочетания бюрократического и общественного управления, всегда бывшая во всех процветающих монархиях, не только прямо вытекает из смысла государства и монархического принципа, но составляет для Верховной Власти единственное средство создать действительно хорошее управление страной”¹⁷.

¹⁷ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 1905. Ч. IV. С. 196.

Л.А. Тихомиров формулирует царские принципы или обязательные действия и поведение монархической власти в отношении себя самой. Это в некотором смысле как бы внутренняя идеология монархического принципа.

Главным царским принципом Л.А. Тихомиров называет строжайшее следование долгу. Величайшим злом власти монархической здесь почитается переход ее в произвол. Следованию долгу сопутствует необходимость самообладания, являющаяся одной из главнейших целей царского воспитания. С долгом связаны и все другие царские принципы, заключающиеся в поддержании справедливости закона.

Царь ограничен содержанием того идеала, который является его долгом. Отсюда вытекает важный царственный принцип: “сознание своей безусловной необходимости нации”¹⁸. До тех пор пока нация хранит религиозно-нравственный идеал, царь необходим нации и это тот факт, в котором царь должен быть уверен.

Он не имеет право ограничить свой идеал, свою власть. Для него ограничение самодержавия должно пониматься как упразднение верховной Божественной власти в устройении общества. Царь не имеет на это права, так как в отношении своего идеала, выразителем которого он является, он есть лишь хранитель, доверенное лицо Божие. В отношении своего идеала монарх имеет только обязанности. Поэтому пока в нации религиозно-нравственный идеал признается за высший, монарх должен теснейшим образом общаться с нацией, без чего ему невозможно быть выразителем ее духа. Ему необходимо различать действительную волю нации и только кажущуюся. Действительная воля нации исходит из ее духа и национальной традиции, кажущаяся же навязывается ее сознанию разными партийными агитациями.

Все воспитание личности монарха в конечном счете сводится к подготовке его для исполнения своего царского долга, к восприятию царских династических традиций служения Богу, государству и нации. Монарх является преемником, продолжателем державного дела своих предков, также как его подданные являются продолжателями служения царям, которое они унаследовали у своих предков. Тут имеет место духовное единство верховной власти и народа, объединенных в служении друг другу.

«Династичность, — как писал Л.А. Тихомиров, — устраняет всякий элемент искания, желания, или даже просто согласия на

¹⁸ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. СПб., 1992. С. 456.

власть. Она предрекает за сотни и даже тысячи лет вперед для личности, еще даже не родившейся, обязанность несения власти и соответственно с тем ее права на власть. Такая “легитимность”, этот династический дух, выражают в высочайшей степени веру в силу и реальность идеала, которому нация подчиняет свою жизнь. Эта вера не в способность личности (как при диктатуре), а в силу самого идеала»¹⁹.

Метафизика и государство

Довольно давно было замечено различными учеными, что метафизические воззрения напрямую связаны с государственными и вообще правовыми — от того или иного восприятия Бога и мира как системы зависят и теоретические рассуждения о государстве и обществе. Церковь для теологического мирозерцания имеет параллелью в социальных отношениях идею государства как тела социума, в него входящего.

Современная Л.А. Тихомирову русская государственность находилась в неустойчивом состоянии. Государственный корабль крошился, разъединенный различными антигосударственными политическими кислотами. Нация находилась в страхе перед своим будущим. “Наши сограждане, — писал в начале XX столетия Л.А. Тихомиров, — ...совершенно растерялись. В ужасе они не знают, где искать спасения. Обычная жизнь человека в нормальное время со всех сторон окружена ясными рамками политических и социальных учреждений, охранена законом и властью. Теперь же все кругом рассыпается. Вся страна вообще и все ее жители в частности не знают, что с ними будет завтра, не знают, что будет сегодня: не ограбят ли? не сожгут ли? Не застрелят ли или не взорвут ли... Вокруг него (обывателя — *Прим. М.С.*) все перевернулось вверх дном, и жители, как слепые среди пропастей, не знают, куда ступить, где гибель, где торная дорога.

Как же им тут не обезуметь? А когда человека охватывает безумный страх перед жизнью, все его нравственные устои неизбежно расшатываются. Все соблазны низости, корысти, злобы, эгоизма усиливаются в десять и сотню раз, а спасительная нравственная сила сопротивления во столько же раз ослабляется в душе.

Как известно, главная опора духовной силы есть самообладание, а тут у всех является, напротив, полная растерянность”²⁰.

¹⁹ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 1905. Ч. IV. С. 37.

²⁰ Тихомиров Л.А. Христианство и политика // Апология веры и монархии. М., 1999. С. 112.

Л.А. Тихомиров считал, что христианская проповедь при подобном государственном хаосе способна заменить отсутствие правильного понимания социальных и государственных идеалов. Политическая наука у нас крайне молода и пока не может быть ведущей в области формирования положительных политических идеалов. Христианская же проповедь возрождает правильное отношение личности к обществу на основе христианской нравственности и, имея двухтысячелетнюю историю, может на исторических примерах раскрывать те базовые основы общественности, которые не исчезают, но подвергаются временным искажениям ради социальных экспериментов.

“Отрешившись от руководства, — утверждал Л.А. Тихомиров, — какое имели наши предки в христианстве, мы теперь не столько ведем строение, как мечемся среди противоречивых принципов, которыми доводим свое общество и государство до истинного разложения.

Если бы христианская проповедь твердо стала на свою почву, она, несомненно, снова помогла бы русскому народу выйти из этого мятущегося состояния. Но для этого нужно, чтобы христиане не боялись твердо противопоставить свою правду тем спутанным фантазиям, которые у нас выдаются за якобы научные системы общественного и политического строя”²¹.

Не надо делать из Церкви партию, сводя на уровень борющихся за земную власть, но для возрождения государственности в России необходимо дать политике духовную опору в христианском учении, внести ее философию как системообразующую в нашу политическую жизнь. Л.А. Тихомирову претило понятие “светского” государства, рожденного суетумудрием французских освободителей XVIII столетия. “Свое представление о том, в чем состоит главная, высшая мировая сила, и свое стремление быть с ней в гармонии человек налагает на все области своего творчества, в том числе и на государственность.

Поэтому государству приходится заботливо беречь и поддерживать все то, в чем происходит самое зарождение нравственного чувства”²².

Л.А. Тихомиров гениален в своем упорном и последовательном протесте против сумасшествия антигосударственных сил XIX и XX вв., решивших (с большей или меньшей степенью радикали-

²¹ Тихомиров Л.А. Христианство и политика. С. 115.

²² Тихомиров Л.А. Государственность и религия // Апология веры и монархии. С. 125.

зации этого требования), что социальная жизнь возможна и без государства в традиционном его понимании. Говоря языком крупнейшего немецкого правоведа XX столетия Карла Шмитта (1888–1985) о Л.А. Тихомирове, можно сказать, что он был политическим теологом, метафизиком монархической государственности.

Молодой Карл Шмитт писал об отношении метафизики и государства другими словами, но по сути дела в том же духе, в каком всю жизнь о них писал и Л.А. Тихомиров. “Все точные понятия, — утверждал К. Шмитт, — современного учения о государстве представляют собой секуляризированные теологические понятия... Чрезвычайное положение имеет для юриспруденции значение, аналогичное значению чуда для теологии. Только имея в виду подобные аналогии, можно понять то развитие, которое проделали в последние века идеи философии государства. Ибо идея современного правового государства реализуется совокупно с деизмом с помощью такой теологии и метафизики, которая изгоняет чудо из мира и которая так же отклоняет содержащееся в понятии чуда нарушение законов природы, устанавливающее исключение путем непосредственного вмешательства, как и непосредственное вмешательство суверена в действующий правопорядок”²³.

Чудо, о котором говорит К. Шмитт в государственном праве может быть названо чрезвычайным управлением, диктатурой или какой-нибудь подобной формой правления, не предусмотренной в обыкновенном (конституционном) порядке, но без которого государственность во времена глубоких кризисов, крупных (мировых) войн или каких-либо глобальных катастроф, рискует пасть под напором антигосударственных разрушительных сил, стремящихся использовать и использующих подобные ситуации. Это понимание было сформулировано уважаемым юристом в самом начале 1920-х гг. Для него, да и для Л.А. Тихомирова, верховной властью была та, которая может учреждать чрезвычайное положение в государстве или, иначе говоря, творить диктатуру.

Это понимание метафизики верховной власти, — поставленной для творения “чудес”, диктата вне законодательных актов управления государством, — занимает особое место в системе, разработанной Л.А. Тихомировым²⁴.

²³ Шмитт К. Политическая теология // Шмитт К. Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете. М., 2000. С. 57.

²⁴ См. его работы “О недостатках конституции 1906 года” (М., 1907), “Самодержавие и народное представительство” (М., 1907), “Верховная Власть и Основные Законы 1906 года” (М., 1909) и конечно “Монархическая государственность” (М., 1905).

Метафизическое сознание Л.А. Тихомирова при его глубоком самообразовании²⁵ и логической интуиции от Бога в области государственоведения дало необычное (для традиции либеральной и социалистической юриспруденции) понимание монархии и ее верховной власти. Его сознание исследователя шло вслед сознанию христианина в отношении к власти земной и желало видеть (и этим своим видением воспитывало и саму власть) в государе — владыку, во власти которого есть отблеск власти Владыки Вселенной (Вседержителя), как, впрочем, и в любой другой власти (начальника, отца и т.д.); хотело видеть благостность, личностность, авторитетность, покровительственность, идеальность и т.д.

Л.А. Тихомиров был, прежде всего, православным христианским мыслителем, что очень важно и для понимания его системы взглядов на государство и верховную власть. Идея жертвенности, столь понятная религиозным людям, ставится Л.А. Тихомировым в основание мощи государственной. Как церковь стоит кровью мучеников, укрепляющей дух верующих и пополняющих сонм небесных молитвенников, так и государство строится разнообразной жертвенностью его граждан. Никакие законы не заменят жертвенности. Юридические законы могут обеспечивать личные права гражданина и сохранность его собственности, но только жертвенность граждан относится к области неписаного нравственного императива, единственного жизненно необходимого для поддержания самого существования государства. Государство стоит до тех пор, пока граждане видят смысл жертвовать всем или многим во имя общего достояния.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- РГИА, ф. 472, оп. 43, д. 3а.
Катков В.Д. О русском самодержавии. Харьков, 1906.
Катков В.Д. Нравственная и религиозная санкция русского самодержавия. Харьков, 1907.
Маевский Вл. Революционер-монархист. Памяти Льва Тихомирова. Новый Сад, 1934. С. 71—72.
Понежин М.Ю. Доктрина монархической государственности Л.А. Тихомирова (философско-правовой анализ): Дисс. ... канд. юрид. наук. Ростов-н/Д., 2000.
Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 1905.
Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. СПб., 1992.
Тихомиров Л.А. Христианство и политика // Апология веры и монархии. М., 1999.

²⁵ Он не получил “правильного” и оконченного университетского образования, поскольку сидел в тюрьме.

Тихомиров Л.А. Государственность и религия // Апология веры и монархии. М., 1999.

Шмитт К. Политическая теология // Шмитт К. Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете. М., 2000. С. 57.

REFERENCES

RGIA, f. 472, op. 43, d. 3a (in Russian).

Katkov V.D. O russkom samoderzhavii [About Russian autocracy]. Har'kov, 1906 (in Russian).

Katkov V.D. Nravstvennaya i religioznaya sankciya russkogo samoderzhaviya [Moral and religious sanction of the Russian autocracy]. Har'kov, 1907 (in Russian).

Maevskij Vl. Revolyucioner-monarhist. Pamyati L'va Tihomirova [Revolutionary Monarchist. In memory of Lev Tikhomirov]. Novyj Sad, 1934. S. 71—72 (in Russian).

Ponezhin M. Yu. Doktrina monarhicheskoy gosudarstvennosti L.A. Tihomirova (filosofsko-pravovoj analiz): Diss. ... kand. jurid. nauk [The doctrine of monarchical statehood L.A. Tikhomirov (philosophical and legal analysis). Dis... cand. legal Sciences]. Rostov-n/D., 2000 (in Russian).

Tihomirov L.A. Monarhicheskaya gosudarstvennost' [Monarchical statehood]. М., 1905 (in Russian).

Tihomirov L.A. Monarhicheskaya gosudarstvennost' [Monarchical statehood]. SPb., 1992 (in Russian).

Tihomirov L.A. Hristianstvo i politika [Christianity and Politics] // Apologiya very i monarhii. М., 1999 (in Russian).

Tihomirov L.A. Gosudarstvennost' i religiya [Statehood and Religion] // Apologiya very i monarhii. М., 1999 (in Russian).

Shmitt K. Politicheskaya teologiya [Political Theology] // Shmitt K. Politicheskaya teologiya. Chetyre glavy k ucheniyu o suverenitete. М., 2000. С. 57 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2023-29-3-134-144

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНОСОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ В ПРИГРАНИЧЬЕ

А.В. Бредихин, канд. ист. наук, научный сотрудник Центра “Россия, Китай, Мир” Института Китая и современной Азии Российской академии наук, Нахимовский проспект, д. 32, г. Москва, Российская Федерация, 117997*

Этносоциальная идентификация актуализирует вопрос взаимодействия групп населения по обе стороны границы в условиях глобального мира. Поднимается вопрос двойной этнической идентификации жителей приграничных регионов, приобретении ими новых черт соседней культурной среды, формировании особенной пограничной идентичности. Подобные примеры есть в различных странах мира, в том числе Европейском Союзе, Соединенных Штатах Америки, Китайской народной республике и Российской Федерации. В рамках исследования автор использует следующие методы: исторический, геополитический и цивилизационный подходы, конкретноисторический, наблюдение и обобщение, системный социально-политический и этнический анализ, синтез. В выводах приходит к мнению о необходимости широкого изучения вопроса биэтноров отечественной социологической школой, актуализации данного направления в наши дни.

Ключевые слова: биэтноры, Евразия, Китай, Россия, социология пограничья, США, этническая идентификация.

ON THE ISSUE OF ETHNOSOCIAL IDENTIFICATION IN THE BORDER AREA

Bredikhin Anton V., PhD Hist., Researcher at the Center “Russia, China, the World” of the Institute of China and Modern Asia of the Russian Academy of Sciences, Nakhimovsky Prospekt, 32, Moscow, Russian Federation, 117997, e-mail: bredikhin90@yandex.ru

The Ethnosocial identification actualizes the issue of interaction of population groups on both sides of the border in a global world. The issue of dual ethnic identification of residents of border regions, their acquisition of new features of the neighboring cultural environment, the formation of a special border identity is raised. Similar examples exist in various countries of the world, including the European Union, the United States of America, the People's Republic of China and the Russian Federation. Within

* **Бредихин Антон Викторович**, e-mail: bredikhin90@yandex.ru

the framework of the research, the author uses the following methods: historical, geopolitical and civilizational approaches, concrete historical, observation and generalization, systemic socio-political and ethnic analysis, synthesis. In the conclusions, he comes to the opinion that there is a need for a broad study of the issue of biethnors in the national sociological school, the actualization of this direction in our days.

Key words: *biethnors, Eurasia, China, Russia, sociology of the border, USA, ethnic identification.*

Сегодня Россия, находясь в противостоянии с Западом, отчетливо воспринимает вызовы и угрозы, направленные на подрыв целостности русского народа. Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин отмечал: “Если мы пойдем по этому пути [распада России], я думаю, что судьбы очень многих народов России, и прежде всего, конечно, русского народа, могут кардинально поменяться, ну просто кардинальным образом... Я не знаю даже, сможет ли сохраниться такой этнос, как русский народ в том виде, в котором есть сегодня. Ну будут московиты какие-нибудь, уральцы и так далее”¹.

Целью данного исследования выступает анализ роли населения с двойной этнической идентичностью в пограничной среде.

В этой связи ставятся следующие **задачи**:

- охарактеризовать особенности этносоциальных идентичностей;
- выявить основные примеры биэтноров в мировой практике;
- проанализировать текущие формы биэтничности в приграничной среде Российской Федерации.

В рамках исследования автор использует следующие **методы**: исторический, геополитический и цивилизационный подходы, конкретноисторический, наблюдение и обобщение, системный социально-политический и этнический анализ, синтез.

Важной точкой в формировании региональных идентичностей выступил распад СССР, повлекший, по мнению А.В. Пастюк, “усиление региональной сопринадлежности, а значит и увеличение фрагментации идентичностей на всей территории постсоветского пространства”². Особенно чувствительно этот процесс отразился на приграничных регионах.

Социальная граница — “рубеж, устойчивое различие между соседствующими социумами, их структурными элементами и их

¹ Путин заявил, что русский народ может не сохраниться в случае распада России // ТАСС. URL: <https://tass.ru/politika/17143665> (дата обращения: 15.03.2023).

² Пастюк А.В. Обоснование трансформации культурно-цивилизационной идентичности на постсоветском пространстве // Science Time. 2014. № 12. С. 387–390.

представителями, иными субъектами, действующими в реальном социальном пространстве”³. Понятие носит как характер абстрактно-теоретический (социальная граница “как таковая”), так и прикладной, который правомерно использовать в социологическом анализе.

Мы же исходим из подхода, согласно которому пограничье выступает фронтирной, особой контактной зоной, где происходит пересечение двух и более народов, культур. Проживающее в пограничных регионах население может иметь как особую приграничную, так и двойную этническую идентичность (биэтноры), так и обе вышеуказанные идентичности.

Подобная возможность обуславливается позицией Ю.В. Бромлей, считавшего понятие “этническая общность” гораздо шире понятия “этнос” и говорившего о существовании других этнических общностей помимо этноса — субэтносов и метаэтносов.

Ю.В. Бромлей определяет субэтнос как культурно-специфическое внутреннее подразделение этноса, образующееся в результате формирования особенностей самосознания различных частей этнических общностей (например, донские казаки). Метаэтнос — надэтническое объединение “высшего таксономического уровня”, представляющее собой совокупность этносов с общими чертами культуры, общими ценностями, целями развития и единым самосознанием (например, на его взгляд, такая “новая социально-историческая общность людей”, как советский народ)⁴.

Это не противоречащие друг другу тенденции. Как указывает Л.Н. Гумилев, “Субэтнос — элемент структуры этноса, взаимодействующий с прочими. При упрощении системы в финальной стадии этногенеза число субэтносов сокращается до одного, который становится реликтом”⁵. А по мнению С.О. Елишева, примерами субэтносов внутри русского народа являются поморы, старообрядцы, донские, терские, кубанские казаки и т.д.⁶

Под *биэтнорами* мы понимаем людей, имеющих двойную этническую самоидентификацию, в связи со своим происхождением и влиянием культуры региона проживания. Биэтноры не всегда являются билингвами, что соответствует академическим дискуссиям о

³ *Беспамятных Н.Н.* Понятие границы в социологической теории // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 5. Экономика. Социология. Биология. 2012. № 1 (125). С. 43–48.

⁴ *Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. М., 1983.

⁵ *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли / Под ред. В.С. Жекулина, вступ. ст. Р.Ф. Итса. Л., 1990.

⁶ *Елишев С.О.* Основы национальной политики. М., 2012.

роли языка в этносамоидентификации. Увеличение числа биэтноров подтверждает тенденции глобализации и, как указывают К. Смит и П. Леви, “гибридные идентичности по-прежнему преобладают в общинах меньшинств или иммигрантов, но это не единственные места гибридизации в глобализованном мире. Учитывая сжатый мир и ограниченное состояние, идентичности для всех людей и коллективных сущностей становятся все более сложными”⁷.

В процессе своего развития биэтноры проходят три этапа этноцентризма (отрицание различий, защита от различий с их оценкой в пользу своей группы, минимизация различий) и три этапа этнорелятивизма (принятие различий, адаптация к культурным или групповым различиям, интеграция)⁸. Соответственно, статус биэтноров в системе этносоциальных отношений приграничья открывает целый ряд возможностей для граничащих государств в рамках формирования объединенного социокультурного пространства в пограничной среде с максимальной открытостью и интеграцией проживающего там населения. Подобная форма наиболее широко применяется при создании еврорегионов.

Еще одним международным примером выступает американо-мексиканский фронт. Именно там, по оценке Глории Анзалдуа, в результате многочисленных пограничных конфликтов и миграционных перемещений создана новая дуалистическая идентичность жителей пограничной среды (чикано), которые одновременно мексиканцы и американцы. Однако же они не только являются биэтнорами, но и создают свою особую приграничную культуру: “...если мне будет отказано в возвращении домой, тогда мне придется встать и заявить права на свое пространство, создавая новую культуру — *una cultura mestizo* — из моих собственных досок, моих собственных кирпичей и раствора и моей собственной феминистской архитектуры”⁹.

Формирование двойственного самосознания у народов базируется на восприятии русских в качестве суперэтнуса, как это было в дореволюционной России. Всероссийская перепись населения 2020 г. наглядно продемонстрировала факт наличия биэтноров в различных регионах нашей страны. Среди многообразия народов Российской Федерации акцентируем внимание на тех, которые имеют двойную этносамоидентификацию, связанную со славян-

⁷ Hybrid identities // Theoretical and Empirical Examinations Series: Studies in Critical Social Sciences. 2008. Vol. 12.

⁸ Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М., 1999.

⁹ Anzaldúa G. Borderlands: the new Mestiza = La Frontera. San Francisco, 1987.

скими народами, это аваро-украинцы, адыгейские казаки (национальность адыгейцы), азербайджано-русские, армяно-болгары, армяно-русские, армяно-украинцы, нахичеванцы с языком русским (национальность армяне), русские армяне, русско-армяне с языком армянским, башкиро-русские, казаки с языком башкирским (национальность башкиры), белорусо-татары, болгаро-русские, греко-русские, русские греки, русские евреи, испанороссияне, казахо-русские, казаки с языком калмыцким (национальность калмыки), русские корейцы и другие. Как видим, двойная самоидентификация формируется в зависимости от территории проживания и культурного влияния окружающей среды.

В отечественной историографии данная проблема актуализируется В.В. Бубликовым¹⁰ совместно с Н.В. Люля¹¹, А.С. Свидовской¹², А.А. Ткачевым¹³ в отношении русско-украинских биэтноров, проживающих в различных регионах Российской Федерации (приграничья России и Украины, Алтайского края, Приморского края и Омской области). Целью реализованного ими проекта “Множественная русско-украинская этническая идентичность в России и ее региональные особенности” выступало “комплексное исследование особенностей самосознания и этнокультурных характеристик населения России с множественной русско-украинской этнической идентичностью, выявление ее региональных особенностей и потенциала воспроизводства”¹⁴.

В среде российского приграничья двойная идентичность присутствует достаточно широко. По данным Д.А. Омельченко, С.Г. Максимовой, О.Е. Ноянзиной, О.В. Суртаевой, порядка 11,5% жителей Республики Алтай имеют смешанные идентичности (русская и кумандинская, русская и алтайская, русская и мордовская), а

¹⁰ Бубликов В.В. Этническое и гражданское в национальной идентичности россиян (на примере русско-украинских биэтноров) // Социология религии в обществе позднего модерна. 2021. № 10. С. 218–224; Он же. Между русскими и украинцами: трансформация этнической идентичности лиц с русско-украинской этничностью в России // Этнографическое обозрение. 2022. № 2. С. 168–187.

¹¹ Бубликов В.В., Люля Н.В. Результаты полевых исследований среди жителей с русско-украинской этнической идентичностью в регионах России // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история и музееведение). 2021. № 16. С. 191–195.

¹² Бубликов В.В., Свидовская А.С. Родной язык и этническая идентичность среди русско-украинских биэтноров в России // Вестник антропологии. 2022. № 3. С. 99–120.

¹³ Бубликов В.В., Ткачев А.А. Население с множественной этничностью (национальностью) и прогноз его фиксации в ходе Всероссийской переписи населения 2021 г. // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8. № 1. С. 95–108.

¹⁴ Бубликов В.В., Люля Н.В. Указ. соч.

в Новосибирской области таких 5,9% (русские и чалдоны, кумыки, цыгане, белорусы, украинцы, мордва)¹⁵. Российско-китайское приграничье выступает территорией соприкосновения двух культур, взаимообогащения двух народов, а потомки русских переселенцев в Китае относятся, согласно классификатору китайских этнографов, к этническим группам смешанного происхождения — “хуньсюэ миньцзу” и, сохраняя русскую идентичность, соотносят себя и с китайской нацией.

Классическим примером российской пограничной идентичности выступает казачество, рассматривая которое в качестве субэтнической группы, можно указать на наличие двойной этноидентичности у членов казачьих обществ, групп лиц, относящих себя к казачеству из числа народов, чьи представители исторически входили в состав казачьего сословия: калмыков, осетин, татар и др.¹⁶ В настоящее время устойчивое большинство казаков как регионов Юга России, так и регионов нетрадиционного проживания, имеет устойчивую двойную этноидентификацию (русскую и казачью).

В своем подходе мы солидарны с позицией Р.Ф. Туровского, согласно которой «развитие регионального самосознания во многом было стимулировано региональными элитами, преследовавшими свои политические интересы, ростом их политических амбиций... деятельность элит затронула “спящие” пласты общественного сознания»¹⁷. Действительно, в период Возрождения казачества, начавшегося в 1980-х гг., именно казачьи элиты выступали стимулирующей к развитию казачьих обществ силой, они инкорпорировались в систему региональных властей, будучи избранными региональными и муниципальными депутатами, получая позиции заместителей губернаторов и заместителей глав районов, представляя регион на федеральном уровне в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации.

В период проведения Всероссийских переписей населения именно от активности или пассивности казачьих элит в актуализации вопроса этносамоидентификации российского казачества, отстаивании результатов, напрямую зависели количественные пока-

¹⁵ Омельченко Д.А., Максимова С.Г., Ноянзина О.Е., Суртаева О.В. Региональные пространства религиозных идентичностей сибирского приграничья: кейсы четырех регионов // Методология предотвращения угроз в XXI веке: Сб. ст. Иркутск, 2022. С. 118–123.

¹⁶ Бредихин А.В. Этносоциальная идентичность современного российско-го казачества // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. № 61. С. 6–18.

¹⁷ Туровский Р.Ф. Региональная идентичность в современной России // Российское общество: становление демократических ценностей? М., 1999. С. 87–136.

затели численности граждан, указавших в графе “национальность” “казак”¹⁸.

Критическое несогласие вызывает позиция М.П. Крылова, согласно которой необходимо отдавать предпочтение работе с местным экспертным сообществом, «неформальной группе, которая демонстрирует определенную установку на личностную ответственность за судьбу края, при этом не “участвующую во власти”»¹⁹. Важным положением является то, что представители этой группы (учителя, работники музеев, краеведы, журналисты и др.), будучи активным меньшинством, местной культурной элитой, выступают в качестве реальных носителей региональной и этнокультурной идентичности²⁰.

В случае с казачеством складывается ситуация, когда экспертное сообщество формируется из числа участников Возрождения казачества (истории, культуры, военного дела), выступает интегрированным в казачью элиту сообществом, выражая во многом субъективную оценку происходящих в казачестве процессов.

Еще одним примером наслаивающихся друг на друга этнических и социальных идентичностей, сформировавшимся в северо-западной пограничной зоне, выступают поморы. Поморы сочетают в себе одновременно такие идентичности, как поморы (субэтническая группа русского народа), архангелогородец/северянин (место жительства/рождение), русские (этническая принадлежность, культурные ценности), россияне (нация)²¹. Их множественная идентичность на протяжении долгого времени выступает предметом научных спекуляций со стороны европейских стран, используется в качестве фактора дестабилизации региона и развития сепаратистских тенденций.

На основании изложенного переходим к выводам.

Во-первых, приграничье выступает уникальной территорией, удаленной от Центра и соприкасающейся с другими государствами. Изучение социальных институтов и этносоциальных явлений, происходящих в ее среде, является достаточно актуальной и перспективной задачей.

¹⁸ Бредихин А.В., Дзюбан В.В., Третьяков А.В. Донская казачья элита как элемент этнокультурного Возрождения казачества // Альманах “Казачество”. 2021. № 54. С. 7–13.

¹⁹ Крылов М.П. Региональная идентичность в Европейской России: Автореф. дисс. ... докт. геогр. наук. М., 2007.

²⁰ Там же.

²¹ Пыжова А.Н. Этническая идентичность поморов Архангельской области через призму основных антропологических подходов // Арктика и Север. 2012. № 7. С. 37–44.

Во-вторых, “живой” характер границ, их подвижность способствуют формированию, с одной стороны, единой для всего пограничья культуры и идентификации, а с другой — увеличивают количество биэтнического населения, имеющего исторически сложившуюся этническую идентификацию в то же время оказавшегося вовлеченным посредством культурной среды в этноидентификацию среды проживания.

В-третьих, в российском пограничье двойная этноидентификация имеет широкое распространение, а данный фактор может быть использован как для укрепления связей с граничащими с Российской Федерацией странами, так и для дестабилизации приграничных территорий. В связи с чем актуализируется проблематика их изучения российской социологической школой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Беспмятных Н.Н. Границы и пограничья: подходы, понятия, перспективы. Минск, 2012.

Беспмятных Н.Н. Понятие границы в социологической теории // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 5. Экономика. Социология. Биология. 2012. № 1 (125). С. 43–48.

Бредихин А.В. Этносоциальная идентичность современного российского казачества // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. № 61. С. 6–18.

Бредихин А.В., Дзюбан В.В., Третьяков А.В. Донская казачья элита как элемент этнокультурного Возрождения казачества // Альманах “Казачество”. 2021. № 54. С. 7–13.

Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983.

Бубликов В.В. Этническое и гражданское в национальной идентичности россиян (на примере русско-украинских биэтносов) // Социология религии в обществе позднего модерна. 2021. № 10. С. 218–224.

Бубликов В.В. Между русскими и украинцами: трансформация этнической идентичности лиц с русско-украинской этничностью в России // Этнографическое обозрение. 2022. № 2. С. 168–187.

Бубликов В.В., Люля Н.В. Результаты полевых исследований среди жителей с русско-украинской этнической идентичностью в регионах России // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история и музееведение). 2021. № 16. С. 191–195.

Бубликов В.В., Свидовская А.С. Родной язык и этническая идентичность среди русско-украинских биэтносов в России // Вестник антропологии. 2022. № 3. С. 99–120.

Бубликов В.В., Ткачев А.А. Население с множественной этничностью (национальностью) и прогноз его фиксации в ходе Всероссийской переписи населения 2021 г. // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8. № 1. С. 95–108.

Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Под ред. В.С. Жекулина, вступ. ст. Р.Ф. Итса. Л., 1990.

- Елишев С.О. Основы национальной политики. М., 2012.
- Карпиленя Н.В. Обоснование основ философии и методологии геополитики для формирования многополярного мира // Архонт. 2022. № 5(32). С. 4–46.
- Крылов М.П. Региональная идентичность в Европейской России: Автореф. дисс. ... докт. геогр. наук. М., 2007.
- Культурная сложность современных наций / Отв. ред. В.А. Тишков, Е.И. Филиппова. М., 2016.
- Омельченко Д.А., Максимова С.Г., Ноянзина О.Е., Суртаева О.В. Региональные пространства религиозных идентичностей сибирского приграничья: кейсы четырех регионов // Методология предотвращения угроз в XXI веке: Сб. ст. Иркутск, 2022. С. 118–123.
- Осипова Н.Г., Елишев С.О. Историческая Россия: теории и перспективы. М., 2020.
- Пастюк А.В. Обоснование трансформации культурно-цивилизационной идентичности на постсоветском пространстве // Science Time. 2014. № 12. С. 387–390.
- Путин заявил, что русский народ может не сохраниться в случае распада России // ТАСС. URL: <https://tass.ru/politika/17143665> (дата обращения: 15.03.2023).
- Пыжова А.Н. Этническая идентичность поморов Архангельской области через призму основных антропологических подходов // Арктика и Север. 2012. № 7. С. 37–44.
- Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М., 1999.
- Туровский Р.Ф. Региональная идентичность в современной России // Российское общество: становление демократических ценностей? М., 1999. С. 87–136.

REFERENCES

- Anzaldúa G. Borderlands: the new Mestiza = La Frontera. San Francisco, 1987.
- Bespalmyatnyh N.N. Granicy i pogranich'ya: podhody, ponyatiya, perspektivy [Borders and Borderlands: Approaches, Concepts, Perspectives]. Minsk, 2012 (in Russian).
- Bespalmyatnyh N.N. Ponyatie granicy v sociologicheskoy teorii [The concept of border in sociological theory] // Vestnik Grodnenskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yanki Kupaly. Seriya 5. Ekonomika. Sociologiya. Biologiya. 2012. N 1 (125). S. 43–48 (in Russian).
- Bredihin A.V. Etnosocial'naya identichnost' sovremennogo rossijskogo kazachestva [Ethno-social identity of the modern Russian Cossacks] // Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyy vestnik. 2017. N 61. S. 6–18 (in Russian).
- Bredihin A.V., Dzyuban V.V., Tret'yakov A.V. Donskaya kazach'ya elita kak element etnokul'turnogo Vozrozhdeniya kazachestva [Don Cossack elite as an element of the ethno-cultural Revival of the Cossacks] // Al'manah "Kazachestvo". 2021. N 54. S. 7–13 (in Russian).
- Bromlej Yu. V. Ocherki teorii etnosa [Essays on the theory of ethnos]. M., 1983 (in Russian).
- Bublikov V.V. Etnicheskoe i grazhdanskoe v nacional'noj identichnosti rossiyan (na primere russko-ukrainskih biethnorov) [Ethnic and Civil in the National Identity of Russians (on the Example of Russian-Ukrainian Biethnics)] // Sociologiya religii v obshchestve pozdnego moderna. 2021. N 10. S. 218–224 (in Russian).

Bublikov V.V. Mezhdru russkimi i ukraincami: transformaciya etnicheskoy identichnosti lic s russko-ukrainskoj etnichnost'yu v Rossii [Between Russians and Ukrainians: the transformation of the ethnic identity of persons with Russian-Ukrainian ethnicity in Russia] // *Etnograficheskoe obozrenie*. 2022. N 2. S. 168–187 (in Russian).

Bublikov V.V., Lyulya N.V. Rezul'taty polevyh issledovaniy sredi zhitelej s russko-ukrainskoj etnicheskoy identichnost'yu v regionah Rossii [The results of field research among residents with Russian-Ukrainian ethnic identity in the regions of Russia] // *Polevye issledovaniya v Verhnem Priob'e, Priirtshe i na Altae (arheologiya, etnografiya, ustnaya istoriya i muzevedenie)*. 2021. N 16. S. 191–195 (in Russian).

Bublikov V.V., Svidovskaya A.S. Rodnoj yazyk i etnicheskaya identichnost' sredi russko-ukrainskih biethnrov v Rossii [Native language and ethnic identity among Russian-Ukrainian bi-ethnics in Russia] // *Vestnik antropologii*. 2022. N 3. S. 99–120 (in Russian).

Bublikov V.V., Tkachev A.A. Naselenie s mnozhestvennoj etnichnost'yu (nacional'nost'yu) i prognoz ego fiksacii v hode Vserossijskoj perepisi naseleniya 2021 g. [Population with multiple ethnicity (nationality) and the forecast of its recording during the All-Russian population census in 2021] // *Nauchnyj rezul'tat. Sociologiya i upravlenie*. 2022. T. 8. N 1. S. 95–108 (in Russian).

Elishev S.O. Osnovy nacional'noj politiki [Fundamentals of national policy]. M., 2012 (in Russian).

Gumilyov L.N. Etnogenez i biosfera Zemli [Ethnogenesis and the biosphere of the Earth] / Pod red. V.S. Zhekulina, Vstup. st. R.F. Itsa. L., 1990 (in Russian).

Hybrid Identities // *Theoretical and Empirical Examinations Series: Studies in Critical Social Sciences*. 2008. Vol. 12.

Karpilenya N.V. Obosnovanie osnov filosofii i metodologii geopolitiki dlya formirovaniya mnogopolyarnogo mira [Substantiation of the foundations of the philosophy and methodology of geopolitics for the formation of a multipolar world] // *Arhont*. 2022. N 5 (32). S. 4–46 (in Russian).

Krylov M.P. Regional'naya identichnost' v Evropejskoj Rossii: Avtoref. diss. ... dokt. geogr. Nauk [Regional identity in European Russia: Abstract of the thesis. diss. ... doc. geogr. Sciences]. M., 2007 (in Russian).

Kul'turnaya slozhnost' sovremennyh nacij [Cultural complexity of modern nations] / Otvet. red. V.A. Tishkov, E.I. Filippova. M., 2016 (in Russian).

Omel'chenko D.A., Maksimova S.G., Noyanzina O.E., Surtaeva O.V. Regional'nye prostranstva religioznyh identichnostej sibirskogo prigranich'ya: kejsy chetyreh regionov [Regional Spaces of Religious Identities of the Siberian Borderlands: Cases of Four Regions] // *Metodologiya predotvrashcheniya ugroz v XXI veke: Sb. st. Irkutsk*, 2022. S. 118–123 (in Russian).

Osipova N.G., Elishev S.O. Istoricheskaya Rossiya: teorii i perspektivy [Historical Russia: Theories and Perspectives]. M., 2020 (in Russian).

Pastyuk A.V. Obosnovanii transformacii kul'turno-civilizacionnoj identichnosti na postsovet'skom prostranstve [Substantiation of the transformation of cultural and civilizational identity in the post-Soviet space] // *Science Time*. 2014. N 12. S. 387–390 (in Russian).

Putin zayavil, chto russkij narod mozhet ne sohranit'sya v sluchae raspada Rossii [Putin said that the Russian people may not be preserved in the event of the collapse of Russia] // TASS. URL: <https://tass.ru/politika/17143665> (data obrashcheniya: 15.03.2023) (in Russian).

Pyzhova A.N. Etnicheskaya identichnost' pomorov Arhangel'skoj oblasti cherez prizmu osnovnyh antropologicheskikh podhodov [Ethnic identity of the Pomors of the Arkhangelsk region through the prism of the main anthropological approaches] // *Arktika i Sever*. 2012. N 7. S. 37–44 (in Russian).

Sadowski A. Harmonia i konflikty na pograniczach // *Pogranicza etniczne w Europie: harmonia i konflikty* / Red. K. Krzysztofek, A. Sadowski. Białystok, 2001.

Stefanenko T.G. Etnopsihologiya [Ethnopsychology]. M., 1999 (in Russian).

Turovskij R.F. Regional'naya identichnost' v sovremennoj Rossii [Regional Identity in Modern Russia] // *Rossijskoe obshchestvo: stanovlenie demokraticeskikh cennostej?* M., 1999. S. 87–136 (in Russian).

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

DOI: 10.24290/1029-3736-2023-29-3-145-165

СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ЭПОХУ “НАДЗОРНОГО КАПИТАЛИЗМА”: ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ВЛАСТЬ АЛГОРИТМОВ*

О.В. Гавриленко, канд. социол. наук, зав. кафедрой социальных технологий социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234**

“Надзорный капитализм” пока еще не является устойчивым термином, используемым в социальных науках, хотя давно ведутся научные дискуссии об основных технологиях такого экономического порядка — цифровых информационно-коммуникативных технологиях, алгоритмах, данных, искусственном интеллекте, нейросетях, интернете вещей и др. В свое время компания Google совершила революцию в области прогнозной аналитики и способствовала развитию “надзорного капитализма”. Компания стала уделять особое внимание извлечению и анализу данных при осуществлении операций по переводу текстов, распознаванию речи, обработке изображений, ранжированию и т.п. Google начала превращать данные (сырье) в интеллектуальные продукты — алгоритмы, предназначенные для прогноза поведения пользователей. Эти прогнозные продукты стали использоваться для продажи другим организациям, которые увеличивают свою прибыль, улучшая свои предсказательные возможности при осуществлении маркетинговой деятельности. Умные машины уже не только научились познавать человека, они пытаются подтолкнуть его к принятию определенных решений, к запрограммированной поведенческой реакции на тот или иной стимул, что ведет к увеличению доходов “надзорных капиталистов” (и, прежде всего, доходов владельцев цифровых платформ). Иными словами, машины задают поведение человека, автоматизируя различные процессы, все это приводит к появлению нового типа власти — власти “инструментальной” (автоматизирование жизни индивидов с помощью повсеместного внедрения “умных” сетевых устройств, формирования “умного” пространства, “умных” домов). Алгоритмы проникают в самые разные сферы, на основе алгоритмов принимаются управленческие решения, функционируют

* Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета “Математические методы анализа сложных систем”.

** Гавриленко Ольга Владимировна, e-mail: ol.gavrilenko2014@yandex.ru

современные города. И неизбежно возникают вопросы о социальных последствиях повсеместной алгоритмизации и цифровизации, безопасности хранения данных, пределах оцифровки социального мира.

Ключевые слова: надзорный капитализм, социальный контроль, цифровые технологии, алгоритмы, большие данные, искусственный интеллект.

SOCIAL TECHNOLOGIES IN THE ERA OF “SUPERVISORY CAPITALISM”: DIGITALIZATION AND THE POWER OF ALGORITHMS

Gavrilenko Olga V., Doctor of Sociology, Associate Professor, Head of Social Technologies department, Faculty of sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, e-mail: ol.gavrilenko2014@yandex.ru

“Surveillance capitalism” is not yet a sustainable term used in the social sciences, although there has long been scientific debate about the basic technologies of this economic order — digital information and communication technologies, algorithms, data, artificial intelligence, neural networks, the Internet of things, etc. At the time, Google had revolutionized the field of predictive analysis and promoted “surveillance capitalism”. The company began to pay special attention to extracting and analyzing data in translation operations, speech recognition, image processing, ranking, etc. Google began to turn data (raw materials) into intelligent products — algorithms designed to predict user behavior. These predictive products have been used for sale to other organizations that are increasing their profits by improving their predictive marketing capabilities. Smart machines are no longer just learning to know a man his behavior, they are trying to push him into making certain decisions, into programmed behavioral responses to some stimulus, which leads to an increase in the earnings of “supervising capitalists” (and, above all, the income of owners of digital platforms). That is, by automating various processes, machines set the human behavior that leads to the emergence of a new type of power — the “instrumental” power (automation of life of individuals by means of universal implementation of “smart” network devices, formation of “smart” space, “smart” houses). Algorithms penetrate into a variety of spheres, on the basis of algorithms management decisions are made and modern cities function. However, questions inevitably arise about the social consequences of widespread algorithmization and digitalization, the security of data storage, the limits of digitizing the social world.

Key words: supervisory capitalism, social control, digital technologies, algorithms, big data, artificial intelligence.

Цифровизация сегодня становится как средой реализации повседневных практик индивида, так и средой государственного управления, функционирования коммерческих организаций. Современное общество начинает жить в новую эпоху, эпоху “надзорного капитализма”, понимаемого Ш. Зубофф как “новый экономический порядок, который претендует на человеческий опыт как на сырье, бесплатно доступное для скрытого коммерческого извлече-

ния, прогнозирования и продажи”¹. Основной угрозой человечеству вдруг становится цифровая архитектура, технологическая основа цифрового общества (большие данные, искусственный интеллект, интернет вещей и т.п.). “Надзорный капитализм” — это новый социальный порядок, формирующийся у нас на глазах, новая форма власти, которая не подчиняется контролю “снизу”, не встречает особого сопротивления со стороны государства и общества, так как уже воспринимается вполне органично как среда реализации социальных практик.

Современная жизнь создает такие условия, в которых для того, чтобы не отстать и быть в курсе происходящего, индивид постоянно должен искать информацию и сам генерировать данные. Необходимость быть все время на связи, планирование и корректировка повседневных планов, навигация, пользование многочисленными услугами предполагают регулярное обращение к сетевым ресурсам. Индивиды оставляют свои цифровые следы в виде интернет-запросов, маршрутов передвижения, персональных данных или отбрасывают “цифровую тень” и проявляются через действия других, например, будучи упомянутыми в социальных сетях другими пользователями². Цифровизация повседневной жизни индивида происходит достаточно стремительно, повсеместное внедрение цифровых технологий снизило чувствительность населения к нарушению приватности жизни и одновременно остро поставило вопрос о безопасности данных, генерируемых индивидами и машинами. Цифровые платформы занимаются сбором пользовательских данных, которые индивиды предоставляют, особо не задумываясь. Сегодня, рассуждая о больших данных, чаще говорят о перспективах и направлениях их использования, но ключевыми проблемами все же остаются сохранение безопасности данных и этические проблемы нарушения границ частной жизни в цифровой реальности. “Неприкосновенность частной жизни считается основополагающим правом человека, ценным и гарантированным условием жизни в развитых странах. Однако по мере того как датчики, камеры, смартфоны и другие встроенные и портативные устройства производят все больше данных, защищать последние становится все труднее, ведь люди оставляют все больше цифровых следов (данных, которые они производят сами) и цифровых теней (информации, которую собирают о них другие). Такие архивы данных позволяют осуществлять дата-

¹ Зубовф III. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. М., 2022. С. 10.

² Запорожец О., Лапина-Кратасюк Е. Сетевой/цифровой/умный город: фасады и задворки // Сети города: Люди. Технологии. Власть. М., 2021. С. 20.

надзор (вид цифровой слежки при помощи сортировки и просеивания массивов данных с целями идентификации, мониторинга, отслеживания, регулирования, предсказания и рекомендаций) и геонадзор (отслеживание местоположения и перемещения людей, транспортных средств, товаров и услуг, мониторинг пространственных взаимодействий)”³.

Одной из проблем активного внедрения смарт-технологий в управленческие и повседневные практики является обеспечение безопасности данных и кибербезопасности. “Технологии умных городов полностью построены на компьютерных сетевых взаимодействиях, поэтому пользоваться уязвимостями систем можно на расстоянии, кибератаки легко замаскировать, преступники меньше подвергают себя риску, а поймать их значительно сложнее”⁴. Последствия действий киберпреступников могут быть крайне опасны. Так, атаки на технологическую инфраструктуру умного города в условиях “заточенности” всех процессов на “цифру” могут привести к коллапсу систем жизнеобеспечения города. Как отмечают Р. Китчин и М. Додж, кибератаки используют типичные проблемы цифровых технологий, связанные с системами умных городов: 1) слабая защита программного обеспечения и шифрования данных; 2) использование небезопасных устаревших систем и их плохая техническая эксплуатация; 3) сложность систем умного города и множество возможностей для кибератак; 4) человеческий фактор (например, должностные преступления, действия обиженных уволенных работников, имевших доступ к персональным данным); 5) влияние факторов, связанных с городским управлением (дефицит инвестиций в технологическую инфраструктуру, неразвитые цифровые компетенции чиновников и т.п.)⁵.

Несмотря на постоянную риторику о новой цифровой реальности, в которой человечество начинает жить, не следует забывать о том, что доступ к провозглашаемым “благам” цифровизации имеют далеко не все. Цифровое неравенство становится новым видом социального неравенства в современном мире. “Активное и повсеместное распространение информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) стало источником нового социального разрыва — между теми, кто имеет доступ к этим технологиям и

³ Китчин Р. Сетевой урбанизм, основанный на данных // Сети города: Люди. Технологии. Власти. С. 75.

⁴ Там же. С. 107.

⁵ Китчин Р., Додж М. (Не)безопасность умных городов: проблемы, риски, а также смягчение и предупреждение негативных последствий // Сети города: Люди. Технологии. Власти. С. 110–115.

вытекающим из них преимуществам, а также теми, у кого такой доступ отсутствует или ограничен”⁶. Цифровой разрыв учеными рассматривается как новая форма социальной эксклюзии, при которой наблюдаются отсутствие равного доступа к информационно-коммуникативным технологиям, различный уровень владения цифровыми навыками и компетенциями и вытекающие из этого неравные жизненные шансы и возможности⁷. «Алгоритмы приводят в действие механизм “ловушки бедности”. С одной стороны, они углубляют социальный разрыв, основывающийся на присущих индивидам социально-демографических (например, возраст, уровень образования, наличие социальных связей) и социально-экономических характеристиках. С другой стороны, создают новые формы неравенства, обусловленные необходимостью владеть специфическими алгоритмическими навыками, доступ к получению которых ограничен»⁸. Росту социального неравенства способствуют различные инструменты, используемые в цифровой среде, такие как алгоритмы социального ранжирования и рейтингования индивидов (система “социального кредита” в Китае). Цифровое неравенство усиливается также благодаря разному уровню осведомленности о работе алгоритмов, неразвитости цифровых навыков и компетенций, различным формам “скрытой” дискриминации (отдельные категории граждан могут попадать под более жесткие формы цифрового надзора).

В силу существования цифрового неравенства далеко не все российское население погружено в цифровую реальность, остаются возможности периодически совершать экономические, политические и социальные практики без обращения к цифровым сервисам и платформам (например, совершать покупки за наличные деньги, голосовать, приходя лично на избирательные участки, не использовать смартфон для повседневных практик). Но логика принятия государственных решений и федеральных законов свидетельствует о наличии задачи по тотальной цифровизации повседневности и социальных практик⁹. Так, в соответствии с задачами реализации

⁶ *Осипова Н.Г.* Социальное неравенство в современном мире // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. Т. 25. № 4. С. 124–153. DOI: doi.org/10.24290/1029-3736-2019-25-4-124-153. С. 141.

⁷ Там же. С. 143.

⁸ *Мартыненко Т.С., Добринская Д.Е.* Социальное неравенство в эпоху искусственного интеллекта: от цифрового к алгоритмическому разрыву // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 1. С. 181.

⁹ См., например: Распоряжение Правительства РФ от 20 февраля 2021 г. № 431-р Об утверждении Концепции цифровой и функциональной трансформации социальной сферы, относящейся к сфере деятельности Министерства труда и со-

программы развития цифровой экономики в России к 2025 г. взаимодействие населения и государства должно постепенно перейти в электронный формат, что потребует не только серьезной цифровой трансформации различных министерств, ведомств и организаций, занятых предоставлением социальных услуг населению, но и разработки жизнеспособной системы обеспечения безопасности персональных данных.

Данные сегодня становятся основным ресурсом, на котором строится современная экономика, принимаются ключевые решения власти и т.п. Вокруг проблематики больших данных выстраиваются различного рода дискуссии, способствуя “мифологизации” больших данных и формированию веры во “всемогущество” данных. Датаизм становится новой современной идеологией, формируя убежденность в возможности “оцифровки всего социального”, веру в объективную количественную оценку и потенциал отслеживания всех видов человеческого поведения и социальности с помощью цифровых информационно-коммуникативных технологий, в предсказательные возможности искусственного интеллекта, доверие к агентам, которые собирают, интерпретируют и распространяют (мета)данные, найденные в интернете и социальных сетях¹⁰.

Компания Google в свое время совершила определенную революцию в области прогнозной аналитики и способствовала развитию “надзорного капитализма”. Данная организация в определенный период времени стала уделять особое внимание “извлечению и анализу данных”¹¹; извлечение связано с материальной инфраструктурой и доступом к данным, а анализ относится к использованию узкоспециализированных вычислительных систем, технологий машинного интеллекта. При осуществлении операций по переводу, распознаванию речи, обработке изображений, ранжированию и т.п. Google превращает данные (сырье) в интеллектуальные продукты — алгоритмы, предназначенные для прогноза поведения пользователей. Именно эти прогнозные данные обладают особой ценностью как для коммерческих, так и для государственных организаций. На этом раннем этапе развития Google все те данные, что пользователи поиска непреднамеренно отдавали компании (число и последовательность поисковых слов, точная формулировка запроса

циальной защиты РФ, на период до 2025 г. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400288029/#review> (дата обращения: 20.01.2023).

¹⁰ Подробнее см.: *Van Dijck J.* Datafication, dataism and dataveillance: Big Data between scientific paradigm and ideology // *Surveillance & Society*. 2014. Vol. 12 (2). P. 197–208. URL: <https://doi.org/doi.org/10.24908/ss.v12i2.4776>. P. 198.

¹¹ *Зубофф Ш.* Указ. соч. С. 89.

са, орфография, пунктуация, паузы при наборе текста, последовательность кликов, географическое местоположение пользователя), им же потом и возвращалось в виде улучшения услуг. “Машинный интеллект перерабатывает поведенческий излишек в прогнозные продукты, предназначенные для предсказания наших чувств, мыслей и действий: прямо сейчас, чуть позже, или в более отдаленном будущем... компания продает прогнозы, которые только она и может изготовить из своих исторически рекордных частных запасов поведенческого излишка. Прогнозные продукты снижают риски для клиентов, советуя им, на что и когда ставить. Качество и конкурентоспособность такого продукта напрямую зависят от того, насколько он близок к точному знанию: чем надежнее прогноз, тем ниже риски для его покупателей и тем выше объем продаж. Google сумел стать гадалкой цифрового века, которая полным ходом заменяет интуицию наукой, чтобы за деньги погадать на наши судьбы, но не нам, а своим клиентам”¹².

Большие данные это не только идеология, это еще и исследовательская технология, которая может успешно использоваться, например, для социального прогнозирования. Но возможности данной технологии важно не переоценивать. Большие данные не имеют существенного значения для социального прогнозирования, так как нужны не просто данные как таковые, а нужны именно умные данные (smart data) для принятия решений, связанных с будущим. Умные данные подразумевают интеллектуальную обработку, основанную на аналитических алгоритмах и применении качественных методов. Кроме того, существуют еще и темные данные (dark data), причем в общем массиве данных они составляют большинство. Это данные, которые собираются автоматически, но не используются для получения значимой информации или принятия управленческих решений (например, данные о перемещении сотрудников в течение рабочего дня или содержание электронной почты персонала. Та же система биометрического контроля на входе генерирует огромный объем информации, но руководство использует минимум этих данных, запрашивая выборочно какую-то информацию об опозданиях и т.п.). Темные данные — это и данные, не поддающиеся оцифровке (все-таки далеко не все проявления нашего социального поведения можно оцифровать). Такие данные могут нести значимую информацию, но она никак не используется для социального прогнозирования, соответственно снижается точность прогноза.

¹² Зубовф Ш. Указ. соч. С. 129.

Сегодня в область социального прогнозирования приходит все больше тех, кто не имеет отношения к социальным наукам. Так, набирают популярность (скорее, у “не специалистов”) работы А. Пентленда¹³, в которых он строит свою теорию “инструментального общества”. Его социальная физика позиционируется им как новая общественная наука, которая математическими методами изучает, как с помощью данных и информации влиять на человеческое поведение. Человек — это элемент машины, построенной на основе умных алгоритмов. Искусственный интеллект и большие данные позволяют выстроить систему, в которой неопределенность сведена к минимуму и нет случайностей, в которой используется алгоритмическое управление и поведение индивидов загнано в границы параметров. Поэтому будущее уже определено, оно задано алгоритмами и вопрос именно в том, кто определяет эти алгоритмы. “Иногда кажется, будто наш мир, где посты в таких социальных сетях, как Twitter, могут вызвать биржевой крах или свергнуть правительство, вот-вот вырвется из-под контроля. Ведь несмотря на то что использование цифровых медиа в корне изменило характер нашей экономики, бизнеса, государственного управления и политики, мы все еще не пришли к полному пониманию глубинной сущности этих новых систем, связавших человека и машину. Внезапно наше общество превратилось в объединение людей и технологий, сила и слабость которого отличаются от всего, что нам когда-либо доводилось испытывать”¹⁴. Данная теория разрабатывалась А. Пентландом скорее для предсказания потребительского поведения индивидов, но может быть вполне экстраполирована на другие сферы, например, политическую — для принятия властных решений либо в целях политического надзора.

Тематика, связанная с искусственным интеллектом, сегодня становится очень популярной в науке и в общественных дискуссиях. Опять-таки излишнее педалирование этой проблематики и вера во всеильность данной технологии приводят к мифологизации всего, что так или иначе связано с использованием искусственного интеллекта. В социальных науках тоже активно осваивается исследовательское поле, связанное с процессами цифровизации социальных практик и выявлением социальных последствий внедрения технологий искусственного интеллекта. Искусственный интеллект, как и большие данные, сегодня все чаще применяется в качестве ис-

¹³ Пентленд А. Социальная физика. Как Большие данные помогают следить за нами и отбирают у нас частную жизнь. М., 2018.

¹⁴ Там же. С. 14.

следовательских технологий, в том числе, при социальном прогнозировании и проектировании. Может ли искусственный интеллект быть непредвзятым и объективным? Вряд ли, так как он учится на “наших” данных и может воспроизводить человеческие ошибки или стереотипы (в интернете много дискуссий о том, как воспроизводятся расовые, гендерные стереотипы). Те, кто создает нейросети, обучает роботов, часто используют массив данных из интернета, который наполнен предвзятым контентом. Кроме того, возникает вопрос, может ли искусственный интеллект предсказывать что-то там, где нет данных? Как строить прогнозы по колонизации космоса или созданию человека-киборга только на основе искусственного интеллекта? На чем ему учиться, на каких данных, если этих данных просто не существует пока? Прогнозные модели, основанные только на массиве данных, часто бывают неточными. Ярким примером является модель Гугл флю трендс, которая при прогнозировании эпидемий гриппа ошибалась в расчетах, в два раза завысив процент потенциально больных, но при этом модель не смогла спрогнозировать эпидемию свиного гриппа в 2009¹⁵. Искусственный интеллект и большие данные — это хорошие исследовательские технологии, но они не могут быть универсальными, являясь лишь помощником человека в решении четко определенных задач, в том числе, и социального прогнозирования.

При активном внедрении цифровых технологий во все сферы общественной жизни возникают опасения тотального контроля и оцифровки социального пространства. Цифровые информационно-коммуникативные технологии способствуют появлению возможности для осуществления тотального цифрового контроля. Так, «рост контроля над индивидуальным поведением... приводит к формированию так называемого “нового тоталитаризма”. Этот “новый тоталитаризм” выражается в том, что многообразие источников информации сопровождается выстраиванием все более совершенных диверсифицированных систем контроля как над потоками информации, так и над их содержанием»¹⁶. «Вопросы социального контроля в цифровом пространстве не имеют однозначных ответов ввиду принципиальной амбивалентности этого пространства и поддерживающей его технологической инфраструктуры, а также радикальной множественности социальных агентов, заинтересованных в его су-

¹⁵ <https://time.com/23782/google-flu-trends-big-data-problems/> (accessed: 02.02.2023).

¹⁶ *Осипова Н.Г.* Цифровизация социальной реальности: ключевые дискуссии // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2022. Т. 28. № 3. С. 9–42. DOI: doi.org/10.24290/1029-3736-2022-28-3-9-42. С. 23.

ществовании. Скорее всего, существующие опасения о тотальном контроле цифровых платформ разобьются о принципиально невозможную оцифровку социального и/или о существующий “предел” искусственного интеллекта интерпретировать и трактовать данные о человеческом поведении»¹⁷.

Рассуждая о новых формах социального контроля в цифровой реальности, нельзя не коснуться такой технологии как дрон. Ранее мы уже акцентировали внимание на том, что именно дрон является цифровой технологией, радикально меняющей подход к контролю, контроль становится тотальным¹⁸. Г. Шамаю перечислил характеристики дрона как технологии контроля, которые фактически произвели “революцию взгляда”: 1) постоянство осуществления контроля (дрон не человек, который может отвлечься или расслабиться и потерять бдительность); 2) тотальность “взгляда” (возможность наблюдать за большими пространствами); 3) архивирование огромного числа данных для дальнейшего анализа; 4) возможность “слияния” данных, объединения разных типов данных; 5) схематизация жизненных паттернов; 6) быстрое обнаружение девиаций и аномии (фиксация отклонений от “типичности”)¹⁹. Не случайно сейчас такое внимание приковано к дронам и беспилотникам, показавшим свои очевидные преимущества при обнаружении противника и осуществлении контроля за территорией во время военных конфликтов.

“Надзорный капитализм” понимается Ш. Зубофф как система, которая использует человеческий опыт в качестве источника данных о человеческом поведении. «Хотя часть этих данных используется для улучшения продукта или услуги, остальное объявляется проприетарным *поведенческим излишком*, передается передовым производственным процессам, известным как “машинный интеллект”, и перерабатывается в *прогнозные продукты*, предсказывающие, что вы сделаете прямо сейчас, в ближайшем или более отдаленном будущем. В итоге эти прогнозные продукты торгуются на новом типе рынков — рынках поведенческих прогнозов, которые я называю рынками поведенческих фьючерсов. Надзорные капита-

¹⁷ Маркеева А.В., Гавриленко О.В. Цифровая платформа как новый экономический актор и новая инстанция социального контроля // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2019. № 5. С. 46.

¹⁸ Гавриленко О.В. Цифровые технологии социального контроля: перспективы и социальные последствия их внедрения // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2022. Т. 28. № 1. С. 158. DOI: doi.org/10.24290/1029-3736-2022-28-1-145-163

¹⁹ Шамаю Г. Теория дрона. М., 2020. С. 243.

листы сказочно разбогатели на этих торговых операциях, поскольку многие компании горят желанием сделать ставку на наше будущее поведение»²⁰. Машины уже не просто познают человека, они пытаются подтолкнуть его к принятию определенных решений, к заданной поведенческой реакции на тот или иной стимул, что ведет к увеличению доходов “надзорных капиталистов” (и, прежде всего, доходов владельцев цифровых платформ). Иными словами, машины формируют (задают) поведение человека, автоматизируя процессы, все это приводит к появлению нового типа власти — власти “инструментальной” (автоматизирование жизни индивидов с помощью повсеместного внедрения “умных” сетевых устройств, формирования “умного” пространства, “умных” домов).

Пионером в области “надзорного капитализма” принято считать компанию Google, которая быстрее всех поняла, какие перспективы открывает интернет в плане доступа к данным, формирующим указанные выше поведенческие излишки. Цифровые платформы, используя красивую риторику расширения возможностей индивидов при использовании интернета, одновременно с помощью технологий искусственного интеллекта учились преобразовывать получаемые данные в прогнозные продукты, и именно эти прогнозные продукты сейчас дают интернет-компаниям основную прибыль. “Надзорные капиталисты знают все *о нас*, в то время как их работа построена так, чтобы оставаться неведомой *для нас*. Они накапливают огромные пласты новых знаний, полученных *из нас*, но делают это *не для нас*. Они предсказывают наше будущее ради чужой выгоды, а не нашей”²¹.

Нельзя ставить знак равенства между надзорным капитализмом и цифровыми технологиями, которые он использует. “Надзорный капитализм” — это скорее логика использования данных технологий. “Надзорный капитализм” невозможен без цифровой инфраструктуры, это рыночный механизм, использующий цифровую среду. “Надзорный капитализм” как система опирается на цифровые платформы, использует машинный интеллект, производит алгоритмы, но приравнивать его просто к платформам и технологиям нельзя (не зря же надзорный капитализм иногда сравнивают с кукловодом, который умело использует марионеток (большие данные, искусственный интеллект, интернет вещей и др.)).

Какие социальные условия и тренды способствовали развитию “надзорного капитализма”? Сама Ш. Зубофф связала возникно-

²⁰ Зубофф Ш. Указ. соч. С. 17.

²¹ Там же. С. 21.

вление надзорного капитализма с кризисными явлениями XX в., “кризисами модернов”: “...экзистенциальное противоречие второго модерна... мы хотим осуществлять контроль над собственной жизнью, но повсюду нам не дают этого делать. Индивидуализация отправила каждого из нас на поиски ресурсов, нужных для обеспечения полноценной жизни, но на каждом шагу мы вынуждены сражаться с экономикой и политикой, для которых мы лишь ничтожества. Мы живем в сознании того, что наша жизнь имеет уникальную ценность, но с нами обходятся так, словно нас не существует”²². Цифровые гиганты, такие как Google, Apple, очень чутко уловили запрос населения (особенно молодого) на свободу самовыражения, на защиту своих интересов и прав, на желание “жить свою жизнь так, как хочу”. Интернет-компании сформировали новую реальность, подстроенную под индивидуальные предпочтения и запросы — получение благ “в один клик”, открытые образовательные платформы для самообразования, сетевые устройства и мобильные приложения. Но достаточно быстро, оценив все преимущества жизни в цифровой реальности, человек столкнулся с двумя основными проблемами: нарушение границ частной жизни и безопасность хранения личных данных. Впервые общественный резонанс, связанный с острым реагированием на политику цифровых платформ по использованию личных данных, возник при появлении контекстной рекламы, основанной на поисковых запросах и сканировании переписки пользователей. Интернет-гиганты отреагировали на возмущение пользователей, используя в качестве ширмы “политику конфиденциальности”, убеждая в надежности сохранности данных. Сами “пользовательские соглашения”, которые индивид подписывает, фактически являются “договорами присоединения”, навязывающими условия невозможности получения товара/услуги без проставления галочки (чаще всего пользователи ставят галочку, не открывая даже эти соглашения). Постепенно возникла новая реальность, где каждый поисковый запрос, клик, лайк превращается в актив, который анализируется и монетизируется какими-то компаниями.

По мере того, как цифровые платформы получают все большую инструментальную власть и доступ к личным данным, растет и сопротивление “снизу”, далеко не каждый индивид в силу различных жизненных обстоятельств готов к “прозрачности” и открытости личных данных: “...в погоне за новыми данными компании игнорируют тот факт, что бесконтрольность со стороны общества и государства,

²² *Зубофф Ш.* Указ. соч. С. 64.

отсутствие этических стандартов в извлечении и использовании данных приводит к росту сопротивления... потребитель понимает, что большие данные становятся источником проблем, работают против него, ограничивая его в доступе к определенным экономическим и/или социальным благам... Вероятно, в сложившихся условиях процесс сопротивления населения сбору данных, их использованию и продаже будет нарастать, запуская спираль появления все новых форм сопротивления: сознательного искажения данных, использования различных блокировщиков, а также отказа от определенных брендов, строящих свою маркетинговую политику на агрессивном использовании пользовательских данных”²³. В 2014 г. Европейский суд принял “знаковое” решение, утвердив “право на забвение” в качестве незыблемого права гражданина ЕС. Данное право разрешает физическим лицам обращаться к поисковым системам с просьбой удалить определенную информацию из открытых источников. В России в 2020 г. тоже были внесены поправки в ФЗ “О персональных данных”, предусматривающие реализацию такого “права на забвение”²⁴. Но механизмы реализации данного права еще работают недостаточно эффективно, кроме того низка осведомленность населения о наличии такого “права на забвение”. Реакция интернет-гигантов на решение Европейского суда была достаточно бурной. Так, руководство компании Google заявило, что людям лучше доверять Google, чем государственным институтам, так как “хранение данных в таких компаниях, как Google, лучше, чем хранение их государством, которое не имеет надлежащей процедуры получения этих данных, потому что мы, очевидно, заботимся о своей репутации”²⁵.

Сопротивление пользователей экспансии цифровых платформ вряд ли можно считать каким-то массовым явлением, большинству проще и удобнее пользоваться цифровой средой, получая блага “в один клик”, не задумываясь о сохранности данных или нарушении границ частной жизни. Стратегии сопротивления «при всем многообразии проявлений, можно разбить на два типа: 1) активизация деятельности по созданию принципиально иной технологической среды (движение за программы с открытым кодом, за новый интернет, против вытеснения органического поиска из Сети и т.д.); 2) сознательное ограничение медиапотребления, распространение рестрикционистских практик в отношении медиа (медиаскетизм,

²³ Маркеева А.В., Гавриленко О.В. Большие данные как исследовательская технология: возможности и ограничения применения в современной управленческой практике // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 12. С. 98.

²⁴ <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1057337-7> (дата обращения: 06.02.2023).

²⁵ Цит. по: Зубофф Ш. Указ. соч. С. 84.

“цифровая диета” и т.д.)»²⁶. Как уже отмечалось выше, «цифровизация социального мира актуализирует этическую проблему соблюдения “границ частной жизни” и возможности размывания этих границ, но пандемия COVID 19 снизила чувствительность граждан к необходимости предоставления личных данных (место проживания, контактные лица, маршруты перемещения и др.)»²⁷. При развитии цифровых технологий социального контроля неизбежно придется идти на компромисс между правами граждан на неприкосновенность частной жизни и внедрением новых смарт-технологий.

С расширением власти цифровых платформ пытаются бороться не только рядовые пользователи, но и национальные государства. Как правило, национальные государства пытаются деятельность платформ ограничить и поставить под контроль с использованием классических методов регулирования, что плохо работает для современных информационных технологий. Другой способ борьбы — это “активные инвестиции государств в создание информационной инфраструктуры, в IT-компании, формирование совместных проектов с крупными национальными IT-компаниями, предоставление им возможностей в монополизации определенных рынков в обмен на сотрудничество и лояльность в предоставлении данных для контроля над различными аспектами социальной и экономической деятельности населения, а также их приватной сферы”²⁸. Сами же государственные акторы заинтересованы в росте данных, генерируемых цифровыми гигантами, так как на основе этих данных власть принимает ключевые решения по управлению и контролю за населением. Цифровая инфраструктура формирует новый паноптикум, основная цель которого согласно М. Фуко — “привести заключенного в состояние сознаваемой и постоянной видимости, которая обеспечивает автоматическое функционирование власти”²⁹. Это позволяет власти, и не только государственной власти, но и создателям платформенной экономики, осуществлять контроль, при этом оставаясь анонимной, невидимой. Сегодня цифровые платформы, владея неограниченным объемом данных о населении, становятся

²⁶ Маркеева А.В., Гавриленко О.В. Цифровая платформа как новый экономический актор и новая инстанция социального контроля. С. 41.

²⁷ Гавриленко О.В. “Большой Брат следит за тобой...”: этические аспекты использования и хранения данных в цифровом городе // Трансформация этической матрицы в цифровую эпоху. Материалы научной онлайн конференции с международным участием / Ред. А.К. Мамедов, И.Н. Чудновская. М., 2022. С. 51.

²⁸ Маркеева А.В., Гавриленко О.В. Цифровая платформа как новый экономический актор и новая инстанция социального контроля. С. 42.

²⁹ Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. М., 1999. С. 294.

основной инстанцией социального контроля в цифровом мире, отодвигая государство на второй план.

Говоря об изменении характера управленческой деятельности в условиях цифровизации общества, важно сделать акцент на все большем проникновении технологий искусственного интеллекта в сферу управления. Сегодня речь идет о таких формах как, например, алгоритмическое управление. Алгоритмы достаточно активно используются в государственном управлении, в банковской сфере (например, при одобрении кредитов), на производстве, в сфере образования, применяются кадровыми службами организаций (особенно часто при отборе персонала) и т.п. “Люди повсюду контактируют с алгоритмами, благодаря которым внедряются новые формы управления и создаются возможности для новых форм накопления капитала. Распространенность, социальные эффекты и все больший объем полномочий автономных и автоматизированных алгоритмических решений требуют углубленного изучения последствий проявления этих тенденций, а основные характеристики алгоритмов, такие как непрозрачность, непредсказуемость, нелинейность, скрытый характер воздействия и наличие сопутствующих эффектов, определяют их влияние на проблему социального неравенства”³⁰.

Искусственный интеллект и алгоритмы машинного обучения высвобождают значительную часть персонала, занятого ручным трудом и выполняющего рутинную офисную деятельность, но от замены не застрахован и персонал, занятый творческой и управленческой деятельностью. Автоматизация уже достаточно эффективно заменяет персонал на производстве как в плане качества выполняемой работы, так и демонстрируя явное сокращение финансовых затрат при внедрении автоматизации и алгоритмизации — “это создание более дешевой и гораздо более сговорчивой рабочей силы, такой, которая никогда не потребует оплаты переработок, не станет настаивать на повышении зарплаты или расширении социального пакета, не подаст в суд за дискриминацию, не будет претендовать на компенсацию за производственную травму и никогда не будет жаловаться на условия труда”³¹. Говоря о специфике труда тех, кого не “поглотит” автоматизация и кто сможет сохранить работу, А. Гринфилд рисует довольно мрачную картину. «От этой сократившейся рабочей силы будут требовать делать больше, быстрее и за более

³⁰ Мартыненко Т.С., Добринская Д.Е. Социальное неравенство в эпоху искусственного интеллекта: от цифрового к алгоритмическому разрыву. С. 178.

³¹ Гринфилд А. Радикальные технологии: устройство повседневной жизни. М., 2018. С. 251.

низкую заработную плату... Его (Amazon — Прим. автора) складские рабочие нанимаются по фиксированным краткосрочным контрактам через стороннее агентство по найму... и им не положено никаких прибавок, социального пакета, возможностей для карьерного роста... Они работают в условиях “рационализированного” надзора в форме измерения параметров производительности труда, которые корректируются в реальном времени. Любые проявления свободы действий или автономии безжалостно пресекаются алгоритмами эффективности... Рабочий график будет составляться оптимизирующим алгоритмом, без предварительных оповещений или с оповещением непосредственно перед началом рабочей смены, на периоды, никак не соотношенные со временем, необходимым для отдыха или сна, семейной жизни или других обязательств»³².

Технологии искусственного интеллекта и машинного обучения, несмотря на все перспективные направления их использования, имеют серьезные социальные последствия, в том числе, для работы высококвалифицированного персонала, занятого не физическим трудом. Долгое время считалось, что автоматизация и роботизация являются угрозой именно для “синих воротничков”, но сегодня стало очевидно, что искусственный интеллект и нейросети вполне могут заменить определенный функционал практически любого сотрудника. Нейросети занимаются распознаванием образов и речи, прогнозированием, классификацией, решением творческих задач и т.п. Много шума в начале 2023 г. произвел чат-бот ChatGPT, который был использован не только при написании выпускной работы студентом РГГУ, но и при создании, например, проповедей, по качеству практически неотличимых от обычных проповедей³³. Трансформация рынка труда, “отмирание” ряда про-

³² Гринфилд А. Радикальные технологии: устройство повседневной жизни. С. 264.

³³ «Тед Брюер, исследователь Нового Завета и ответственный редактор христианского сайта “Пересмешник”, в декабре 2022 года написал о своем эксперименте с ИИ: он попросил ChatGPT написать рождественскую проповедь. Его запрос был очень подробным: проповедь должна была строиться на Евангелии от Луки, в частности на его словах о рождении, а также в ней должны были присутствовать цитаты из работ Карла Барта, Мартина Лютера, изречений Ириния Лионского и выступлений Барака Обамы. Чат выдал ему результат, соответствующий всем заданным критериям. Брюер признал, что эта проповедь превосходила некоторые из тех, что он слышал в церкви... В конце 2022 года раввин из Нью-Йорка Джошуа Франклин предупредил прихожан, что прочтет чужую проповедь на тему доверия, уязвимости и прощения. Завершив речь, он предложил аудитории угадать, кому принадлежит прочитанный им текст. Когда люди не смогли ответить, он признался, что автором был чатбот ChatGPT, которому Франклин дал задание создать проповедь из тысячи слов» (см.: Искусственный интеллект научился писать проповеди и

фессий, угроза структурной безработицы вызывают определенные тревожные ожидания населения. “Переход к экономике интернет-платформ подстегнул наблюдавшийся на протяжении 2000-х годов рост численности прекариата, то есть людей, не имеющих стабильной и полной трудовой занятости. Осознание людьми своей незащищенности перед будущим, воспроизводство и рост неравенства, а также новые его виды, связанные с цифровой трансформацией, диспропорциями в культурном и пространственном развитии, пандемиями, а также изменением климата, в ближайшие годы будут усиливать поляризацию в представлениях о том, куда должна двигаться страна”³⁴.

Алгоритмы проникают сегодня и в те сферы, где раньше о них не думали, например, в сферу эмоций и регулирования эмоционального состояния, в организациях появляются так называемые “аффективные показатели эффективности”. В Японии еще в 2009 г. ряд компаний начали измерять “качество” улыбок персонала сферы услуг для того, чтобы контролировать “правильное” социальное поведение³⁵. Были разработаны алгоритмы, которые на основе собираемых голосовых и текстовых данных предлагают способы оценки конфликтности, потенциальной производительности и даже трудовых ценностей. Такая предвзятая “кадровая аналитика” становится часто “руководством к действию” — можно уволить человека на основании того, что алгоритм посчитал его неблагонадежным, конфликтным или эмоционально лабильным. «И если топ-менеджеры еще могут уклониться от алгоритмической оценки своей эффективности, велика вероятность того, что нижестоящие сотрудники будут все больше зависеть от постоянного сочетания оценки и селекции, которое не оставляет никакого места для несобранных, не вполне компетентных, намеренно уклоняющихся от работы или просто “иных”»³⁶.

Управление, основанное на работе с непрерывным потоком структурированных и неструктурированных данных, позволяет принимать более обоснованные решения, осуществлять системный контроль и надзор. Все большее использование алгоритмического

разозлил священнослужителей. URL: https://m.lenta.ru/news/2023/02/28/ai_sermons/ (дата обращения: 28.02.2023)).

³⁴ *Нестик Т.А.* Образ будущего, социальный оптимизм и долгосрочная ориентация россиян: социально-психологический анализ // Социодиггер. 2021. Окт.–нояб. Т. 2. Вып. 9 (14): Горизонты будущего. С. 7.

³⁵ *Гринфилд А.* Радикальные технологии: устройство повседневной жизни. С. 268.

³⁶ Там же. С. 269.

управления не только оптимизирует выполнение ряда управленческих функций (например, функций контроля), но и приводит к сокращению числа чиновников, администраторов, менеджеров. “В то время как научный менеджмент был связан с проектом бюрократического надзора и ростом менеджериального класса, алгоритмическое управление не является бюрократическим, и его господство изменяет состав класса знаний... есть основания полагать, что рост платформенной экономики и распространение алгоритмического управления будут сопровождаться заметным снижением числа менеджеров. Алгоритмическое управление не автоматизирует бюрократию и не создает ее алгоритмически. Тем не менее алгоритмическая триада будет лишать менеджеров работы... алгоритмическое управление сопровождает общий, хотя и более медленный, спад в управлении”³⁷.

“Надзорный капитализм — это форма, не знающая границ, которая игнорирует старые различия между рынком и обществом, рынком и миром, рынком и человеком. Это форма, стремящаяся к извлечению прибыли, при которой производство подчиняется извлечению, когда надзорные капиталисты в одностороннем порядке претендуют на контроль над человеческими, общественными и политическими территориями, выходящими далеко за пределы традиционной институциональной территории частной фирмы или рынка”³⁸. Ш. Зубофф настаивает, что надзорный капитализм даже ставит под угрозу все то, что принято называть демократией. “Надзорный капитализм” — это система, которую невозможно контролировать “снизу”, система, которая незаметно для индивидов управляет их поведением и жизнью в целом. “Ненормально, что наши лучшие позывы, направленные на общение, эмпатию и обмен информацией, эксплуатируются в рамках драконовской сделки, когда в обмен на эти блага наши жизни подвергаются непрерывному обыску. Ненормально, когда каждое движение, эмоция, слово и желание фиксируются, подвергаются манипуляциям, а затем используются для того, чтобы тайно прогнать нас сквозь будущее время ради чужой прибыли”³⁹. Ш. Зубофф, обнажая “теневые” стороны “надзорного капитализма”, настаивает на необходимости сопротивления власти цифровых гигантов, чтобы окончательно не потерять права и свободы распоряжаться собственной жизнью: “на карту поставлено человеческое право на суверенитет над собственной

³⁷ Старк Д., Паис И. Алгоритмическое управление в экономике платформ // Экономическая социология. 2021. Май. Т. 22. № 3. С. 87.

³⁸ Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма... С. 663.

³⁹ Там же. С. 672.

жизнью и на авторство собственного опыта. На карту поставлены внутренний опыт, который формирует волю к воле, и общественное пространство, в котором можно действовать в соответствии с этой волей. На карту поставлен доминирующий принцип социального упорядочения в информационной цивилизации и наше право, как личностей и как общества, отвечать на вопросы”⁴⁰.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гавриленко О.В. “Большой Брат следит за тобой...”: этические аспекты использования и хранения данных в цифровом городе // Трансформация этической матрицы в цифровую эпоху. Материалы научной онлайн конференции с международным участием / Ред. А.К. Мамедов, И.Н. Чудновская. М., 2022. С. 48–56.

Гавриленко О.В. Цифровые технологии социального контроля: перспективы и социальные последствия их внедрения // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2022. Т. 28. № 1. С. 145–163. DOI: doi.org/10.24290/1029-3736-2022-28-1-145-163.

Гринфилд А. Радикальные технологии: устройство повседневной жизни. М., 2018.

Запорожец О., Лапина-Кратасюк Е. Сетевой/цифровой/умный город: фасады и задворки // Сети города: Люди. Технологии. Власть. М., 2021. С. 10–54.

Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. М., 2022.

Китчин Р. Сетевой урбанизм, основанный на данных // Сети города: Люди. Технологии. Власть. М., 2021. С. 58–80.

Китчин Р., Додж М. (Не)безопасность умных городов: проблемы, риски, а также смягчение и предупреждение негативных последствий // Сети города: Люди. Технологии. Власть. М., 2021. С. 105–130.

Маркеева А.В., Гавриленко О.В. Цифровая платформа как новый экономический актор и новая инстанция социального контроля // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2019. № 5. С. 29–48.

Маркеева А.В., Гавриленко О.В. Большие данные как исследовательская технология: возможности и ограничения применения в современной управленческой практике // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 12. С. 94–103.

Мартыненко Т.С., Добринская Д.Е. Социальное неравенство в эпоху искусственного интеллекта: от цифрового к алгоритмическому разрыву // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 1. С. 171–192.

Нестик Т.А. Образ будущего, социальный оптимизм и долгосрочная ориентация россиян: социально-психологический анализ // Социодиггер. 2021. Окт.–нояб. Т. 2. Вып. 9 (14): Горизонты будущего. С. 6–48.

Осипова Н.Г. Социальное неравенство в современном мире // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. Т. 25. № 4. С. 124–153. DOI: doi.org/10.24290/1029-3736-2019-25-4-124-153.

⁴⁰ Зубофф Ш. Указ. соч. С.672.

Осипова Н.Г. Цифровизация социальной реальности: ключевые дискуссии // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2022. Т. 28. № 3. С. 9–42. DOI: doi.org/10.24290/1029-3736-2022-28-3-9-42.

Пентленд А. Социальная физика. Как Большие данные помогают следить за нами и отбирают у нас частную жизнь. М., 2018.

Старк Д., Паус И. Алгоритмическое управление в экономике платформ // Экономическая социология. 2021. Май. Т. 22. № 3. С. 71–103. DOI: doi.org/10.17323/1726-3247-2021-3-71-103.

Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. М., 1999.

Шамаю Г. Теория дрона. М., 2020.

REFERENCES

Fuko M. Nadzirat' i nakazyvat': rozhdenie tjur'my [Discipline and Punish: The Birth of the Prison]. M., 1999 (in Russian).

Gavrilenko O.V. "Bol'shoj Brat sledit za toboj...": jeticheskie aspekty ispol'zovanija i hranenija dannyh v cifrovom gorode ["Big Brother sees You...": The Ethical Aspects of Using and Storing Data in a Digital City] // Transformacija jeticheskoy matricy v cifrovuju jepohu. Materialy nauchnoj onlajn konferencii s mezhdunarodnym uchastiem / Red. A.K. Mamedov, I.N. Chudnovskaja. M., 2022. S. 48–56 (in Russian)

Gavrilenko O.V. Cifrovye tehnologii social'nogo kontrolja: perspektivy i social'nye posledstviya ih vnedrenija [Digital technologies of social control: prospects and social consequences of their implementation] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 18. Sociologija i politologija. 2022. T. 28. N 1. S. 145–163. DOI: doi.org/10.24290/1029-3736-2022-28-1-145-163 (in Russian).

Grinfil'd A. Radikal'nye tehnologii: ustrojstvo povsednevnoj zhizni [Radical Technologies: The Design of Everyday Life]. M., 2018 (in Russian).

Kitchin R. Setevoj urbanizm, osnovannyj na dannyh [Data-driven, Networked Urbanism] // Seti goroda: Ljudi. Tehnologii. Vlasti. M., 2021. S. 58–80 (in Russian).

Kitchin R., Dodzh M. (Ne)bezopasnost' umnyh gorodov: problemy, riski, a takzhe smjagchenie i preduprezhdenie negativnyh posledstvij [The (In)security of Smart Cities: Vulnerabilities, Risks, Mitigation and Prevention] // Seti goroda: Ljudi. Tehnologii. Vlasti. M., 2021. S. 105–130 (in Russian).

Markeeva A.V., Gavrilenko O.V. Cifrovaja platforma kak novyj jekonomicheskij aktor i novaja instancija social'nogo kontrolja [Digital platform as a new economic actor and new instance of social control] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 7. Filosofija. 2019. N 5. S. 29–48 (in Russian).

Markeeva A.V., Gavrilenko O.V. Bol'shie dannye kak issledovatel'skaja tehnologija: vozmozhnosti i ogranichenija primenenija v sovremennoj upravlencheskoj praktike [Big Data as a research technology: possibilities and limitations of its application in contemporary managerial practices] // Obshhestvo: sociologija, psihologija, pedagogika. 2021. N 12. S. 94–103 (in Russian).

Martynenko T.S., Dobrinskaja D.E. Social'noe neravenstvo v jepohu iskusstvennogo intellekta: ot cifrovogo k algoritmicheskomu razryvu [Social inequality in the age of algorithms: from digital to algorithmic] // Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny. 2021. N 1. S. 171–192 (in Russian).

Nestik T.A. Obraz budushhego, social'nyj optimizm i dolgosrochnaja orientacija rossijan: social'no-psihologicheskij analiz [Vision of the future, social optimism and long-term orientation of Russians: socio-psychological analysis] // Sociodigger. 2021. Oktjabr'-nojabr'. T. 2. Vyp. 9 (14): Gorizonty budushhego. S. 6–48. (in Russian).

Osipova N.G. Cifrovizacija social'noj real'nosti: ključevye diskussii [Digitalization of social reality: key discussions] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 18. Sociologija i politologija. 2022. T. 28. N 3. S. 9–42. DOI: doi.org/10.24290/1029-3736-2022-28-3-9-42 (in Russian).

Osipova N.G. Social'noe neravenstvo v sovremennom mire [Social inequality in the modern world] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 18. Sociologija i politologija. 2019. T. 25. N 4. S. 124–153. DOI: <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2019-25-4-124-153> (in Russian).

Pentlend A. Social'naja fizika. Kak Bol'shie dannye pomagajut sledit' za nami i otbirajut u nas chastnuju zhizn' [Social Physics. How Good Ideas Spread — The Lessons from a New Science]. M., 2018 (in Russian).

Shamaju G. Teorija drona [Theory of drone]. M., 2020 (in Russian).

Stark D., Pais I. Algoritmicheskoe upravlenie v jekonomike platform [Algorithmic Management in the Platform Economy] // Jekonomicheskaja sociologija. Vol. 22. N 3. P. 71–103. doi: 10.17323/1726-3247-2021-3-71-103 (in Russian).

Van Dijck J. Datafication, dataism and dataveillance: Big Data between scientific paradigm and ideology // Surveillance & Society. 2014. Vol. 12 (2). P. 197–208. DOI: doi.org/doi.org/10.24908/ss.v12i2.4776.

Zaporozhec O., Lapina-Kratasjuk E. Setevoj/cifrovoj/umnyj gorod: fasady i zadvorki [Networked/Digital/Smart city: Frontispieces and Backyards] // Seti goroda: Ljudi. Tehnologii. Vlasti. M., 2021. S. 10–54 (in Russian).

Zuboff Sh. Jepoha nadzornogo kapitalizma. Bitva za chelovecheskoe budushhee na novyh rubezhah vlasti [The Age of Surveillance Capitalism. The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power]. M., 2022 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2023-29-3-166-196

ОБУЧЕНИЕ В БИЗНЕС-ОРГАНИЗАЦИЯХ

М.В. Юрасова, канд. социол. наук, доц. кафедры экономической социологии и менеджмента социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

В статье представлены основные направления обучения сотрудников в современных бизнес-организациях. Обучение является важной составной частью развития любой организации. Вопрос о непрерывности обучения и развития систем образования в организациях раньше стоял только перед отдельными отраслями, такими как медицина, электроэнергетика и др., но сегодня важно развитие персонала для обеспечения его будущей мобильности и трудоустройства. Иными словами, перед организациями стоит вопрос о том, как развивать персонал, чтобы он был конкурентоспособен, но при этом выстраивать систему мотивации, чтобы создавать необходимую систему лояльности.

История развития технологий управления и подготовки управленческих кадров в России берет свое начало с рационализаторской работы, движения за научную организацию труда во всех отраслях народного хозяйства и государственного аппарата. Параллельно развивалась организационная теория, изучался западный опыт совершенствования производства, что в свою очередь влияло на развитие управления в целом. Создавались и развивались уникальные российские технологии, которые, к сожалению, были на долгое время закрыты. Рассмотрены виды и типы обучения, его значимость для развития потенциала сотрудников, приведены конкретные цифры из нефинансовых годовых отчетов некоторых российских компаний различных отраслей деятельности. Отдельно рассмотрена подготовка специалистов в советский период. На основе данных работы Центрального института труда приведены подходы и методы к обучению руководителей и специалистов высшего звена. Воспитание ответственного отношения к делу должно затрагивать каждого сотрудника организации, а не только руководителей высшего и среднего звена.

Важность обучения сотрудников в организациях сегодня является настоящей необходимостью и существенным вкладом в устойчивое развитие. Рассмотрены виды и типы современного обучения. В качестве примеров рассмотрены социальные отчеты российских компаний и приведены конкретные цифры по обученным сотрудникам.

Ключевые слова: обучение, тренинг, социальный отчет, развитие персонала, подготовка советских и современных специалистов.

* Юрасова Мария Владимировна, e-mail: polevik-m@rambler.ru

EDUCATION IN BUSINESS ORGANIZATIONS

Yurasova Maria V., PhD in Sociology, Associate Professor of the Department of Economic Sociology and Management, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: polevik-m@rambler.ru

The article presents the main areas of employee education in modern business organizations. Trainings are an important part of the development of any organization. Continuous education and the development of education systems in organizations used to be faced only by specific industries, such as medicine, the energy, etc., but today it is important to develop personnel to ensure their future mobility and employment. Organizations are faced with the problem of how to develop staff to be competitive, but at the same time build a motivation system in order to create the necessary loyalty.

The history of the development of management technologies and management training in Russia originates from rationalization work, the movement for the scientific organization of labor in all sectors of the national economy and the government. At the same time, organizational theory was developing, Western experience in improving production was studied, which in turn influenced the development of management as a whole. Unique Russian technologies were created and developed, which were closed for a long time. In this article were considered types of training, its importance for the development of the potential of employees, specific figures are given from the non-financial annual reports of some Russian companies in various industries. The training of specialists in the Soviet period is considered separately. Based on the data of the work of the Central Institute of Labor, approaches and methods for training managers and C-level executives are given. Education of a responsible attitude to business should affect every employee of the organization, and not just top and middle managers. The importance of employee education in organizations today is a strong need and an essential contribution to sustainable development. Types of modern education are considered. The Social reports of Russian companies are considered and specific figures for trained employees are given as examples.

Key words: education, training, social report, personnel development, training of Soviet and modern specialists.

Постиндустриальная эпоха стала причиной трансформаций и динамичного развития социально-экономической сферы общества. Существенные изменения произошли как следствие инновационного перехода к новому типу общества: от индустриального общества, основой которого было массовое производство и физический капитал, к постиндустриальному, информационному, глобальному обществу, в котором все большее значение приобретает не столько производство материальных благ, сколько производство услуг и интеллектуальных продуктов. Значимость знаний во всех сферах общества приводит к повышению роли образования как главного института его воспроизводства, а также появлению и развитию

в последней трети XX в. концепции непрерывного образования. Управление человеческими ресурсами становится одним из важнейших направлений деятельности современных организаций, так как именно человеческий капитал организации становится главным стратегическим ресурсом и конкурентным преимуществом большинства организаций. В результате этого готовность к непрерывному обучению и развитию становится значимым требованием к сотрудникам современной организации.

Подобные трансформации требуют адекватных изменений в работе с персоналом современных организаций и предполагают переход от квалификации персонала как характеристики уровня владения профессиональными умениями и навыками к компетенциям, отражающим также деловые и личностные качества персонала в организациях. Именно компетентность персонала во многом определяет успешность деятельности современных организаций.

Сегодня большинство организаций тратит значительные финансовые средства на обучение и развитие своего персонала, создает для этого специальные образовательные структуры и условия. При этом обучение, которое развивают организации, отвечает их собственным потребностям, и отличается от традиционного образования, что приводит к выделению особого сегмента образования в системе непрерывного образования. Не зря уже более десяти лет в передовых организациях внедряют формулу “развитие компетенции персонала для обеспечения его мобильности и трудоустройства”, т.е. такого его развития, чтобы персонал был конкурентоспособным на рынке труда и, одновременно, такой его мотивации, чтобы не было текучести.

Недостаточное внимание к оценке эффективности профессионального развития персонала приводит к падению квалификационного уровня работников организации, снижению показателей производительности труда. Наконец, сама организация ощущает собственную несостоятельность в сравнении с организациями-конкурентами в отношении качественных характеристик своего продукта, услуг, процессов, собственных возможностей на рынке. На современном уровне развития обществу требуются высокообразованные гибкие специалисты, способные свободно, творчески мыслить, повышать квалификацию, переучиваться, находить применение своим знаниям в разных сферах деятельности, а также уметь быстро адаптироваться к постоянно меняющимся экономическим и социальным условиям. Научиться знаниям, умениям и навыкам, востребованным в современном обществе, привычными традици-

онными способами больше не получится: приобретать большую долю компетенций приходится не из учебника и конспектов лекций, а из стажировок и практик. Особенности развития современного социума приводят к тому, что одной профессии на всю жизнь больше не существует. И студента уже сейчас нужно готовить к тому, что через пять–шесть лет он поменяет свою профессиональную деятельность.

Обучение является важной составной частью развития любой организации. Сегодня мы говорим о непрерывности обучения и развития систем образования в организациях. И если совсем недавно вопрос о непрерывности обучения стоял только перед отдельными отраслями, такими как медицина, электроэнергетика и др., то сегодня крайне важным становится развитие персонала для обеспечения его будущей мобильности и трудоустройства. Если сформулировать по-другому, то необходимо так развивать персонал, чтобы он был конкурентоспособен, но при этом так развивать систему мотивации, чтобы создавать необходимую систему лояльности.

Рассмотрение вопросов, связанных с обучением персонала, целесообразно было бы начать с исторического контекста. Как показывает опыт, сегодня многие вновь создаваемые организации проходят тот же путь, что и организации в прошлом веке, но с одной оговоркой: сейчас процесс протекает в десятки раз быстрее. Тем более стоит посмотреть “раскадровку” складывающегося процесса обучения в организациях.

Повышение оклада передовикам, наставничество и профессиональное обучение стали новым этапом развития управления в XX в., секреты мастерства, лучшей организации работы и рабочего места — основой развивающейся системы профессионального обучения. В нашей стране пик востребованности профессионального обучения пришелся на 1920–1930-е гг., когда повсеместно развернулась работа по научной организации труда (НОТовское движение). В 1920 г. в Москве был создан Институт труда, преобразованный в 1921 г. в Центральный институт труда (ЦИТ), в котором были разработаны методики подготовки высококвалифицированных рабочих. В основу данных методик закладывались стандартность программы образования, рациональность организации рабочих мест, строго рассчитанный режим обучения, цикличность и непрерывный контроль. На основе соотнесения квалификации работников и их рабочих мест, создания типологии профессий и форм организации труда была сформулирована методология проектирования кадрового состава вновь создаваемых и реконструируемых предприятий, а также принципы нормирования и совершенство-

вания организации труда. Разработанная коллективом ЦИТ концепция, названная А. Гастевым концепцией трудовых установок, включала в себя три главных, органически взаимосвязанных и взаимопересекающихся направления: 1) теорию трудовых движений в производственных процессах и организации рабочего места; 2) методику рационального производственного обучения; 3) теорию управленческих процессов.

Созданная методика обучения открывала широкие перспективы реформирования не только устаревшей системы профтехобразования, но и народного образования в целом.

Важность подготовки специалистов управленческого звена обсуждается уже несколько веков. Если изначально эта проблема затрагивала военные и политические направления, то практически с начала прошлого века, с идей Ф. Тейлора, это направление начало набирать серьезные обороты в процессах управления предприятиями и организациями. Возможно, что и актуализировалась проблема с необходимостью повышать результативность и эффективность работы организаций и зависимость от качества управления собственников и наемных управленцев. Весьма показателен опыт послереволюционной России начала прошлого века по организации и подготовке специалистов и руководителей высшего управленческого звена для промышленных предприятий, колхозов и совхозов. Исторически так сложилось, что собственность перешла в руки государства, рабочих и колхозников, и, соответственно, требовалось воспитывать новый класс профессиональных управленцев. В первое десятилетие в России производилось примерно в десять раз меньше готовой продукции, чем в США, тем временем ее население было почти в два раза больше, чем население США. Иными словами, была другая интенсивность, результативность и производительность труда, завышенная доля ручного неквалифицированного труда, высокая доля дешевой рабочей силы, низкая заработная плата, неограниченный рабочий день, пренебрежение элементарными требованиями техники безопасности, а аграрное население преобладало над индустриальным. Все это было отягощено отсутствием рабочих династий и устойчивого кадрового ядра рабочего класса. Для подготовки управленцев предстояло выявить сотрудников лояльных власти, имеющих способности к управленческой работе.

Важность в решении вопроса подготовки управленческих кадров была продиктована также возросшим импортом в молодую Россию иностранной техники, капиталов и привлечению к работе зарубежных специалистов. Подобные процессы были немыслимы без обсуждения и внедрения прогрессивных идей в области научной

организации труда и менеджмента. Первые упоминания о научной организации труда (НОТ) относят к периоду 1908–1909 гг. Идеи обсуждались на страницах узкоспециализированных журналов “Металлист” и “Записки Русского технического общества”.

Ленин писал, что “русский человек — плохой работник по сравнению с передовыми нациями. И это не могло быть иначе при режиме царизма и живости остатков крепостного права. Учиться работать — эту задачу Советская власть должна поставить перед народом во всем ее объеме. Последнее слово капитализма в этом отношении, система Тейлора, — как и все прогрессы капитализма, — соединяет в себе утонченное зверство буржуазной эксплуатации и ряд богатейших научных завоеваний в деле анализа механических движений при труде, изгнания лишних и неловких движений, выработки правильнейших приемов работы, введения наилучших систем учета и контроля и т.д. Советская республика во что бы то ни стало должна перенять все ценное из завоеваний науки и техники в этой области. Осуществимость социализма определится именно нашими успехами в сочетании Советской власти и советской организации управления с новейшим прогрессом капитализма. Надо создать в России изучение и преподавание системы Тейлора, систематическое испытание и приспособление ее”¹.

История развития технологий управления и подготовки управленческих кадров в России берет свое начало с рационализаторской работы, движения за научную организацию труда во всех отраслях народного хозяйства и государственного аппарата. В это же время развивалась организационная теория, изучался западный опыт совершенствования производства, что в свою очередь влияло на развитие управления в целом. Создавались и развивались уникальные российские технологии, которые, к сожалению, были на долгое время закрыты.

В России выходило около 20 журналов по проблемам управления и организации производства. В них ставились социальные и психологические вопросы труда, публиковались результаты исследований. Наиболее крупные научные школы сложились в Москве, Ленинграде, Казани и Таганроге.

Как уже было сказано, в 1920 г. в Москве был создан Институт труда, преобразованный в 1921 г. в Центральный институт труда

¹ Ленин В.И. Очередные задачи Советской власти // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 151. Данная работа в рукописи называлась “Тезисы о задачах Советской власти в настоящий момент” и обсуждалась на заседании ЦК партии 26 апреля 1918 г. ЦК единодушно одобрил их и постановил опубликовать в виде статьи в “Правде” и “Известиях ВЦИК”, а также издать отдельной брошюрой.

(ЦИТ). ЦИТом были разработаны массовые методики подготовки высококвалифицированных рабочих и управленцев. В основу были положены принципы стандартизации программ образования, рациональности организации рабочих мест, строго рассчитанного режима обучения, цикличности и непрерывного контроля. На основе соотнесения квалификации работников и рабочих мест, создания типологии профессий и форм организации труда была сформулирована методология проектирования и планирования кадрового состава вновь создаваемых и реконструируемых предприятий, методология нормирования и совершенствования организации труда.

Разработанная коллективом ЦИТ концепция, названная А.К. Гастевым концепцией трудовых установок, включала в себя три главных, органически взаимосвязанных и взаимоперекрещивающихся направления: теорию трудовых движений в производственных процессах и организации рабочего места, методику рационального производственного обучения и теорию управленческих процессов. Концепция ЦИТ охватывала сферы техники и технологии, биологии, психофизиологии, экономики, истории, педагогики. Более того, она содержала в себе в зародыше основы таких, приобретших в последующем широкое признание наук, как кибернетика, инженерная психология, эргономика, праксеология. Неслучайно сами авторы называли свою концепцию “технобиосоциальной”.

Сотрудники ЦИТа придерживались позиции активного отношения к психофизиологическим возможностям человека, решительно отвергая подход к ним как к чему-то раз и навсегда данному. Отсюда делается вывод о необходимости постоянной тренировки физических и психических способностей работников, таких, в частности, как наблюдательность, воля, “двигательная культура” (подвижность, быстрота реакции), изобразительность (способность точного отображения явления словом, письмом, графиком), режим (учет расходования времени) и др.

Все это, по мнению ЦИТовцев, позволяет успешно решить двукединую задачу, стоящую перед НОТ, — максимальной активизации человека, сочетаемой со сбережением сил и здоровья работников, экономным расходованием их энергии. Эти идеи сегодня активно внедряются в управленческие процессы.

Главным в деятельности институтов и лабораторий было создание систематизированных концепций в области организации труда и управления. В силу специфики предмета изучения, а именно реальной управленческой деятельности, академическое изучение тесно переплеталось с практической работой. Большинство исследовательских институтов того времени одновременно являлись и

рационализирующими центрами. Особый интерес представляют пути внедрения научных знаний в производство, опыт рационализаторской и консультативной работы таких трестов, как “Установка” Центрального института труда, “Оргстрой” Института техники управления и др.

А.К. Гастев, как и В.И. Ленин, считал, что русскому рабочему больше всего не хватает исполнительской культуры — умения подчиняться, точно соблюдать свои служебные обязанности независимо от того, нравятся они ему или нет. В то же время человек проводит на производстве, в учреждении лучшую часть своей жизни, поэтому необходимо так организовать труд, чтобы работа была в радость, и чтобы она была постоянной жизненной школой. А.К. Гастев предлагал начинать с обучения исполнительской деятельности и переходить к распорядительской, начинать с организации труда и далее следовать к осмыслению его содержания. Поэтому не только руководители, но и рядовые работники должны пройти в своей жизни через школу НОТ. А.К. Гастев писал: “Хочешь быть организатором? Хочешь быть хорошим организатором? Хочешь быть уверенным организатором? — облюбуй небольшой участок работы, участок с аршин и построй каждую мелочь с расчетом до минуты, до дюйма”².

А.К. Гастев разработал памятку “Как надо работать”, которая применима и в практиках сегодняшнего управления. Ее основные принципы построены на знании физиологии и психологии человека.

1. «Прежде чем браться за работу, надо всю ее продумать, продумать так, чтобы в голове окончательно сложилась модель готовой работы и весь порядок трудовых приемов. Если все до конца продумать нельзя, то продумать главные вехи, а первые части работ продумать досконально.

2. Не браться за работу, пока не приготовлен весь рабочий инструмент и все приспособления для работы.

3. На рабочем месте (станок, верстак, стол, пол, земля) не должно быть ничего лишнего, чтобы попусту не тыкаться, не суетиться и не искать нужного среди ненужного.

4. Весь инструмент и приспособления должны быть разложены в определенном, по возможности раз навсегда установленном порядке, чтобы можно все это находить наобум.

5. За работу никогда не надо браться круто, сразу, не срываться с места, а входить в работу исподволь. Голова и тело сами разойдутся и заработают; а если приняться сразу, то скоро и себя, как

² Гастев А.К. Как надо работать. Практическое введение в науку организации труда. М., 1972. С. 142.

говорится, зарежешь, и работу запорешь. После крутого начального порыва работник скоро сдает: и сам будет испытывать усталость, и работу будет портить.

6. По ходу работы иногда надо усиленно приналечь: или для того, чтобы осилить что-нибудь из ряда вон выходящее, или чтобы взять что-нибудь сообща, артельно. В таких случаях не надо сразу налегать, а сначала приладиться, надо все тело и ум настроить, надо, так сказать, зарядиться; дальше надо слегка испробовать, нащупать потребную силу и уже после этого приналечь.

7. Работать надо как можно ровнее, чтобы не было прилива и отлива; работа стгоряча, приступами, портит и человека, и работу.

8. Посадка тела при работе должна быть такая, чтобы и удобно было работать, и в то же время не тратились бы силы на совершенно ненужное держание тела на ногах. По возможности надо работать сидя. Если сидеть нельзя, ноги надо держать расставленными; чтобы выставленная вперед или в сторону нога не срывалась с места, надо устроить укрепку.

9. Во время работы надо обязательно отдыхать. В тяжелой работе надо чаще отдыхать и по возможности сидеть, в легкой работе отдыхи редкие, но равномерные.

10. Во время самой работы не надо есть, пить чай, пить в крайнем случае только для утоления жажды; не надо и курить, лучше курить в рабочие перерывы, чем во время самой работы.

11. Если работа нейдет, то не горячиться, а лучше сделать перерыв, одуматься и применять снова опять-таки тихо; даже нарочно замедлять, чтобы выдержать.

12. Во время самой работы, особенно когда дело нейдет, надо работу прервать, привести в порядок рабочее место, уложить старательно инструмент и материал, смести сор и снова приняться за работу и опять-таки исподволь, но ровно.

13. Не надо в работе отрываться для другого дела, кроме необходимого в самой работе.

14. Есть очень дурная привычка после удачного выполнения работы сейчас же ее показать; вот тут обязательно надо “вытерпеть”, так сказать, привыкнуть к успеху, смять свое удовлетворение, сделать его внутренним, а то в другой раз в случае неудачи получится “отравление” воли, и работа опротивеет.

15. В случае полной неудачи надо легко смотреть на дело и не расстраиваться, начинать снова работу, как будто в первый раз, и вести себя так, как указано в 11-м правиле.

16. По окончании работы надо все прибрать; и работу, и инструмент, и рабочее место; все положить на определенное место, чтобы

принимаясь снова за работу, можно было все найти и чтобы самая работа не противела»³.

Для руководителей предполагался испытательный срок в полгода. За кандидатом на руководящую должность проводились тщательные социально-психологические наблюдения и на основании их составлялся так называемый «психологический паспорт». От руководителя требовалась деловая инициатива, если он покажет себя как исполнительный и дисциплинированный работник. «Авторитет в коллективе, основанный на высокой личной культуре труда и профессиональной компетентности, представляет собой фундамент искусства управления. Согласно логике такого подхода, руководитель не приглашается извне, а воспитывается в собственном коллективе»⁴.

Ответственное отношение руководства к управлению следует всесторонне поддерживать и поощрять, не допуская при этом никакого внешнего вмешательства. Воспитание ответственного отношения к делу должно затрагивать каждого сотрудника организации, а не только руководителей высшего и среднего звена.

В.В. Добрынин был одним из инициаторов «орга-игр», уже в 1920-е гг. использовавшихся в СССР для подготовки организаторов. Ниже приведен пример «орга-игры», разработанной комиссией по методике организации Ленинградского института мозга с участием Добрынина.

Согласно условиям игры все слушатели практикума делились по двое, причем один брал на себя выполнение функций «организатора», а другой — «судьбы», «преследующей» данного организатора и старающейся всячески помешать ему выполнить намеченное. На основе определенных правил организатор ставил цель и указывал обстановку ее проведения, которая затем и фиксировалась «судьбой» как первично данная. Затем организатор разрабатывал план мероприятий по достижению поставленной цели и передавал его вместе с условиями обстановки «судьбе», которая вносила в обстановку ряд вполне возможных изменений, в результате чего план делался невыполнимым. С этими изменениями «обстановка» возвращалась организатору, который должен был в течение десяти минут внести в план коррективы, парирующие все эти вредные влияния. Измененный план вновь передавался «судьбе», которая вносила новые осложнения, и т.д. Особый руководящий орган следил за тем, чтобы все вносимые изменения в обстановку были вполне естественны и возможны, чтобы на каждую операцию уделялся срок, соответствующей действительности и лишь пропорционально сокращенный по

³ Гастев А.К. Указ. соч. С. 142.

⁴ Там же.

особому масштабу, и, наконец, чтобы установленные сроки и условия строго соблюдались, и ни организатор, ни “судьба” не могли бы изменить того, что по плану уже произошло.

Первая деловая игра не только в СССР, но и в мире была разработана под руководством М.М. Бирштейн в Ленинградском инженерно-экономическом институте в конце 1931 г. и проведена 23 июня 1932 г. Тема игры была “Развертывание производства сборочного цеха новопостроенного завода пишущих машин в пусковом периоде”, сокращенно — “Пуск цеха”. Игра продолжалась два дня и участвовало в ней 24 человека. В 1933–1934 гг. были разработаны и проводились игры, связанные с внедрением диспетчерских служб в промышленности. Было внедрено около 40 игр различного назначения, характера и тематики. В декабре 1936 г. была проведена игра по перестройке производства “Красный ткач”, разработанная в Ленинградской промышленной академии имени С.М. Кирова по заданию наркомата легкой промышленности. Она называлась «Срочный перевод ткацкой фабрики “Красный ткач” на другой ассортимент». Игра продолжалась пять дней и длилась около 30 часов. В 1938 г. деловые игры в СССР были фактически запрещены, а их разработчики подвергнуты репрессиям. Возобновление деловых игр в СССР произошло после войны и было связано с деятельностью профессора И.М. Сыроежина в ЛГУ. В 1972 г. в одном из отраслевых институтов повышения квалификации была создана первая кафедра деловых игр под руководством профессора Р.Ф. Жукова⁵. Игры как методика обучения и развития персонала и компаний оказались очень востребованными. Сегодня деловые игры используют, в первую очередь, для обучения сотрудников.

В современных управленческих процессах предполагается, что знания и компетенции персонала развиваются. Что в организациях:

- “понимают, какие навыки и компетенции персонала требуются для достижения предназначения организации, стратегии развития и стратегических целей;
- обеспечивают, чтобы планы по обучению и развитию персонала помогали работникам соответствовать настоящим и будущим потребностям организации;
- выстраивают личные и групповые цели в соответствии со стратегическими целями организации, анализируя и актуализируя их в соответствующие периоды времени;
- оценивают работу персонала и помогают ему совершенствовать свою деятельность и внутреннее взаимодействие;

⁵ Макаревич В.Н. Игровые методы в социологии: теория и алгоритмы. М., 1994.

- обеспечивают, чтобы их работники имели необходимые навыки и способности, в том числе умение работать в группе, информацию и полномочия для максимального увеличения своего вклада в работу организации;
- на основе эффективно разработанных планов привлекают, развивают и удерживают работников, труд которых необходим для удовлетворения потребностей организации;
- развивают навыки и компетенции персонала для обеспечения его будущей мобильности и возможности трудоустройства”⁶.

К сожалению, широкое распространение в работе многих организаций получила такая практика, когда работников направляют на обучение или повышение квалификации, не предпринимая никаких усилий для того, чтобы их работа после прохождения учебы стала более содержательной, более ответственной, чтобы повысился уровень оплаты их труда, открылись новые перспективы карьерного роста, продвижения по служебной лестнице или расширилась сфера их рабочей ответственности. Это снижает не только отдачу, которую организация может получить от своего персонала в результате обучения, но и мотивацию работников к обучению.

Обучение персонала в организации регулируется, во-первых, федеральными законами Российской Федерации⁷, во-вторых, нормативными актами министерств и ведомств, в-третьих, локальными нормативными актами компаний.

Согласно ст. 196 “Трудового кодекса” Российской Федерации (ТК РФ), “Права и обязанности работодателя по подготовке и дополнительному профессиональному образованию работников, по направлению работников на прохождение независимой оценки квалификации” “работодатель: определяет необходимость подготовки работников (профессиональное образование и профессиональное обучение) и дополнительного профессионального образования, а также направления работников на прохождение независимой оценки квалификации для собственных нужд; осуществляет подготовку работников и дополнительное профессиональное образование работников, направление работников (с их письменного согласия)

⁶ Модель Премии Правительства Российской Федерации в области качества. URL: <https://cipit.gov.spb.ru/media/uploads/userfiles/2019/07/30/%D0%98%D0%BD%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D0%BE-%D1%80%D1%83%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B4%D1%8F%D1%89%D0%B8%D0%B5-%D0%BC%D0%B0%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D1%8B-2019.pdf>

⁷ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 25.02.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2022). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/

на прохождение независимой оценки квалификации работодателем на условиях и в порядке, которые определяются коллективным договором, соглашениями, трудовым договором; определяет формы подготовки и дополнительного профессионального образования работников, перечень необходимых профессий и специальностей, в том числе для направления работников на прохождение независимой оценки квалификации, устанавливается работодателем с учетом мнения представительного органа работников; должен создавать работникам, проходящим подготовку, необходимые условия для совмещения работы с получением образования, предоставлять гарантии, установленные трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права, коллективным договором, соглашениями, локальными нормативными актами, трудовым договором; обязан проводить профессиональное обучение или дополнительное профессиональное образование работников, если это является условием выполнения работниками определенных видов деятельности в случаях, предусмотренных федеральными законами, иными нормативными правовыми актами Российской Федерации⁸. В гл. 9 “Профессиональное обучение” Федерального закона “Об образовании в Российской Федерации” цель такого обучения сформулирована как “приобретение лицами различного возраста профессиональной компетенции, в том числе для работы с конкретным оборудованием, технологиями, аппаратно-программными и иными профессиональными средствами, получение указанными лицами квалификационных разрядов, классов, категорий по профессии рабочего или должности служащего без изменения уровня образования”⁹. Законом выделяются следующие виды профессионального обучения: профессиональная подготовка работников¹⁰, переподготовка работников¹¹, повышение квалифика-

⁸ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ...

⁹ Федеральный закон “Об образовании в Российской Федерации” от 29.12.2012 N 273-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/

¹⁰ Предполагает первоначальное обучение новых сотрудников организации и поэтому обычно включает в себя теоретический курс, необходимый для освоения профессиональных навыков начальной квалификации, и собственно производственное обучение. Одна из задач профессиональной подготовки — общая ориентация (адаптация) работника, т.е. предоставление каждому новому сотруднику общих сведений об организации и характере работ, входящих в зону его ответственности.

¹¹ Это профессиональное обучение лиц, уже имеющих профессию рабочего (профессии рабочих) или должность служащего (должности служащих), в целях получения новой профессии рабочего или новой должности служащего с учетом потребностей производства, вида профессиональной деятельности.

ции работников¹². Профессиональная подготовка, переподготовка и повышение квалификации кадров являются непрерывными процессами, которые должны реализовываться в компании. Для успешной деятельности необходимыми условиями являются раскрытие и увеличение потенциала трудовых ресурсов. Профессиональное обучение сотрудников необходимо воспринимать как осознанную необходимость. На практике же выделяют следующие виды обучения (см. табл. 1).

Таблица 1

Профессиональная подготовка кадров	Планомерное, систематизированное и организованное обучение и выпуск квалифицированных кадров, подготовленных для осуществления трудовой деятельности в определенной сфере. По итогу подготовки специалисты владеют совокупностью качеств, среди которых необходимые для работы знания, умения и навыки, а также современные способы взаимодействия в коллективе
Дополнительное профессиональное образование	Направлено на удовлетворение образовательных и профессиональных потребностей, профессиональное развитие человека, обеспечение соответствия его квалификации меняющимся условиям профессиональной деятельности и социальной среды ¹³
Профессиональное обучение	Направлено на приобретение лицами различного возраста профессиональной компетенции, в том числе для работы с конкретным оборудованием, технологиями, аппаратно-программными и иными профессиональными средствами, получение указанными лицами квалификационных разрядов, классов, категорий по профессии рабочего или должности служащего без изменения уровня образования ¹⁴
Корпоративный университет	Система внутрифирменного развития персонала, неразрывно связанная со стратегиями развития организации. Основной характерной чертой корпоративного университета является именно системность подхода к процессу обучения ¹⁵

¹² Профессиональное обучение лиц, уже имеющих профессию рабочего (профессии рабочих) или должность служащего (должности служащих), в целях последовательного совершенствования профессиональных знаний, умений и навыков по имеющейся профессии рабочего или имеющейся должности служащего без повышения образовательного уровня.

¹³ Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 01.03.2020) "Об образовании в Российской Федерации". Ст. 76. Дополнительное профессиональное образование. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/18ecc06c654c0f2e1ffd7fa3f8c1ef137f01615/

¹⁴ Там же.

¹⁵ HR-Journal. Корпоративный университет: основные проблемы и тенденции. URL: <http://www.hr-journal.ru/articles/op/univer.html> (дата обращения: 09.04.2020).

Коучинг	Система реализации совместного социального, личностного, творческого потенциала участников процесса развития с целью получения максимально возможного эффективного результата ¹⁶
Тренинг	Инструмент решения задач со своим содержанием и методами, подразумевающий развитие участников (изменение представлений, отработку навыков, передачу техник и технологий, развитие компетенций и т.д.), изменения организационного поведения и способа действий участников в профессиональной деятельности, реализации конкретных целей и стратегий развития компании в текущей ситуации ¹⁷
Повышение квалификации	Процесс обучения персонала с целью усовершенствования существующих знаний, умений, навыков и способов общения в рабочем коллективе. Обычно данный вид обучения вызван ростом требований к профессии и позволяет сотрудникам добиться повышения в должности
Профессиональная переподготовка кадров	Обучение персонала, главной задачей которого является освоение новых знаний, умений и навыков вследствие изменений требований к профессии, содержанию и результатам труда

Повышение степени профессионализма является главным механизмом удовлетворения нужд граждан в сфере обучения. При этом необходимо наличие профессионального образования у лица, желающего получать дополнительное профессиональное образование.

По формам обучения часто выделяют групповое и индивидуальное обучение, с отрывом от работы или без отрыва (обучение на рабочем месте), внутри компании (например, в учебном центре или в корпоративном университете) или во внешней образовательной компании, например, “Центр подготовки кадров — Татнефть” (ЧОУ ДПО “ЦПК-Татнефть”)¹⁸ и др.; очное, очно-заочное, заочное обучение, формальное и неформальное и другие формы. Например, индивидуальное обучение подразумевает, что сотрудник получает более персонифицированные новые знания и навыки; более полно удовлетворяет свои конкретные потребности в обучении и др.

Внутреннее обучение персонала представлено такими формами, как инструкторско-методические занятия, семинары и лекции, круглые столы и конференции, обзоры литературы, тренинги

¹⁶ Клемина Е.А. Коучинг как одна из форм обучения. URL: <https://orelgiet.ru/docs/monah/123.k.pdf> (дата обращения: 09.04.2020).

¹⁷ Григорьев Д.А. Бизнес-тренинг: как это делается. М., 2014. С. 13.

¹⁸ Сайт ЦПК “Татнефть”. URL: <https://cpk.tatneft.ru/>

Обучение на рабочем месте

Копирование	Процесс обучения, когда сотрудника прикрепляют к опытному специалисту, работник копирует действия специалиста
Инструктаж	Демонстрация приемов работы с разъяснениями непосредственно на рабочем месте
Наставничество	Метод обучения, при котором менеджер в ходе ежедневной работы занимается со своим персоналом. При выборе кандидата на роль "наставника" необходимо проверить его соответствие следующим пунктам ²⁰ : возможность и желание обучать и помогать другим, развитые навыки межличностного общения и коммуникабельность, высокая степень исполнительности и обязательное наличие времени, знаний и навыков в сфере деятельности закрепленного за ним сотрудника
Делегирование	Процесс передачи сотрудникам четко очерченной области задач. Персонал уполномочен принимать решения по заранее оговоренному кругу вопросов. При этом в ходе выполнения работы менеджер обучает подчиненных
Метод усложняющихся задач	Обучаемому предлагается специальная рабочая программа, перечень обязанностей в ней ранжируется по степени важности и сложности выполнения, а также расширения объема заданий
Ротация	Метод обучения, когда сотрудника переводят на новую должность, в другой отдел. Ему поручают новые должностные задания для расширения опыта и получения дополнительной профессиональной квалификации. Обычно сотрудника переводят в другой отдел и на новую должность на срок от нескольких дней до нескольких месяцев. Часто данный метод применяется организациями, которые ценят многофункциональность сотрудников и владения ими несколькими профессиями (поливалентной квалификации)
Коучинг	Система реализации совместного социального, личностного, творческого потенциала участников процесса развития с целью получения максимально возможного эффективного результата ²¹

формирования навыков, коучинг, наставничество. Тенденцией последних лет стало проведение такого занятия онлайн с достаточно жестким тестом по итогу обучения, например, ролик "Памятка по

¹⁹ Дейнека А.В. Управление персоналом организации. М., 2017.

²⁰ Шарапова Н.В., Унжакова Е.А. Профессиональное обучение персонала как фактор конкурентоспособности организации // Проблемы экономики и менеджмента. 2017. № 4 (68).

²¹ Кленина Е.А. Указ. соч.

охране труда СИБУР” или “Вводный инструктаж по охране труда”, размещенные в открытом доступе. Проведение обучения в таком формате значительно экономит время на объекте, имеется возможность пересмотреть повторно и т.д.

Обучение на рабочем месте происходит в стенах организации и обычно дешевле и оперативнее обучения с отрывом от производства. Существует несколько форм внешнего обучения: получение второго высшего образования, получение дополнительного высшего образования, переподготовка, курсы повышения квалификации, лекции и семинары, конференции, стажировки на родственных предприятиях, в том числе и за рубежом.

Таблица 3

Обучение с отрывом от производства²²: такой вид обучения может быть осуществлен путем приглашения внешнего преподавателя

Лекции	Метод обучения, когда в короткий срок лектор излагает большой объем информации
Кейс	Анализ и проработка реальной и выдуманной управленческой ситуации
Деловые игры	Являются коллективными, участник получает определенную роль в игровой деловой ситуации и рассматривает последствия принятых решений. Таким образом участники игры разбирают учебный пример
Моделирование	Воспроизведение реальных условий работы
Рольевые игры	Позволяют сотруднику подтвердить правильность собственного поведения, ставя себя на чье-то место и получая практический опыт
Тренинг	Инструмент решения задач со своим содержанием и методами, подразумевающий развитие участников (изменение представлений, отработку навыков, передачу техник и технологий, развитие компетенций и т.д.), изменения организационного поведения и способа действий участников в профессиональной деятельности реализации конкретных целей и стратегий развития компании в текущей ситуации ²³

Особое внимание стоит уделить самостоятельному обучению, которое также выступает методом обучения сотрудника вне фирмы. Важными аспектами в данном случае выступают желание и стремление персонала к развитию²⁴. Этот метод является наиболее простым

²² Дейнека А.В. Указ. соч.

²³ Григорьев Д.А. Указ. соч. С. 13.

²⁴ Нестерова О.В. Обучение персонала как инструмент реализации стратегических целей // Интернет-журнал Науковедение. 2015. С. 6. URL: <https://cyberleninka>.

и не требующим определенных условий, поскольку обучающийся самостоятельно выбирает место и вид обучения.

Стоит отметить, что перечисленные методы не должны исключать друг друга, так как возможно их совмещение. В зависимости от имеющихся ресурсов компания сама определяет, в какой форме организовывать развитие сотрудников. Обучение на рабочем месте и с отрывом от производства имеет свои достоинства и недостатки.

Таблица 4

	Достоинства	Недостатки
Внутрифирменное обучение (корпоративное)	Более гибкое и адаптированное к конкретным условиям труда, отличается практической направленностью и соответствует целям и особенностям деятельности организации; возможность контроля за ходом обучения; менее затратно (по времени и финансам), если в компании есть устоявшаяся система обучения Во время обучения происходит активизация внутрифирменной кооперации за счет обмена опытом между коллегами	Необходимость создания собственной учебно-материальной базы, отсутствие обмена опытом и информацией с работниками других предприятий; необходимость актуализации программ обучения и баз знаний, дополнительная нагрузка на руководителей и специалистов компании и отвлечение сотрудников от процесса обучения в случае возникновения текущих внутрифирменных дел
Обучение вне рабочего места	Больше имеет теоретическую направленность, позволяет участникам программы из различных компаний обмениваться информацией о существующих проблемах и путях их решения; помогает участникам абстрагироваться от сложившейся ситуации на рабочем месте и изменить традиционное поведение; имеет более высокий уровень организации	Трудность коррекции типовой программы обучения под специфику деятельности организации; возможность несоответствия потребности в обучении с фактическим содержанием учебного плана

Согласно российскому законодательству, все виды деятельности по развитию работников должны быть основаны на равных возможностях, без всякой дискриминации по таким, например, признакам, как национальность, возраст или пол. Если законодательные акты

Российской Федерации определяют принципы обучения персонала, то решения Правительства РФ устанавливают квалификационные требования к персоналу на разных должностях. Так, еще в 2015 г. приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации утвержден профессиональный стандарт “Специалист по управлению персоналом”²⁵, в котором содержится характеристика обобщенной трудовой функции “деятельность по развитию персонала”, а также представлены квалификационные требования к образованию и обучению специалиста по обучению и развитию персонала. Данный стандарт обязателен для применения в органах государственного и муниципального управления, в компаниях с государственным участием. Что же касается других организаций, то использовать его или нет, решает руководитель компании.

Рассмотрим текущее положение дел и отдельные направления корпоративного обучения в российских компаниях. Данные, включая численные показатели взяты из Национального Регистра корпоративных нефинансовых отчетов (практик), с сайта Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП)²⁶.

В этом разделе мы рассмотрим корпоративные практики таких компаний, как ГК “Татнефть”, ПАО “Северсталь”, VK, которые публикуют данные об обучении сотрудников в корпоративных нефинансовых отчетах. Отдельно рассмотрена компания DHL, опыт обучения сотрудников в которой будет интересен в свете раскрытия темы.

В 2020 г. Группа “Татнефть” обеспечивала более 60 тысяч рабочих мест на 110 предприятиях на территории Российской Федерации и за ее пределами. В рамках реализации HR-стратегии компания фокусируется на задачах по обучению и повышению компетенций персонала, совершенствованию системы мотивации, формированию кадрового резерва. Большое внимание уделяется корпоративной культуре и молодежной политике. Значимым HR-проектом 2020 г. стали открытие новых специальностей и развитие собственного кадрового потенциала для решения новых задач. Так, Компания организовала целевую программу “Школа бизнес-аналитики” по обучению одной из самых востребованных профессий, позволяющей оперативно выявлять проблемы и определять пути их решения. Учитывая, что Компания реализует крупные инвестиционные

²⁵ Профессиональный стандарт. Специалист по управлению персоналом (утвержден Приказом Министерства труда и социальной защиты РФ от 6 октября 2015 г.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_187770/

²⁶ Национальный Регистр корпоративных нефинансовых отчетов // Сайт РСПП. URL: <https://rspp.ru/activity/social/registr/>

проекты, в том числе за пределами России, “Татнефть” запустила специальную программу обучения проектной деятельности. Программы по профессиональной переподготовке реализует Корпоративный университет Компании. При управлении промышленной безопасностью на производственных объектах применяется риск-ориентированный подход. Большое внимание уделяется программам предупреждения производственного травматизма, обучения персонала комплексу долгосрочных и превентивных мер. На мероприятия по охране труда в 2020 г. направлено 1,4 млрд рублей²⁷. В рамках развития и обучения персонала, формирования кадрового резерва 115,5 млрд руб. было направлено на обучение в 2020 г., что говорит о значимости программ обучения.

Таблица 5

Списочная численность работников, прошедших обучение, с разбивкой по категориям работников и по полу, человек

Категория работника	Всего	В том числе мужчин	В том числе женщин
Руководители	2 669	2 200	469
Специалисты	7 274	2 909	4 365
Служащие	76	6	70
Рабочие	13 306	9 479	3 827
Всего	23 325	14 594	8 731

Таблица 6

Общее количество часов внешнего обучения с разбивкой по категориям работников и по полу, человек

Категория работника	Всего	В том числе мужчин	В том числе женщин
Руководители	1495382	175 392	19 990
Специалисты	302 158	187 796	114 362
Служащие	504	6	504
Рабочие	590 470	530 481	59 989
Всего	1 088 514	893 669	194 845

²⁷ Устойчивое энергетическое будущее. Годовой отчет публичного акционерного общества “Татнефть” им. В.Д. Шашина за 2020 год утвержден Годовым общим собранием акционеров 25.06.2021, протокол № 34. URL: <https://www.tatneft.ru/uploads/publications/63ad356b7a11a086043847.pdf>

В 2020 г. обучение и развитие персонала, повышение квалификации специалистов Компании осуществлялись в соответствии с утвержденным планом и в рамках рекомендаций Всемирной организации здравоохранения, а также с целью соблюдения Национального плана по предупреждению завоза и распространения новой коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации, утвержденного Председателем Правительства Российской Федерации. Были организованы корпоративные программы обучения.

Рассмотрим одно из учебных заведений — «Центр подготовки кадров — Татнефть» — частное образовательное учреждение дополнительного профессионального образования в сфере профессиональной подготовки, переподготовки, аттестации и переаттестации рабочих и специалистов для нефтегазодобывающей промышленности и смежных областей.

«Центр подготовки кадров — Татнефть» владеет уникальной учебной базой: 29 учебных классов, 15 препараторских, 9 лабораторий, 9 мастерских, оборудованных наглядными пособиями, натуральными образцами оборудования и инструментов, например, буровой установкой, подъемниками, различными агрегатами, станками-качалками, автокраном, краном-манипулятором, краном-трубоукладчиком, полигоном в виде типовой учебной подстанции, учебной котельной установкой с паровым котлом и др., что позволяет отрабатывать базовые навыки сотрудникам. Все это оборудование активно используется в учебном процессе при моделировании рабочих процессов и реализации «Фабрики рабочих». Обучающиеся проходят полный цикл обучения, включая моделирование внештатных ситуаций. Все это закрепляет навыки соблюдения техники безопасности на два и более лет. Нареканий и случаев нарушения ТБ после обучения не поступает. В учебный процесс также внедрены информационные технологии — компьютеризированные тренажеры-имитаторы бурения, капитального ремонта скважин и ручной дуговой сварки. За годы деятельности обучено и выпущено более 677 тысяч квалифицированных рабочих и специалистов. Среди обучающихся были рабочие и специалисты нефтяных компаний Кубы, Вьетнама, Ирака, Казахстана, Туркменистана»²⁸.

В штате ЧОУ ДПО «ЦПК-Татнефть» работают преподаватели с педагогическим стажем 20–30 лет и молодые специалисты, которые наряду с традиционными методами обучения активно используют модульное обучение и интерактивные методы. К работе привлекаются специалисты Ростехнадзора, Государственной инспекции

²⁸ <https://cpk.tatneft.ru/>

труда, Государственной противопожарной службы, Роспотребнадзора, Фонда социального страхования, Управления государственного автодорожного надзора, ведущие специалисты предприятий. Что интересно, пенсионеры предприятий, работающие на сложном оборудовании, привлекаются к ведению практических занятий в учебном центре. Стоит отметить, что ЧОУ ДПО “ЦПК-Татнефть” аккредитован в качестве организации, осуществляющей обучение работодателей и работников вопросам охраны труда.

В компании Татнефть, как и во многих крупных компаниях, функционирует Корпоративный университет. В 2020 г. Корпоративным университетом было обучено 1992 человека (в очном и онлайн форматах) по 28 курсам. Кроме того, было организовано обучение внешними провайдерами для 694 человек. Для развития компетенций в области делового администрирования у руководителей, навыков бизнес-анализа, использования лин-технологий в Компании разработаны и реализуются целевые программы профессиональной переподготовки — “Кадровый резерв. Лидеры-1000”, “Школа бизнес-аналитики”, Уровень с “0” и “Школа бизнес-аналитики”, Уровень “Продвинутый”, “Лин-тренер бережливого производства”, “Лин-специалист бережливого производства”. В Компании активно развивается система дистанционного обучения: в 2020 г. дистанционно обучено 32580 сотрудников по 42 курсам. В 2020 г. специалистами Корпоративного университета разработано и внедрено 10 корпоративных профессиональных стандартов. Актуализировано и утверждено два государственных профессиональных стандарта. В 2020 г. методом “360 градусов” оценено 717 сотрудников. По результатам комплексной оценки персонала обратная связь/консультация по формированию ИПР была предоставлена 635 работникам Группы “Татнефть”. Ведется масштабная работа по внедрению культуры самообучающейся организации. На Единой платформе обучения и развития сотрудников Группы “Татнефть” Mirapolis зарегистрировано более 54 000 пользователей, загружено 39 курсов и проведено 243 вебинара. В электронной корпоративной библиотеке “My book” зарегистрировано более 3600 пользователей.

Всего за прошлый год в ПАО “Татнефть” 19236 работников прошли обучение по 28 корпоративным программам обучения, что говорит о серьезном отношении к обучению сотрудников руководства компании.

Рассмотрим еще один пример. С 2011 г. в компании DHL Express действует глобальная платформа международной сертификации CIS (Certified International Specialist), ставшей неотъемлемой частью корпоративной культуры. Она построена на принципах многоэ-

тапного развития для всех категорий сотрудников с учетом функциональных особенностей бизнеса²⁹ и непосредственно связана с системой мотивации и повышения вовлеченности персонала, включая этапы его подбора и адаптации, а также развития кадрового резерва. Для сертификации более чем 100 000 сотрудников компании по всему миру выбирается смешанный подход к обучению, при котором в учебных группах на равных участвуют сотрудники из различных городов и подразделений вне зависимости от уровня и должности. Программа не ограничена очными тренингами. В центре методологии — подход 10/20/70, где 10% времени сотрудников отведено на очное обучение, 20% — на коучинг и обратную связь и 70% — на практическое применение полученных знаний и навыков.

Платформа CIS содержит различные форматы и инструменты обучения — очные тренинги, вебинары, воркшопы, коучинг-сессии с менеджерами компании, работу в учебных группах и практические задания на рабочих местах в процессе бизнес-деятельности. В том числе существует каталог электронных курсов, обогащенных учебными фильмами и анимацией. Они содержат тестовые задания и опросы, ссылки на внутренние библиотеки и иные полезные для развития выбранных компетенций ресурсы. В рамках программы адаптации DHL развивает систему наставничества.

Один из инновационных подходов — предоставление сотрудникам определенных категорий (например, супервайзерам, бригадирам, тимлидерам) электронных планшетов со встроенными обучающими приложениями на время работы в компании. Таким образом, у сотрудников есть возможность создать виртуальные учебные группы по обмену лучшими практиками, в том числе с коллегами из других городов и стран. Также сотрудники могут своевременно получать напоминания об обязательной ресертификации, оптимально организовывать свой учебный график и отмечать свой прогресс на постоянной основе.

Вышеперечисленные подходы в обучении доказали свою эффективность как по результатам формальных оценок и замеров, так и в неформальной среде³⁰.

²⁹ О методике построения системы обучения организаций Prosperity Media рассказала Ирина Дрыкина, руководитель отдела обучения и развития DHL Express. URL: <https://www.prosperity-media.ru/articles/>

³⁰ Сильченко Ю. 10 000 руководителей DHL Express проходят сертификацию на различных модулях программы Certified International Manager. 2019.20.07. URL: <https://dzen.ru/media/cfo/10-000-rukovoditelei-dhl-express-prohodiat-sertifikaciu-na-razlichnyh-moduliah-programmy-certified-international-manager-5d316ca54e057700ad48d6d8>

Рассмотрим вопросы обучения в компании VK на основе ежегодного отчета об устойчивом развитии VK. VK стали публиковать ESG-отчеты первыми среди локальных интернет-компаний. С третьего квартала 2021 г. они также публикуют ежеквартальные ESG-презентации. VK развивает образование и поддерживает пользователей на пути к карьере в сфере информационных технологий, помогая им приобретать необходимые навыки и исследовать новые карьерные пути, применяет комплексный подход к разработке сервисов онлайн-обучения.

В 2021 г. образовательному направлению VK исполнилось десять лет³¹. Образовательная деятельность началась с запуска совместного проекта с Московским государственным техническим университетом имени Н.Э. Баумана, объединяющего теорию и практику для будущих ИТ-специалистов. Сегодня VK Образование объединяет проекты на всех ступенях обучения — от дошкольного до профессионального. VK активно инвестирует в образовательный бизнес, стремясь улучшить инфраструктуру обучения в России. К концу 2021 г. у компании были контрольный пакет акций Skillbox Holding Limited (GeekBrains, Skillbox, SkillFactory, Lerna и Mentorama), а также доли в Алгоритмике, Тетрике, Учи.ру и Ум-скулe. Эти образовательные платформы позволяют пользователям осваивать новые навыки онлайн, совершенствовать знания по школьным предметам и получать новые профессии. VK поддерживает многие общественные образовательные инициативы. Совместно с Росмолодежью, Российским обществом “Знание”, Российским движением школьников и другими партнерами проводит масштабные образовательные марафоны, лекции, хакатоны и другие мероприятия.

Ключевая цель VK заключается в том, чтобы около 10 млн студентов завершили обучение по своим образовательным программам к концу 2023 г.

VK помогают техническим специалистам повышать квалификацию. В 2021 г. компания продолжила работу академии MADE. 224 выпускника и 186 студентов присоединились к Академии больших данных и начали изучать Data Science, Machine Learning Engineering и Data Engineering. Более 120 человек успешно завершили обучение в Академии продуктовых менеджеров. Они совершили качественный прорыв в разработке своих продуктов и стали частью закрытого сообщества продуктовых менеджеров VK.

³¹ VK. Годовой отчет по ESG (2021) // Сайт Российского союза промышленников и предпринимателей. URL: <https://rspp.ru/activity/social/registr/>

VK предоставляет различные инструменты для постоянного повышения уровня знаний и опыта своих сотрудников. Основным ресурсом для обучения является внутренняя обучающая платформа — Study. Все сотрудники имеют бесплатный доступ к платформе и всему ее контенту. На Study собрано более 200 курсов на различные темы. Платформа предоставляет свободный доступ для всех сотрудников, контент на платформе связан с корпоративными компетенциями — определенными профессиональными и личностными навыками, необходимыми для эффективной работы, предоставляет персонализированный (индивидуальный) план обучения и развития, который может составить любой сотрудник с учетом необходимых компетенций или результатов оценки коллег; предоставляется самостоятельная регистрация на корпоративные тренинги и мероприятия, которые проводятся регулярно. VK регулярно собирает и обновляет список внешних профессиональных мероприятий. Сотрудники могут посещать их в качестве участников и докладчиков. В московской штаб-квартире есть корпоративная библиотека с широким выбором бумажных книг. Также всем сотрудникам доступна электронная библиотека с бесплатным доступом (онлайн-библиотека MyBook), в которой более 200 000 книг на различные темы. Кроме того поощряется изучение иностранных языков. Например, у сотрудников есть возможность изучать английский язык в трех форматах: присоединиться к разговорному клубу, учиться в школе английского языка индивидуально или в группе.

Важно отметить, что помимо обучения компаниям важно проводить оценку компетенций сотрудников. Так, в 2021 г. были проведены мероприятия по оценке компетенций для 6900 сотрудников и определены их карьерные ожидания. Менеджеры прошли обучение по предоставлению обратной связи сотрудникам по результатам оценки и проведению встреч с командой. Для каждого сотрудника был сгенерирован автоматический отчет с определением сильных сторон и областей для развития.

Рассматривая корпоративные нефинансовые отчеты российских компаний, хотелось бы отметить ПАО «Северсталь»³².

ПАО «Северсталь» является победителем номинации «Федерация» премии HR Brand 2020 за проект образовательной программы «Цифровая сталь», цель которой — обучение сотрудников базовому

³² Северсталь. Отчет об устойчивом развитии 2021. URL: <file:///C:/Users/1/Downloads/%D0%9E%D0%A3%D0%A0%20%D0%A1%D0%B5%D0%B2%D0%B5%D1%80%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BB%D1%8C%202021.pdf>

и среднему уровню цифровых компетенций. Охват программы составил свыше 14 тысяч сотрудников разных бизнес-единиц.

“Северсталь” постоянно совершенствует систему корпоративного обучения и развития, чтобы поддерживать квалификацию сотрудников на высоком уровне. В разработке планов по обучению участвуют менеджеры всех уровней: от линейных руководителей до генерального директора. В настоящее время в “Северстали” существуют следующие направления обучения: программы обучения руководителей (Бизнес академия “Северстали”, программа “Достичь большего вместе”, “Школа менеджеров” и другие), программы обучения мастеров и рабочих (“Школа мастеров”, обучение по вторым профессиям, профессиональная переподготовка, программа “Видеть и действовать”), функциональные программы обучения по итогам оценки компетенций, программы подготовки резерва (“Стальной резерв”). Содержание образовательных программ и темы обучения определяются с учетом стратегии развития Компании и набора компетенций, которые могут быть востребованы в разных видах профессиональной деятельности. В 2021 г. доля персонала, охваченного программами развития, составила 75% и увеличилась на 22% по сравнению с аналогичным показателем в 2020 г.

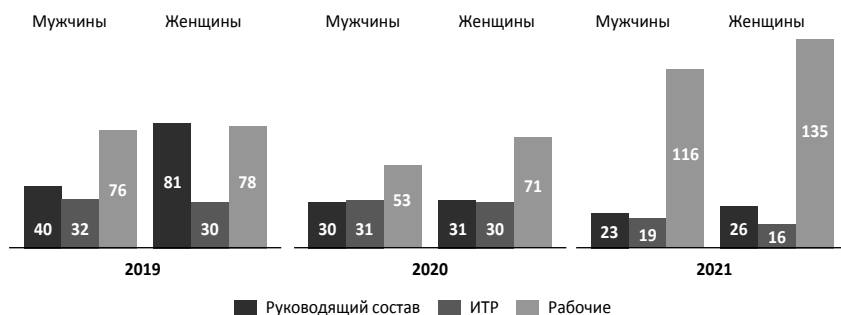

Рис. Продолжительность обучения в разбивке по полу и категориям работников (часов)

Таким образом, опыт компаний в обучении сотрудников интересен и разнообразен. Все компании отмечают необходимость обучения и повышения квалификации сотрудников. В некоторых компаниях образованы корпоративные университеты, в других для обучения специально создаются платформы с обязательным выделением необходимого и подходящего инструментария для обучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Базаров Т.Ю. Импровизация как основа совместного творчества в управлении // Национальный психологический журнал. 2006. Ноябрь.
- Барков С.А. Жизненный цикл организации и национальные бизнес-культуры // Власть и управление на Востоке России. 2015. № 4. С. 53–62.
- Басиев Л.В., Севостьянова И.И. Аттестация персонала: понятие и сущность // Научные извещения. Экономические науки. 2016. № 3.
- Гастев А.К. Как надо работать. Практическое введение в науку организации труда. М., 1972.
- Глухенькая Н.М. Обучение и развитие персонала: принципы, подходы, методы // Профессиональное образование. Столица. 2015. № 1. С. 42–44.
- VK. Годовой отчет по ESG (2021). URL: <https://rspp.ru/activity/social/registr/>
- Горбунова О.Н. Инвестиции в образование как неотъемлемый элемент формирования трудовых ресурсов // Социально-экономические явления и процессы. 2011. № 3.
- Григорьев Д.А. Бизнес-тренинг: как это делается. М., 2014.
- Дейнека А.В. Управление персоналом организации. М., 2017.
- Зинурова Р. Корпоративный университет как точка соприкосновения науки, образования и производства // Вестник Казанского технологического университета. 2011. № 18.
- Змеев С.И. Андрагогика: основы теории и технологии обучения взрослых. М., 2003.
- Иванов Д. Путь к вершине. Факторы успеха. Что важнее: softskills или hard skills? URL: http://www.colloquium.ru/article/hard_soft/hard_soft.php (дата обращения: 21.03.2022).
- Ивонина А.И., Чуланова О.Л., Давлетишина Ю.М. Современные направления теоретических и методических разработок в области управления: роль soft-skills и hard skills в профессиональном и карьерном развитии сотрудников // Вестник евразийской науки. 2017. № 1 (38).
- Казанцева Е. Корпоративный университет — движущая сила организации // Управление развитием персонала. 2014. № 38.
- Калимуллин Д.Д. Корпоративное профессиональное образование // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2011. № 4.
- Камерон К.С. Диагностика и измерение организационной культуры / Под ред. И.В. Андреевой. СПб., 2001.
- Кербель Б.М., Попова И.Г., Федосов Н.И. Корпоративные университеты в системе профессионального образования // Открытое образование. 2005. № 3.
- Киселева Г.С. Оценка потребности организации в переподготовке и повышении квалификации кадров // Экономика и право. 2015. № 3.
- Кленина Е.А. Коучинг как одна из форм обучения. URL: <https://orelgiet.ru/docs/monah/123.k.pdf> (дата обращения: 09.04.2020).
- Кудрявцева Е.И., Козин А.А. Корпоративное обучение как современная форма повышения квалификации персонала организации // Теория и практика управления. 2006. № 2 (7).
- Лалу Ф. Открывая организации будущего / Науч. ред. Е. Голуб. М., 2016.
- Ленин В.И. Очередные задачи Советской власти // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36.

- Лошкарева Е., Лукиш П., Ниченко И., Смагин И., Судаков Д. Навыки будущего. Что нужно знать и уметь в новом сложном мире. М., 2017.
- Макаревич В.Н. Игровые методы в социологии: теория и алгоритмы. М., 1994.
- Мильнер Б.З. Теория организации. М., 1999.
- Мыльникова С.А., Погосян В.А. Развитие корпоративных университетов в России в свете мировых тенденций // Научное мнение. 2015. № 3–2.
- Национальный Регистр корпоративных нефинансовых отчетов // Сайт РСПП. URL: <https://rspp.ru/activity/social/registr/>
- Оганян А.А. Теоретические аспекты взаимодействия высшего образования и рынка труда // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 3.
- Платонова Р.И., Михина Г.Б. Актуальность soft skills в профессиональном плане будущих специалистов // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. Т. 7. № 4 (25).
- Пригожин А.И. Цели и ценности. Новые методы работы с будущим. М., 2010.
- Профессиональный стандарт. Специалист по управлению персоналом (утвержден приказом Министерства труда и социальной защиты РФ от 6 октября 2015 г.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_187770/
- Сайт Северсталь. Отчет об устойчивом развитии 2021. URL: <file:///C:/Users/1/Downloads/%D0%9E%D0%A3%D0%A0%20%D0%A1%D0%B5%D0%B2%D0%B5%D1%80%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BB%D1%8C%202021.pdf>
- Сильченко Ю. 10 000 руководителей DHL Express проходят сертификацию на различных модулях программы Certified International Manager. 2019.20.07. URL: <https://dzen.ru/media/cfo/10-000-rukovoditelei-dhl-express-prohodiat-sertifikaciiu-na-razlichnyh-moduliah-programmy-certified-international-manager-5d316ca54e057700ad48d6d8>
- Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 25.02.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2022). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/
- Устойчивое энергетическое будущее. Годовой отчет публичного акционерного общества “Татнефть” им. В.Д. Шашина за 2020 год утвержден Годовым общим собранием акционеров 25.06.2021, протокол № 34. URL: <https://www.tatneft.ru/uploads/publications/63ad356b7a11a086043847.pdf>
- Федеральный закон “Об образовании в Российской Федерации” от 29.12.2012 N 273-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/
- Шарапова Н.В., Унжакова Е.А. Профессиональное обучение персонала как фактор конкурентоспособности организации // Проблемы экономики и менеджмента. 2017. № 4 (68).
- Юрасова М.В. Новый уровень качества управления: модель Премии Правительства Российской Федерации в области качества // Государственное управление. Электронный вестник. 2016. Дек. Вып. № 59.
- Юрасова М.В. Интегрированные системы исследований. М., 2016.

REFERENCES

- VK. Godovoj otchet po ESG (2021) [VK. ESG Annual Report (2021)]. URL: <https://rspp.ru/activity/social/registr/> (in Russian).
- Barkov S.A.* Zhiznennyj cikl organizacii i nacional'nye biznes-kul'tury [The life cycle of an organization and national business cultures] // *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii*. 2015. N 4. S. 53–62 (in Russian).
- Basiev L.V., Sevost'yanova I.I.* Attestaciya personala: ponyatie i sushchnost' [Personnel certification: concept and essence] // *Nauchnye izvestiya. Ekonomicheskie nauki*. 2016. N 3 (in Russian).
- Bazarov T.Yu.* Improvizaciya kak osnova sovместnogo tvorchestva v upravlenii [Improvisation as a Basis for Joint Creativity in Management] // *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal*. 2006. Noyabr'. (in Russian).
- Federal'nyj zakon "Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii" ot 29.12.2012 N 273-FZ (poslednyaya redakciya). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (in Russian).
- Gasteв A.K.* Kak nado rabotat'. Prakticheskoe vvedenie v nauku organizacii truda [How to work. A practical introduction to the science of labor organization]. M., 1972 (in Russian).
- Gluhen'kaya N.M.* Obuchenie i razvitie personala: principy, podhody, metody [Personnel training and development: principles, approaches, methods] // *Professional'noe obrazovanie. Stolica*. 2015. N 1. S. 42–44 (in Russian).
- Gorbunova O.N.* Investicii v obrazovanie kak neot'emlemyj element formirovaniya trudovyh resursov [Investments in education as an integral element of the formation of labor resources] // *Social'no-ekonomicheskie yavleniya i processy*. 2011. N 3 (in Russian).
- Grigor'ev D.A.* Biznes-trening: kak eto delaetsya [Business coaching: how it's done]. M., 2014 (in Russian).
- Dejneka A.V.* Upravlenie personalom organizacii [Organization personnel management]. M., 2017 (in Russian).
- Ivanov D.* Put' k vershine. Faktory uspekha. Chto vazhnee: softskills ili hard skills? [Way to the top. success factors. What is more important: softskills or hard skills?]. URL: http://www.colloquium.ru/article/hard_soft/hard_soft.php (data obrashcheniya: 21.03.2022) (in Russian).
- Ivonina A.I., Chulanova O.L., Davletshina Yu.M.* Sovremennye napravleniya teoreticheskikh i metodicheskikh razrabotok v oblasti upravleniya: rol' soft-skills i hard skills v professional'nom i kar'ernom razvitii sotrudnikov [Modern directions of theoretical and methodological developments in the field of management: the role of soft-skills and hard skills in the professional and career development of employees] // *Vestnik evrazijskoj nauki*. 2017. N 1 (38) (in Russian).
- Kalimullin D.D.* Korporativnoe professional'noe obrazovanie [Corporate vocational education] // *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. 2011. N 4 (in Russian).
- Kameron K.S.* Diagnostika i izmerenie organizacionnoj kul'tury [Diagnostics and measurement of organizational culture] / Pod red. I.V. Andreevoi. SPb., 2001 (in Russian).
- Kazanceva E.* Korporativnyj universitet — dvizhushchaya sila organizacii [Corporate university — the driving force of the organization] // *Upravlenie razvitiem personala*. 2014. N 38 (in Russian).

Kerbel' B.M., Popova I.G., Fedosov N.I. Korporativnye universitety v sisteme professional'nogo obrazovaniya [Corporate Universities in the System of Vocational Education] // Otkrytoe obrazovanie. 2005. N 3 (in Russian).

Kiseleva G.S. Ocenka potrebnosti organizatsii v perepodgotovke i povyshenii kvalifikatsii kadrov [Assessment of the organization's needs for retraining and advanced training of personnel] // Ekonomika i pravo. 2015. N 3 (in Russian).

Klenina E.A. Kouching kak odna iz form obucheniya [Coaching as one of the forms of education]. URL: <https://orelgiet.ru/docs/monah/123.k.pdf> (data obrashcheniya: 09.04.2020) (in Russian).

Kudryavceva E.I., Kozin A.A. Korporativnoe obuchenie kak sovremennaya forma povysheniya kvalifikatsii personala organizatsii [Corporate training as a modern form of professional development of the organization's personnel] // Teoriya i praktika upravleniya. 2006. N 2 (7) (in Russian).

Lalu F. Otkryvaya organizatsii budushchego [Discovering the organizations of the future] / Nauch. red. E. Golub. M., 2016 (in Russian).

Lenin V.I. Ocherednye zadachi Sovetskoj vlasti [Immediate Tasks of Soviet Power] // Lenin V.I. Poln. sobr. soch. T. 36 (in Russian).

Loshkareva E., Luksha P., Nichenko I., Smagin I., Sudakov D. Navyki budushchego. Chto nuzhno znat' i umet' v novom slozhnom mire [Future Skills. What you need to know and be able to in the new complex world]. M., 2017 (in Russian).

Makarevich V.N. Igrovye metody v sociologii: teoriya i algoritmy [Game methods in sociology: theory and algorithms]. M., 1994 (in Russian).

Mil'ner B.Z. Teoriya organizatsii [Organization theory]. M., 1999 (in Russian).

Myl'nikova S.A., Pogosyan V.A. Razvitie korporativnykh universitetov v Rossii v svete mirovykh tendentsiy [Development of corporate universities in Russia in the light of global trends] // Nauchnoe mnenie. 2015. N 3–2 (in Russian).

Natsional'nyj Registr korporativnykh nefinansovykh otchetov [National Register of Corporate Non-Financial Reports] // Sajt RSPP. URL: <https://rspp.ru/activity/social/registr/> (in Russian)

Oganyan A.A. Teoreticheskie aspekty vzaimodejstviya vysshego obrazovaniya i rynka truda [Theoretical aspects of the interaction of higher education and the labor market] // Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk. 2016. N 3 (in Russian).

Platonova R.I., Mihina G.B. Aktual'nost' soft skills v professional'nom plane budushchih specialistov [The relevance of soft skills in the professional plan of future specialists] // Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psihologiya. 2018. T. 7. N 4 (25) (in Russian).

Prigozhin A.I. Celi i cennosti. Novye metody raboty s budushchim [Goals and values. New methods of working with the future]. M., 2010 (in Russian).

Professional'nyj standart. Specialist po upravleniyu personalom (utverzhden prikazom Ministerstva truda i social'noj zashchity RF ot 6 oktyabrya 2015 g.) [Professional standard. HR specialist (approved by order of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation of October 6, 2015)]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_187770/ (in Russian).

Sajt Severstal'. Otchet ob ustojchivom razvitii 2021 [Severstal website. Sustainability Report 2021]. URL: <file:///C:/Users/1/Downloads/%D0%9E%D0%A3%D0%A0%20%D0%A1%D0%B5%D0%B2%D0%B5%D1%80%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BB%D1%8C%202021.pdf> (in Russian).

Sharapova N.V., Unzhakova E.A. Professional'noe obuchenie personala kak faktor konkurentosposobnosti organizacii [Vocational training of personnel as a factor in the competitiveness of an organization] // Problemy ekonomiki i menedzhmenta. 2017. N 4 (68) (in Russian).

Sil'chenko Yu. 10 000 rukovoditelej DHL Express prohodyat sertifikaciyu na razlichnyh moduljah programmy Certified International Manager. 2019.20.07 [10,000 managers of DHL Express are certified on various modules of the Certified International Manager program. 2019.20.07]. URL: <https://dzen.ru/media/cfo/10-000-rukovoditelei-dhl-express-prohodyat-sertifikaciiu-na-razlichnyh-moduliah-programmy-certified-international-manager-5d316ca54e057700ad48d6d8> (in Russian).

Trudovoj kodeks Rossijskoj Federacii ot 30.12.2001 N 197-FZ (red. ot 25.02.2022) (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.03.2022) [Labor Code of the Russian Federation of December 30, 2001 N 197-FZ (as amended on February 25, 2022) (as amended and supplemented, effective from March 1, 2022)]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (in Russian).

Ustojchivoe energeticheskoe budushchee. Godovoj otchet publichnogo akcioner-nogo obshchestva "Tatneft" im. V.D. Shashina za 2020 god utverzhden Go-dovym obshchim sobranie akcionerov 25.06.2021, protokol N 34 [Sustainable energy future. Annual report of the public joint-stock company "Tatneft" named after V.D. Shashin for 2020 was approved by the Annual General Meeting of Shareholders on June 25, 2021, minutes No. 34]. URL: <https://www.tatneft.ru/uploads/publication/s/63ad356b7a11a086043847.pdf> (in Russian).

Yurasova M.V. Novyy uroven' kachestva upravleniya: model' Premii Pravitel'stva Rossijskoj Federacii v oblasti kachestva [A new level of management quality: the model of the Prize of the Government of the Russian Federation in the field of quality] // Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik. 2016. Dek. Vyp. N 59 (in Russian).

Yurasova M.V. Integrirovannye sistemy issledovanij [Integrated research systems]. M., 2016 (in Russian).

Zinurova R. Korporativnyj universitet kak tochka soprikosnoveniya nauki, obrazovaniya i proizvodstva [Corporate university as a point of contact between science, education and production] // Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta. 2011. N 18 (in Russian).

Zmeev S.I. Andragogika: osnovy teorii i tekhnologii obucheniya vzroslykh [Andragogy: fundamentals of the theory and technology of adult education]. M., 2003 (in Russian).

СОЦИОЛОГИЯ В КИТАЕ

DOI: 10.24290/1029-3736-2023-29-3-197-208

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-2019 НА СОЦИАЛЬНОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ В КИТАЕ

Ань Эньюй, асп. кафедры социальных технологий социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

Новая коронавирусная инфекция COVID-2019 стала одним из главных социальных потрясений современности, оказав многоаспектное влияние на общество. В данной статье делается акцент на изучении влияния пандемии на трансформацию потребления в китайском обществе. На основе анализа научных работ и результатов эмпирических исследований среди студенческой молодежи, сельского и городского населения сделан вывод, что в каждой социальной группе произошли изменения в потреблении, вызванные как сокращением доходов, так и трансформацией социальных ценностей. Изменения потребления выразились в росте расходов на продукты питания, здравоохранение, при этом расходы на услуги, включая проживание, транспорт и связь, существенно уменьшились. В условиях пандемии в сознании людей произошло изменение в восприятии важности здоровья, что привело к росту потребления услуг здравоохранения и товаров для здоровья. В процессе потребления китайцы стремились прежде всего удовлетворить физиологические потребности и потребности в безопасности. В условиях пандемии возникла неопределенность доходов населения, для некоторых социальных групп, среди которых следует выделить сельское население, новая инфекция и соответствующие ограничительные меры и вовсе привели к существенному снижению объема дохода. Это обусловило развитие мотива превентивных сбережений. Сильнее это проявилось в сельской местности, нежели в городской. Среди жителей китайских городов был отмечен более явный рост тенденции рационализации потребления.

По результатам исследования отмечено, что влияние пандемии на социальное потребление в Китае выражается в снижении готовности жителей Китая к потреблению, развитию мотива предупреждающего сбережения, формировании тенденции к рациональному потреблению, изменении в потребительских привычках, росте онлайн-покупок продуктов питания.

Ключевые слова: пандемия, потребление, общество, предупреждающее сбережение, рациональное потребление, Китай, COVID-2019.

* Ань Эньюй, e-mail: enrui8585@gmail.com

THE IMPACT OF THE COVID-2019 PANDEMIC ON SOCIAL CONSUMPTION IN CHINA

An Enrui, PhD student, Department of Social Technologies, Faculty of sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: enrui8585@gmail.com

The new coronavirus infection COVID-2019 has become one of the main social upheavals of our time, having a multifaceted impact on society. This article focuses on studying the impact of the pandemic on the transformation of consumption in Chinese society. Based on the analysis of scientific works and the results of empirical studies among students, rural and urban population, it is concluded that in each social group there have been changes in consumption caused by both a reduction in income and a transformation of social values. Changes in consumption have resulted in increased spending on food, health care, while spending on services, including accommodation, transport and communications, has declined significantly. In the context of the pandemic, there has been a change in the perception of the importance of health in the creation of people, which has led to an increase in the consumption of health services and health products. In the process of consumption, the Chinese sought first of all to satisfy the physiological needs and the needs for safety. In the context of the pandemic, there was an uncertainty in the income of the population, for some social groups, among which the rural population should be singled out, a new infection and the corresponding restrictive measures completely led to a significant decrease in income. This led to the development of the preventive savings motive. This was most pronounced in rural areas than in urban areas. While among the residents of Chinese cities, there was a more pronounced increase in the trend of rationalization of consumption. According to the results of the study, it was noted that the impact of the pandemic on social consumption in China is expressed in a decrease in the willingness of Chinese people to consume, the development of a precautionary savings motive, the formation of a trend towards rational consumption, a change in consumer habits, and an increase in online food purchases.

Key words: Pandemic, consumption, society, preventive saving, rational consumption, China, COVID-2019.

Потребление — это неотъемлемая часть человеческого существования. Люди постоянно покупают необходимые товары и услуги, чтобы удовлетворять имеющиеся потребности.

Многие исследователи, включая Пань Жуйю, считают, что потребление является основной движущей силой экономического роста¹. Мы придерживаемся мнения, что потребление является не только главной движущей силой экономического роста страны, но и важным показателем уровня жизни общества. В связи с этим в

¹ 潘瑞玉. 疫情下民众经济信心及消费行为的研究——基于浙江绍兴地区的调查 // 河北企业. [Пань Жуйю. Исследование экономической уверенности населения и потребительского поведения в условиях эпидемии — на основе опроса в Шаосине, Чжэцзян // Предприятия Хэбэя. 2022. № 2. С. 35–37].

рамках настоящего исследования потребление рассматривается как социальный феномен.

В конце 2019 г. в г. Ухань (провинция Хубэй, КНР) была обнаружена новая для всего человечества коронавирусная инфекция, распространившаяся сначала в Китае, а затем и по всему миру, и повлекшая за собой различные последствия для общества.

23 января 2020 г. в г. Ухань был объявлен первый локдаун, после которого во всех частях Китая были развернуты меры экстренного реагирования первого уровня². Долгосрочная приостановка трудовой деятельности, производства и учебы серьезно повлияла на экономическую и социальную ситуацию, в результате чего резко снизился объем потребления населения. По данным Национального бюро статистики КНР, с января по февраль 2020 г. общий объем розничных продаж потребительских товаров в Китае сократился на 20,5% в годовом исчислении³.

По мнению Сюэ Вэньцзе, эпидемия COVID-19 является глобальным событием в области общественного здравоохранения, которое нанесло большой ущерб и создало риски для общества, поэтому в определенной степени она влияет на уровень потребления жителей⁴. Чжан Нин в своей статье отмечает, что возникновение коронавируса в 2020 г. “застало людей врасплох”, сделало их жизнь непредсказуемой и изменило поведение потребителей⁵.

COVID-2019 оказал значительное влияние на потребительское поведение жителей Китая⁶. Чтобы изучить тенденцию изменения потребления жителей Китая после эпидемии и способствовать здоровому развитию общества, в рамках настоящей работы проводится исследование аспектов воздействия пандемии на социальное потребление.

² 李柳颖, 武佳藤. 新冠肺炎疫情对居民消费行为的影响及形成机制分析 // 消费经济. [Ли Люин, У Цзятэн. Анализ влияния новой эпидемии коронарной пневмонии на потребительское поведение жителей и механизм его формирования // Экономика потребления. 2020. № 3. С. 19–26].

³ Там же.

⁴ 薛文杰. 新冠肺炎疫情对山西省农村居民消费的影响及分析 // 商业文化. [Сюэ Вэньцзе. Влияние и анализ новой эпидемии коронарной пневмонии на потребление сельских жителей провинции Шаньси // Коммерческая культура. 2021. № 16. С. 24–26].

⁵ 张宁. 浅析消费者购买行为过程及营销策略 // 营销界. [Чжан Нин. Анализ процесса покупательского поведения потребителей и маркетинговая стратегия // Область маркетинга. 2021. № 26. С. 193–194].

⁶ 林玲, 李晓雯, 范梦洁, 顾益臣, 张雪伍. 新冠肺炎对居民消费行为的影响研究 // 甘肃科技. [Линь Лин, Ли Сюэвэнь, Фань Мэнцзе, Гу Ичэнь, Чжан Сюэу. Исследование влияния новой коронарной пневмонии на потребительское поведение жителей // Наука и техника Ганьсу. 2021. № 23. С. 42–44].

Обзор литературы

Первые социологические исследования потребления возникли в западной социологии в конце XIX столетия. В настоящее время социологически ориентированные исследования потребления рассматривают потребителей как реальных субъектов в социальных отношениях.

В каждом обществе существуют свои потребительские привычки, определяемые как поведенческие паттерны, формирующиеся в процессе постепенного накопления опыта. Привычки потребления не являются постоянными, они будут меняться с изменением окружающей среды⁷.

До возникновения новой коронавирусной инфекции научные работы, посвященные влиянию чрезвычайных эпидемических ситуаций на социальное потребление, были крайне ограничены. Яо Дунминь и Сюй Исюань провели обзор литературы, в которой исследуется данный вопрос, и отметили, что влияние стихийных бедствий на социальное потребление изучалось лишь на уровне психологических изменений⁸. Эпидемия COVID-19, разразившаяся в конце 2019 г., хоть и была чрезвычайной ситуацией, тем не менее отличалась от стихийных бедствий, главным образом, в аспектах более широкого масштаба и наличия постоянной угрозы жизни и здоровью населения. Это позволяет предположить, что изменения в потреблении, вызванные пандемией, отличаются от трансформаций, связанных с развитием и распространением иных чрезвычайных происшествий, а поэтому требуют более глубокого изучения.

В современных академических кругах существуют разные точки зрения относительно влияния пандемического фактора на потребление в обществе. Некоторые исследователи полагают, что пандемия ведет к трансформации представлений о потребительских ценностях. Они считают, что в условиях сложной эпидемиологической обстановки потребительское поведение становится более рациональным и склонным к “минимализму”, в связи с чем уровень потребления жителей значительно снижается⁹. Другие придер-

⁷ 刘阿娜, 李千博, 韦子默. 新冠肺炎疫情期间大学生消费心理及行为变化分析 // 国际公关. [Лю Ана, Ли Цяньбо, Вэй Цзимо. Анализ изменений психологии потребления и поведения студентов колледжей во время новой эпидемии коронарной пневмонии // Международные связи с общественностью. 2021. № 2. С. 82–83].

⁸ 姚东旻, 许艺煊. 自然灾害与居民储蓄行为——基于汶川地震的微观计量检验 // 经济动态. [Яо Дунминь, Сюй Исюань. Стихийные бедствия и сберегательное поведение жителей: микроэконометрический тест, основанный на землетрясениях в Вэньчуане // Экономическое развитие. 2018. № 5. С. 55–70].

⁹ 王慧琳. 新冠疫情下大学生消费行为的变化——基于“蚂蚁花呗”使用数据的调查分析 // 特区经济. [Ван Хуэйлинь. Изменения в потребительском поведении

живаются мнения, что в условиях пандемии формируется так называемое “ответное” потребление. В соответствии с этим подходом уровень потребления в постпандемическую эпоху будет характеризоваться резким ростом¹⁰.

В настоящее время не существует единой точки зрения относительно временной продолжительности влияния пандемии на потребление населения: одни исследователи¹¹ полагают, что это влияние носит краткосрочный характер, а другие считают целесообразным оценивать влияние пандемии на потребление населения как долгосрочное¹².

Несмотря на разногласия в определении характера влияния пандемии на потребления китайского общества все исследователи сходятся в одном: пандемический фактор сыграл важную роль в трансформации современного потребления населения. Так, Ту Сяньцин, Пэн Цзяси, Чжан Цяньнань пишут, что в 2020 г. вспышка новой коронавирусной инфекции привела к изменениям образа жизни и потребительского поведения в обществе¹³.

Многие современные концепции потребления базируются на основополагающей теории потребностей Маслоу. Теория иерархии потребностей Маслоу делит человеческие потребности на пять уровней: физиологические потребности, потребности в безопасности, социальные потребности, потребности в уважении и потребности в самореализации. Согласно этой теории, люди будут иметь потребности более высокого уровня только тогда, когда будут удовлетворены потребности нижнего уровня. Появление пандемии изменило уровень потребительского спроса, на основные позиции поднялись физиологические потребности и потребности безопасности.

Эпидемия породила ощущение кризиса, что поставило под угрозу безопасность жизни потребителей. Потребители временно отказались от социальных потребностей и потребностей в уважении и стали стремиться максимально удовлетворить физиологические потребности, т.е. потребности в самых основных средствах существования, включая такие как продукты питания, одежда, жилье и транспорт, а также медицинское обслуживание. Например, на тер-

студентов колледжей в условиях новой коронной эпидемии: исследование и анализ на основе данных использования “Ант Хуабэй” // Особая экономическая зона. 2022. № 2. С. 153–156].

¹⁰ Ли Люин, У Цзятэн. Указ. соч.

¹¹ Там же.

¹² Пань Жуйю. Указ. соч.

¹³ Ту Сяньцин, Пэн Цзяси, Чжан Цяньнань. Указ. соч.

риториях, где происходит эпидемия, чтобы уменьшить социальные контакты и сократить вероятность заражения, люди стараются как можно больше оставаться дома, панически скупая предметы первой необходимости (в китайском обществе к ним относятся масло, рис и лапша). Потребности в безопасности становятся высшим приоритетом, представляя собой нужды людей в защите своего тела и разума от вреда, включающие стабильность жизни, надежду избежать бедствий¹⁴. Пандемия поставила физиологические потребности людей выше социальных.

Домашние карантинные условия пандемии COVID-19 изменили привычный образ жизни потребителей и стимулировали новые потребности, которые в свою очередь сформировали новые модели потребления. Новые потребности способствовали формированию новых потребительских привычек. Потребительское поведение, которое практиковалось много раз, закрепляется, формируются новые потребительские привычки. На фоне развития новой ценности “домашней кухни”, покупки продуктов питания стали более разнообразными, заняв основную долю в потреблении общества¹⁵. Следовательно, может быть сформулирована следующая гипотеза:

H1: В условиях пандемии потребители стремятся удовлетворить физиологические потребности и потребности в безопасности, что ведет к изменениям в структуре потребления.

Относительно факторов, оказывающих влияние на социальное потребление в условиях пандемии, Ли Люин и У Цзятэн отметили, что возросший уровень безработицы, повлекший значительное сокращение доходов многих жителей и даже полное лишение источника доходов, привели к выбору общества в пользу сокращения потребления. В то же время эпидемия COVID-19 вызвала в обществе тревогу и панику и на фоне негативных прогнозов экспертов относительно дальнейшего распространения пандемии в обществе формируются и усиливаются превентивные сберегательные мотивы¹⁶. Чрезвычайные ситуации в области общественного здравоохранения могут привести к коллективным паническим покупкам. Степень распространения информации о пандемии и нехватка товаров значительно способствуют возникновению у потребителей панического покупательского намерения¹⁷. Исходя из этого, была выдвинута следующая гипотеза:

¹⁴ Чжан Нин. Указ. соч.

¹⁵ Лю Ана, Ли Цяньбо, Вэй Цзимо. Указ. соч.

¹⁶ Ли Люин, У Цзятэн. Указ. соч.

¹⁷ Пань Жуйю. Указ. соч.

Н2: На фоне пандемии в обществе возросла тенденция к превентивному сберегательному поведению.

Особый опыт локдаунов в китайских городах привел к изменению в потребительских ценностях общества, характеризующемуся укреплением осознания необходимости рационального потребления¹⁸. Поэтому была выдвинута следующая гипотеза:

Н3: Пандемический фактор способствовал рационализации социального потребления.

Появление эпидемии привело к серьезным изменениям в психологии и поведении потребителей разных социальных групп. По мнению Сюэ Вэньцзе, одной из наиболее уязвимых социальных групп КНР перед влиянием пандемии является сельское население, доля которого по стране превышает 40%¹⁹. Поэтому социальные проблемы, вызванные новой эпидемией, будут иметь ряд последствий для доходов и потребления сельских жителей. Исходя из этого, была выдвинута следующая гипотеза:

Н4: Пандемия оказывает значимое влияние на потребление сельского населения.

Результаты исследования

С целью доказательства гипотез, был проведен анализ вторичных данных исследований влияния пандемии на социальное потребление в Китае.

Изменения в потребностях населения привели к трансформации структуры потребления под влиянием пандемии. Согласно данным опроса Яо Яо, увеличение расходов произошло в отношении продуктов питания, табака и алкоголя, здравоохранения, одежды. В свою очередь снижение расходов было отмечено по статьям проживание, транспорт и связь²⁰.

Ли Люин, У Цзятэн отмечают, что потребительское поведение людей неотделимо от их собственного психологического состояния и влияния окружающей среды. Внезапная вспышка COVID-19 заставила людей лучше осознать важность здоровья и с большей готовностью тратить средства на него. Доля противоэпидемических средств, приобретаемых студентами, достигла 38,51% от общего потребления, в основном это маски, дезинфицирующие средства и

¹⁸ Ли Люин, У Цзятэн. Указ. соч.

¹⁹ Сюэ Вэньцзе. Указ. соч.

²⁰ 姚瑶.新冠肺炎疫情对昆明市城镇居民消费行为的影响及建议 // 中国市场. [Яо Яо. Влияние новой эпидемии коронарной пневмонии на потребительское поведение городских жителей в Куньмине и предложения // Китайский рынок. 2022. № 9. С. 5–10].

спецодежда, что свидетельствует о высоком внимании студентов к собственному здоровью²¹. В условиях эпидемии COVID-19 в потреблении студентов первое место заняли продукты питания (78,45%), одежда (66,95%), электронная техника (38,79%)²². Следовательно, гипотеза Н1 о том, что “в условиях пандемии потребители стремятся удовлетворить физиологические потребности и потребности в безопасности, что ведет к изменениям в структуре потребления” является подтвержденной.

В начале эпидемии из-за изоляции всех людей дома и закрытия различных предприятий резко возрос уровень безработицы, сельским жителям стало труднее выходить на работу. Для обеспечения приемлемого уровня жизни, сельские жители в новых условиях стремятся сократить расходы, чтобы больше откладывать сбережений на непредвиденные обстоятельства. В целом неопределенность доходов является одним из значимых факторов, оказавших влияние на потребление сельских жителей.

Сельские жители обеспокоены новыми вспышками COVID-19 и еще больше усиливают мотив предупредительной экономии. В этом случае возрастает осознание жителями необходимости рационального потребления, основанного на реальных потребностях домохозяйств. Согласно данным опроса, проведенного Сюэ Вэньцзе среди сельских жителей провинции Шаньси, мотив сокращения потребления и предупредительное сбережение являются основными факторами, изменяющими потребительское поведение сельских домохозяйств, в частности мотив предупредительных сбережений был отмечен 52,2% респондентов, ожидаемое снижение доходов — 36,3%²³.

Исходя из этого можно сделать вывод, что гипотеза Н4 может считаться доказанной.

Влияние пандемии на социальное потребление отмечается и в городах. Исследователем Яо Яо был использован анкетный опрос для анализа влияния эпидемии на потребительские привычки жителей, структуру потребления и потребительские ожидания, проведенный среди жителей г. Куньмин. Согласно данным опроса, 48% респондентов ожидают снижения доходов в условиях эпидемии. Также обнаружено, что 59% респондентов имеют усиленные предупредительные сберегательные мотивы. Тревога и паника — это психология жителей неуверенности в будущем в условиях эпидемии, а общественное мнение и прогнозы о том, что новый коронавирус мо-

²¹ Ли Люин, У Цзятэн. Указ. соч.

²² Там же.

²³ Сюэ Вэньцзе. Указ. соч.

жет существовать еще долго, привели к возникновению и усилению мотивов превентивных сбережений. Яо Яо обнаружила, что после возникновения коронавируса на долю городских жителей приходилось 69% респондентов, считающих, что их потребление неизменно, 12% полагали, что потребление снизилось, а 19% отметили его увеличение²⁴. Это позволяет сделать вывод, что потребительские привычки подавляющего большинства городских жителей остаются неизменными, а вероятность ответного потребления низкой.

В результате эмпирического исследования влияния пандемии на социальное потребление в Пекине, Тяньцзине и Хэбэй, проводимого в период с 17 по 24 февраля 2020 г. среди жителей (объем выборки 956 человек, среди них 185 — пекинцы, 166 — тяньцзинцы, 599 — хэбэйцы), Ли Люин и У Цзятэн выявили состояние потребления, факторы, оказывающие влияние на потребительское поведение. В частности, было обнаружено, что 62% респондентов полагают, что их потребление осталось прежним, а 38% признали изменения в поведении. Среди респондентов, изменивших потребительские привычки, 33,5% заявили, что сократят потребительские расходы в постпандемический период, и только 4,5% заявили, что увеличат потребительские расходы. Следовательно, почти треть домохозяйств все же решили сократить потребление после начала пандемии. Исходя из этого можно сделать вывод, что после того, как эпидемия постепенно стабилизируется, уровень потребления в Китае будет трудно вернуть к норме в краткосрочной перспективе, а вероятность “ответного потребления” очень мала.

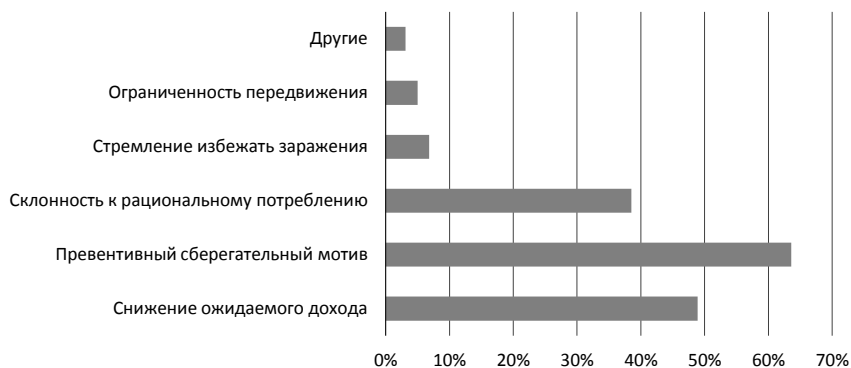

Рис. Факторы, влияющие на потребление в условиях пандемии в Китае²⁵

²⁴ Яо Яо. Указ. соч.

²⁵ Ли Люин, У Цзятэн. Указ. соч.

Эмпирический анализ факторов, влияющих на потребительское поведение в условиях пандемии, проведенный Ли Люин и У Цзятэн, позволил выявить что мотив предупредительного сбережения, ожидаемое снижение доходов и тенденция к рациональному потреблению являются основными факторами, изменяющими потребительское поведение в обществе (рис.).

Следовательно, почти треть домохозяйств предпочтут сократить расходы на потребление после эпидемии, на что в основном влияют три фактора — мотив предусмотрительных сбережений, ожидаемое снижение доходов и тенденция к рациональному потреблению. Это позволяет подтвердить гипотезы Н2 и Н3 о том, что на фоне пандемии в обществе возросла тенденция к превентивному сберегательному поведению и рационализации потребления.

Пандемия оказала существенное влияние на потребление студенческой молодежи Китая. Ван Хуэйлинь в своей работе отметила, что из-за сокращения доходов домохозяйств и снижения ожидаемого потребления, расходы студентов, которые ранее имели высокий уровень потребления, снизились, оказав влияние на их потребительские привычки²⁶.

Влияние пандемии на потребление социальной группы студентов выразилось в росте онлайн-покупок, увеличении спроса на товары для здоровья, снижении потребления культурных продуктов. Проведенное в статье Лю Ана и др. анкетирование студентов позволило обнаружить, что ограничительные меры в отношении передвижения в условиях пандемии привели к тому, что 75% респондентов предпочли приобретать товары в интернете и лишь 25% — в обычных магазинах. Следовательно, в период пандемии онлайн-покупки являются наиболее распространенным способом потребления для студентов, что позволяет не только удовлетворить потребности, но и снизить риск вероятности заражения.

В работе Чжан Нин также были исследованы особенности влияния пандемии на социальное потребление студентов. В результате эмпирического исследования, проведенного среди учащихся Университета Цзяннин путем анкетирования, исследователи обнаружили, что под влиянием пандемии готовность студентов к потреблению не сильно изменилась по сравнению с прежней, объем потребления некоторых людей уменьшился, и имело место некоторое ответное потребление. Основная причина, по которой студенты выбирают сокращение потребления в постпандемический период, связана с изменениями дохода их семьи и сокращением денежных

²⁶ Ван Хуэйлинь. Указ. соч.

средств, получаемых от родителей. Исследователи также делают вывод, что потребление студентов недостаточно рационально, незапланированно, существует ситуация опережающего потребления. Из результатов проведенного опроса Чжан Нин обнаружил, что некоторые респонденты не имеют четкого представления о запланированном потреблении, что ведет к неразумному потреблению. Более того, ограниченный опыт самостоятельного потребления и слабая способность к самоконтролю во многих случаях становятся главными причинами нерационального потребления, даже приводя к нерациональным займам. В целом обнаружено, что 71% респондентов столкнулся с неблагоприятными последствиями в потреблении в постпандемический период²⁷.

Исследователями Ту Сяньцин, Пэн Цзяси, Чжан Цяньнань были изучены изменения в потребительском поведении студентов в г. Гуанчжоу²⁸. Данные исследования показали, что около 30% студентов не заботятся о своих ежедневных расходах, примерно 70% — не знают своих ежемесячных расходов или имеют только общее представление, и только 20% формируют четкий план своего потребления. Следовательно, большинство студентов не сформировали четкого представления о планировании потребления и управлении финансами, что ведет к частым случаям слепого и импульсивного потребления.

Ту Сяньцин, Пэн Цзяси, Чжан Цяньнань отмечают влияние пандемии на модели потребления. В результате эмпирического исследования, они обнаружили, что снижение доли студентов-потребителей, приобретающих товары в обычных (традиционных) магазинах, составило почти 20%²⁹. Это показывает, что под воздействием эпидемии студенты сократили свое офлайн-потребление.

Выводы

Таким образом, в ходе анализа влияния пандемии COVID-2019 на социальное потребление в Китае было обнаружено, что в условиях пандемии потребители стремятся удовлетворить физиологические потребности и потребности в безопасности, что ведет к изменениям в структуре потребления. В целом, влияние пандемии COVID-2019 на социальное потребление в Китае проявляется в снижении готовности жителей Китая к потреблению, развитию мотива предупреждающего сбережения, формировании тенденции к

²⁷ Чжан Нин. Указ. соч.

²⁸ Ту Сяньцин, Пэн Цзяси, Чжан Цяньнань. Указ. соч.

²⁹ Там же.

рациональному потреблению, изменениях в потребительских привычках, росте онлайн-покупок (в особенности продуктов питания). Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что пандемический фактор оказал существенное влияние на трансформацию социального потребления Китая в постковидную эпоху.

REFERENCES

王慧琳. 新冠疫情下大学生消费行为的变化 — 基于“蚂蚁花呗”使用数据的调查分析 [Changes in Consumption Behavior of College Students under the New Crown Epidemic — A Survey and Analysis Based on the Data of “Ant Huabei”] // 特区经济. 2022. N 2. P. 153–156 (in Chinese).

李柳颖, 武佳藤. 新冠肺炎疫情对居民消费行为的影响及形成机制分析 [Analysis of the impact of the new crown pneumonia epidemic on residents' consumption behavior and its formation mechanism] // 消费经济. 2020. N. 3. P. 19–26 (in Chinese).

林玲, 李晓雯, 范梦洁, 顾益臣, 张雪伍. 新冠肺炎对居民消费行为的影响研究 [Research on the Impact of New Coronary Pneumonia on Residents' Consumption Behavior] // 甘肃科技. 2021. N 37 (23). P. 42–44 (in Chinese).

刘阿娜, 李千博, 韦子默. 新冠肺炎疫情期间大学生消费心理及行为变化分析 [Analysis of Changes in College Students' Consumption Psychology and Behavior During the Epidemic of New Coronary Pneumonia] // 国际公关. 2021. N 2. P. 82–83 (in Chinese).

潘瑞玉. 疫情下民众经济信心及消费行为的研究 — 基于浙江绍兴地区的调查 [Research on People's Economic Confidence and Consumption Behavior under the Epidemic — Based on a Survey in Shaoxing, Zhejiang] // 河北企业. 2022. N 2. P. 35–37 (in Chinese).

薛文杰. 新冠肺炎疫情对山西省农村居民消费的影响及分析 [The impact and analysis of the new crown pneumonia epidemic on the consumption of rural residents in Shanxi Province] // 商业文化. 2021. N 16. P. 24–26 (in Chinese).

涂先青, 彭佳焱, 张倩男. 疫情常态化背景下广州市大学生消费行为分析 [Analysis on Consumption Behavior of College Students in Guangzhou under the Background of Epidemic Normalization] // 商展经济. 2022. N 7. P. 61–63 (in Chinese).

张宁. 浅析消费者购买行为过程及营销策略 [Analysis of Consumer Purchasing Behavior Process and Marketing Strategy] // 营销界. 2021. N. 26. P. 193–194 (in Chinese).

姚东旻, 许艺煊. 自然灾害与居民储蓄行为 — 基于汶川地震的微观计量检验 [Natural Disasters and Resident Savings Behavior — A Micro-econometric Test Based on the Wenchuan Earthquake] // 经济学动态. 2018. N 5. P. 55–70 (in Chinese).

姚瑶. 新冠肺炎疫情对昆明市城镇居民消费行为的影响及建议 [The impact of the new crown pneumonia epidemic on the consumption behavior of urban residents in Kunming and suggestions] // 中国市场. 2022. N 9. P. 5–10 (in Chinese).

DOI: 10.24290/1029-3736-2023-29-3-209-219

КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ КИТАИЗАЦИИ МАРКСИЗМА

Ма Кэжоу, асп. кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

Статья посвящена проблемам китайской коммунистической идеологии. Рассмотрена “китаизация марксизма” как феномен социальной и политической жизни КНР конца XX и начала XXI в. Выполнен анализ процесса развития теории “китаизации марксизма”. Были выделены существенные противоречия в процессе развития китайской нации. В то же время было проведено аналитическое исследование преобразований в национальных приоритетах в политике модернизации КНР. Показаны противоречия между старой (советской) трактовкой коммунистической идеологии и ее интерпретацией, предложенной китайским ученым Ю Вунджином в конце XX в.

Ключевые слова: “китаизация марксизма”, Китай, К. Маркс, Си Цзиньпин, Ф. Энгельс, китайская мечта, социология, политика, национальная культура.

THE CULTURAL MEANING OF SINIFICATION OF MARXISM

Ma Kezhou, PhD student, Department of Modern Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: 798883766@qq.com

The article is devoted to the problems of Chinese communist ideology. The article considers the “Sinification of Marxism” as a phenomenon in the social and political life of the People’s Republic of China at the stage of development of this country after the end of the Cold War. The analysis of the process of development of the theory of “Sinification of Marxism” is carried out. Significant contradictions in the development of the Chinese nation were highlighted. At the same time, the analysis of transformations in the national priorities in the modernization policy of the People’s Republic of China was carried out. The contradictions between the old (Soviet) interpretation of the very concept of communist ideology and its current Chinese interpretation, proposed by Yu Wunzhin back in the 1990s, are shown.

* **Ма Кэжоу**, e-mail: 798883766@qq.com

Key words: *Sinification of Marxism, China, K. Marx, Si Tszinpin, F. Engels, Chinese dream, sociology, politics, national culture.*

Введение

Синология всегда была популярной в России научной дисциплиной, так как устойчивые отношения между Китаем и Россией возникли еще в XVII в., когда был подписан первый договор о границах на Дальнем Востоке (Нерчинский мир). Однако на фоне противостояния с Западом в период холодной войны, а затем уже и во время либеральных реформ в России изучение обществ США и Западной Европы оставалось приоритетным направлением для российских обществоведов, включая международных, тогда как Китай больше привлекал внимание филологов. Правда, определенный интерес к китайской проблематике сохранялся в сибирских и дальневосточных университетах. Глубокий научный анализ китайского общества и развития российско-китайских отношений начинает развиваться в России с началом XXI в., и к 2019–2021 гг. он привел к достаточно весомым результатам. Во многом это было связано с расширением экономических отношений между РФ и КНР. С 2005 г. проблемы безопасности в Азии и сотрудничество с Китаем в формате Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) также стали фактором усиления интереса российских ученых к КНР. Но, разумеется, главной причиной роста интереса российских синологов к соседней стране было китайское “экономическое чудо”. Процесс глобализации, который привел к интенсификации международного взаимодействия, также обусловил усиление интереса российских ученых к Китаю.

Тем не менее недостаточно изученной остается китайская политическая философия и ее влияние на развитие китайского общества после 2000 г., когда экономические реформы, начатые по инициативе Дэн Сяопина, вступили в более либеральную фазу¹. После того как председателем КНР стал Си Цзиньпин, китайский вектор внутренней и внешней политики несколько изменился — отныне, в отличие от предыдущих периодов, курс страны в большей мере обусловлен концепцией “китайской мечты”². Данный поворот в по-

¹ Jun Ma, Xuan He. The Chinese Communist Party's integration policy towards private business and its effectiveness: an analysis of the Ninth national survey of Chinese private enterprises // *Chinese Journal of Sociology*. 2018. Vol. 3. Iss. 3. P. 422–449; Xu Chenggang. The fundamental institutions of China's reforms and development // *Journal of Economic Literature*. 2011. N 49 (4). P. 1076–1151.

² Fewsmith J. Xi Jinping's fast start // *China Leadership Monitor*. 2013. Summer. N 41.

литике высшего руководства КПК сопровождался в смежный период трансформацией социальной основы партии³.

Соответственно, цель настоящей статьи — показать связь между, с одной стороны, китайской культурой, особенностями развития китайского общества после 1949 г. и особенно после начала реформ Дэн Сяопина, а с другой стороны, китайским марксизмом как системой ценностей и ориентиров современного китайского общества.

В соответствии с целью, мы ставим в нашем исследовании следующие задачи:

- 1) описать природу китайского марксизма, который опирается на китайские традиции;
- 2) показать расхождение между советским марксизмом, который базируется преимущественно на положениях К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина, и китайским марксизмом;
- 3) раскрыть особенности современной китайской идеологии в контексте официальной политической философии КНР.

Корни китаизации марксизма

Турецко-американский синолог Ариф Дирлик еще в конце XX в. выдвинул гипотезу, согласно которой марксизм в ходе распространения в Китае подвергся переосмыслению и реструктуризации. Мао Цзэдун, как и многие другие его современники, не просто читал работы К. Маркса и Ф. Энгельса сквозь призму китайского исторического опыта, но и настойчиво превращал китайский исторический опыт в китайскую версию прочтения марксизма. Как указывает А. Дирлик, китаизация марксизма была теоретическим проектом, имевшим огромное значение с точки зрения перспектив марксистской революции в Китае, который был преимущественно аграрным обществом⁴. Переводы произведений К. Маркса и Ф. Энгельса на китайский язык, по А. Дерлику⁵, стали почвой для дискуссий левых китайских интеллектуалов. Особенно это касается диалектики, которая в китайской философии имеет иной характер, нежели в

³ Gore L.L.P. The social transformation of the Chinese communist party: prospects for authoritarian accommodation // *Problems of Post-Communism*. 2015. N 62 (4). P. 204–216; Wen M.Y. The dynamics of sustainable regime continuity of China // *Chinese Studies*. 2018. N 7. P. 59–71; Liu J. Selection of China's top leadership cadre: the roles of supreme leaders, factional networks, and candidate attributes // *Journal of Current Chinese Affairs*. 2022. Vol. 51 (2). P. 219–240; The Third revolution: Xi Jinping and the new Chinese state. N.Y.; Oxford, 2018. P. 343.

⁴ Dirlik A. Mao Zedong and 'Chinese Marxism' // *Companion Encyclopedia of Asian Philosophy* / Ed. by B. Carr, I. Mahalingam. L.; N.Y., 1997. P. 602.

⁵ Ibid. P. 613.

западноевропейской⁶, причем в рамках последней для различных философских школ характерны различные версии диалектики.

Китайская философия и гуманитарная мысль в целом базируются на положениях “биан” (變) и “тонг” (通). В то время как биан предлагает становление в свете различий, тонг выражает вид становления в свете непрерывности — “становление” от одного события к другому. Это предполагает, что в становлении существует континуум; или, если бы не было континуума между этим и тем, не было бы становления. В свою очередь, если это не отличается от того, то не могло бы быть никакого становления.

Многие выдающиеся китайские мыслители находят биан и тонг во всех отношениях между всеми ванву (万物, “десятью тысячами вещей”) под небом, что можно рассматривать как нечто обнаруженное в объективном материальном мире в западном смысле. Более того, биан-тонг также рассматривается в обратном порядке, т.е. как тонг-биан, что означает “знающий биан”, здесь тонг изменился со значения “открытие, следующее за закрытием” и “бесконечный переход из одного из этих состояний в другое” на “постижение изменений и выполнение в соответственно меняющихся манерах” и “что выполнять и с чем оперировать”. Это указывает на то, что биан-тонг распространяет аналогичные отношения на тонг-биан; тонг-биан означает постигать биан-тонг, постижение, таким образом, является континуумом и представляет собой процесс проникновения в биан и тонг. Или, иными словами, “думать и поступать соответственно тому, что делает мир”⁷.

Объяснение процесса жизни в терминах взаимодействия взаимодополняющих оппозиций является фундаментальным для китайской традиции. В отсутствие дуализма западного образца, который устанавливает онтологическое разделение между некоторым определяющим принципом и тем, что он определяет, взаимосвязанность всех вещей способствует коррелятивному способу философствования и объяснения порядка в мире. Традиция сыграла важную роль в восприятии и осмыслении марксистской философии в Китае.

В работе по соединению диалектического материализма с концепцией биан-тонг участвовали тысячи китайских интеллектуалов, которые среди прочего осуществили переводы обширной иностранной литературы. Китайская версия марксизма быстро развивалась, достигнув своего пика при Мао Цзэдуне. Будучи хорошо знаком с

⁶ Salomon D. West-Östlicher Marxismus. Entgegnung auf Chenshan Tian // Das Argument. 2006. N 268. S. 193–194; Tian Ch. Chinesische Dialektik: die historische Entwicklung des Marxismus in China // Das Argument. 2006. N 268. P.184–192.

⁷ Zhu Xi. Zhuzi yulei [朱子语类]. Beijing, 1986.

трудами К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина и И.В. Сталина, Мао уделял большое внимание произведениям ряда советских и китайских авторов, таких как М.Б. Митин, И. Широков, Ли Да и Ай Сичи.

Взгляд Мао на диалектический материализм тяготел к позитивизму и дуализму, поскольку он черпал свои знания в основном из текстов, которые были переполнены терминами и формулами в духе советского ортодоксального марксизма. При этом Мао, осуществляя свою интерпретацию марксизма, апеллировал к классическим китайским понятиям.

Социализм с китайской спецификой был и остается актуальной темой для официального Пекина на протяжении нескольких поколений. После долгих усилий социализм с китайской спецификой вступил в новую эру, изобилующую новыми проблемами. Исходя из этого, генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин четко сформулировал основные концепции современного китайского марксизма⁸.

Несмотря на то что нередко можно слышать критику марксизма, которая ставит ему вину анахронизм и догматизм, академическое сообщество Китая начиная с 1990-х гг. стало свидетелем того, что современный китайский ученый Ху Дапин называет “ремарксизацией”⁹. Это свидетельствует о возросшем интересе китайских ученых к чисто философским разделам работ К. Маркса и к западному марксизму. Частью этого процесса является сдвиг в сторону интерпретации творчества К. Маркса, прежде всего, как критики капиталистической современности. Это соотносится с официальным марксистским дискурсом, т.е. усилиями по созданию теоретического фундамента для “социализма с китайской спецификой” (中国特色社会主义).

Ху Дапин выделяет два направления исследований — “неидеологическое, академическое” и “идеологическое”. Однако, по его мнению, особенность китайского контекста заключается не в том, что эти два марксистских дискурса вообще существуют, а в том, что их обычно невозможно отличить друг от друга¹⁰. В аналогичном ключе А. Дирлик подчеркивает необходимость проводить различие между понятиями “китайский марксизм” (中国马克思主义) и “марксизм

⁸ Hayes A. Interwoven “Destinies”: The significance of Xinjiang to the China dream, the belt and road initiative, and the Xi Jinping Legacy // *Journal of Contemporary China*. 2020. Vol. 29. N 121. P. 31–45.

⁹ Hu Daping. Marx in China // *Socialism and Democracy*. 2010. N 24 (3). P. 193–197.

¹⁰ Ibid. P. 194.

в Китае” (马克思主义在中国). Последний “шире по охвату и более расплывчатый”¹¹ и практически не исследовался.

Один из инициаторов реформ Дэн Сяопина Ю Учжин посвятил много лет изучению концепции идеологии. Он подчеркивает необходимость проведения различия между понятиями “сознание” (意识), “общественное сознание” (社会意识) и “идеология” (意识形态). В переведенном им авторитетном советском учебнике по философии понятие идеологии в основном встречается в разделе о диалектическом материализме (辩证唯物主义). Здесь сознание представлено как “отражение бытия” (存在的反映), а общественное сознание как “отражение социального бытия” (社会存在的反映). По мнению Ю, такое разделение сознания беспочвенно, поскольку оно порождает иллюзию существования социально неопосредствованного сознания. Таким образом, заключает он, это разделение противоречит позиции К. Маркса, который подчеркивал, что сознание всегда является продуктом общества¹². Кроме того, Ю замечает отсутствие четкого систематического различия в использовании марксистских терминов “идеология” (意识形态) и “форма сознания” (意识形式), что сдерживало уровень дискуссий в китайской марксистской философии. Таким образом, Ю Учжин полагал, что необходимо разъяснить различные значения этих терминов. В трудах К. Маркса и Ф. Энгельса, объясняет Ю, концепция идеологии обозначает тотальность или “органическое целое”, которое состоит из множества различных форм сознания, таких как религия, право и т.д.¹³

Современная идеология КПК

Дихотомизация “марксизма КПК” и академического марксизма справедлива лишь в ограниченной степени. В последние пятнадцать лет изучение идеологии в Китае стало в основном ограничиваться политической наукой.

Современные социологи считают, что любую культуру можно рассматривать как традиционный образ жизни, выраженный в специфическом наборе обычаев, институтов и артефактов. Разнообразие культур выражает разнообразие образов жизни. Иначе говоря, вопрос о культуре — это вопрос о том, как и почему различаются формы организации сложных социумов¹⁴.

¹¹ Dirlik A. The discourse of Chinese Marxism // In Modern Chinese Religion / Ed. by J. Lagerwey. Leiden, 2016. P. 302–365.

¹² Yu Wujin. Yishixingtai lun (On Ideology). Beijing, 1993. P. 124–126.

¹³ Ibid. P. 129.

¹⁴ Добренёв В.И., Кравченко А.И. Фундаментальная социология: В 15 т. Т. 7. М., 2005.

Образ жизни людей описывает структуру мышления и поведения, т.е. ценности, верования, и правила поведения, формы экономической деятельности, условия труда и быта, состояние религиозной и культурной жизни, образование, экологию и многое другое¹⁵.

В современном Китае марксизм трансформируется как политическая идеология. Производительные силы Китая, основанные на применении физического и умственного труда, а также особенность мировоззрения элит страны используются руководством КНР для качественного и количественного роста экономики, что соответствует сути китайской марксистской философии. Двумя наиболее важными теориями, созданными лидерами современного Китая являются концепции “трех представительств” Цзян Цзэмина и “китайской мечты” Си Цзиньпина.

Суть концепции “трех представительств” заключается в том, что правящая партия всегда должна отстаивать интересы прогресса производительных сил Китая, ориентироваться на китайскую культуру, а также защищать интересы большинства нации. Концепция трех представительств соответствует ряду важных идей К. Маркса и Ф. Энгельса.

Во-первых, К. Маркс и Ф. Энгельс утверждали, что “представляя свои интересы как общие интересы всех членов общества, класс, совершающий революцию, выступает с самого начала не как класс, а как представитель всего общества, как вся масса общества, противостоящая одному правящему классу”. Следуя идеологии, описанной К. Марксом и Ф. Энгельсом, Коммунистическая Партия Китая, полагает себя не правящей элитой, а партией, представляющей интересы нации.

Во-вторых, если брать историческую идеологию, “материальные силы являются содержанием, а идеологии — формой. Материальные силы были бы исторически немыслимы без формы, а идеологии были бы индивидуальными фантазиями без материальных сил”, то КПК полагает, что материальный базис — это то же самое, что и производительность, а идеология — одна из ведущих форм культуры. Иными словами, производственная база является экономической базой, а идеология — надстройкой.

В-третьих, “нужно навести порядок в этом правиле идей, доказать мистическую связь между последовательными господствующими идеями”, как указывали К. Маркс и Ф. Энгельс, значит порядок “трех представительств” воспроизводит сменяющие друг друга

¹⁵ Добренчиков В.И., Кравченко А.И. Указ. соч.

правляющие идеи. КПК считает, что производственная база должна быть на первом месте прежде, чем любая, даже самая развитая национальная культура, и лишь когда китайский народ обретает передовые производительные силы, он обретает и передовую национальную культуру.

Руководство Китая исходит из того, что экономическая мощь является одним из наиболее важных факторов общественного развития, но одной ее недостаточно. В XIX в. страна была самой крупной экономикой мира, но это не помогло ей защитить свой суверенитет в эпоху Опиумных войн. В настоящее время положение КНР в мировой системе более весомое и устойчивое, но возможности прежней модели экономического роста, созданные в период реформирования, близки к исчерпанию. Более невозможно надеяться на рост экспортных продаж и беспощадную эксплуатацию природных ресурсов. Для прорыва в экономике Китая требуется создать высокотехнологичные производства, которые бы основывались только на национальных научно-технических разработках, избавиться от ненадежных поставок на внешние рынки, организовать внутри страны увеличенный спрос на продукцию национального производства, а также необходимо принять неотложные меры в экологической политике государства.

Смена модели развития ставит КНР перед трудным выбором, поскольку экономический рост может оказаться под угрозой. Общемировой кризис негативно влияет на рост экономики, и в это непростое время “китайская мечта” должна объединить китайский народ, создать для людей уверенность в ускоренном развитии государства. Идея возрождения китайской нации должна стать основной для достижения внутринационального социального равенства, в то время как в стране существует огромный разрыв по уровню жизни между богатыми и бедными. Известные идеологические подходы (марксистская идеология, конфуцианский традиционализм, экономический либерализм) не гарантируют максимальной эффективности. Вместе с тем “китайская мечта” не отвергает ни одно из этих течений, а наоборот консолидирует их в себе, формируя социализм с китайской спецификой и обеспечивая сохранение национальной культуры, что не отрицает важную роль рынка для роста благосостояния общества.

Высшее образование стало воплощением идеалов китайского марксизма, которые типичны для китайской интеллигенции среднего ранга, так как официальный Пекин с начала 1980-х гг. делает ставку именно на науку и образование как на двигатель развития экономики.

Си Цзиньпин указал: “Китайская мечта — это национальная мечта, это также мечта каждого китайца”¹⁶. Лидер Китая призвал людей сплотиться для осуществления общей мечты через стремление к личным целям, подчеркнув: “У нас есть широкие возможности для того, чтобы каждый человек реализовал свою мечту”¹⁷. “Китайская мечта” не тождественна американской, но, вместе с тем, говорить об их несовместимости было бы преувеличением — в Китае также есть место для личного успеха и для реализации индивидуальной мечты о богатстве.

Понятие “китайская мечта” вошло в повседневно-общественную жизнь страны в ноябре 2012 г. вскоре после смены руководства Коммунистической партии Китая на XVIII съезде. Прежде всего, Си Цзиньпин заявил, что “осуществление великого возрождения китайской нации — это величайшая мечта китайского нации начиная с нового времени”.

Си Цзиньпин разъяснил, что “китайская мечта” состоит из трех целей: Китай должен стать богатейшим и сильнейшим государством, необходимо стремительное преобразование всей нации и забота о счастье всего народа. “Китайская мечта” может стать реальностью только в том случае, если выполнить три условия:

1. Китай должен развиваться только по собственному, т.е. по “китайскому пути”.
2. Осуществление мечты зависит от “развития китайского духа”, который основан на инновационных технологиях, патриотических идеях и реформировании всех сфер.
3. Сплоченность всего китайского общества.

Традиционные мечты не потеряли своей актуальности. Возникшая в Китае более двух тысячелетий назад идея общества “великого единения” (Датонг, когда “Поднебесная принадлежит всем”, 大同) в новых условиях стала синонимом идей социализма.

Си Цзиньпин исходит из положений классиков марксизма-ленинизма, при этом особый акцент делается на идеях Мао Цзэдуна. Марксизм является идеологией КПК, и на него ориентируется партия и страна.

К 2010 г. КПК давно уже из классовой (пролетарской) партии превратилась в национальную и патриотическую, но понятие “китайская нация” (中华民族) трактуется максимально широко. Это не “нация китайцев”, т.е. народа хань, составляющего 92% населения КНР, а объединение всех народов, живущих на территории государства и соединенных “общими культурными ценностями”.

¹⁶ China Central Television (CCTV). News. 2017.24.05. 19:00.

¹⁷ China Central Television (CCTV). News. 2018.10.07. 19:20.

Заключение

Ярче всего переосмысление марксизма в китайской интеллектуальной мысли отражено в трудах Ю Учжин. Его работа “Об идеологии” является каноничной для официальной точки зрения. Работа Ю направлена на рассмотрение проблемы догматических советских трактовок марксистской теории, обусловленных доминированием диалектического материализма сталинского типа, на что указывали китайские переводы советских учебников по философии. Ю подчеркивает необходимость повторного обращения к оригинальным работам К. Маркса, особенно на языке оригинала.

Отход Ю от диалектического материализма не означает отказа от марксизма-ленинизма как такового и тем более отказа от диалектики. Он выступает как за критическую концепцию идеологии, которая, по его утверждению, занимает существенное место в работах К. Маркса, так и за метод диалектического отрицания в трактовке идеологий.

Выдвинутая Си Цзиньпином идея “новой эры” глобальных отношений, основанных на “сообществе общей судьбы”, опирается на концепцию ванву (万物, “десять тысяч вещей”), которая была популярна в древнекитайской философии. Вместе с тем это может быть альтернативной версией тонг-биан как способа понимания идеи коммунизма К. Маркса — датонг (大同), что означает жизнь в гармоничном сосуществовании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Добренков В.И., Кравченко А.И. Фундаментальная социология: В 15 т. Т. 7. М., 2005.

REFERENCES

- China Central Television (CCTV). News. 2017.24.05. 19:00.
China Central Television (CCTV). News. 2018.10.07. 19:20.
Dirlik A. Mao Zedong and “Chinese Marxism” // *Companion Encyclopedia of Asian Philosophy* / Ed. by B. Carr, I. Mahalingam. L.; N.Y., 1997. P. 600–620.
Dirlik A. The discourse of Chinese Marxism // *Modern Chinese Religion* / Ed. by J. Lagerwey. Leiden, 2016. P. 302–365.
Dobren'kov V.I., Kravchenko A.I. Fundamental'naya sociologiya [Fundamental Sociology]: V 15 t. T. 7. M., 2005 (in Russian).
Fewsmith J. Xi Jinping's fast start // *China Leadership Monitor*. 2013. Summer. N 41.
Gore L.L.P. The social transformation of the Chinese Communist Party: prospects for authoritarian accommodation // *Problems of Post-Communism*. 2015. N 62 (4). P. 204–216.

Hayes A. Interwoven “Destinies”: The significance of Xinjiang to the China dream, the belt and road initiative, and the Xi Jinping Legacy // *Journal of Contemporary China*. 2020. Vol. 29. N 121. P. 31–45.

Hu Daping. Marx in China // *Socialism and Democracy*. 2010. N 24 (3). P. 193–194.

Liu J. Selection of China’s top leadership cadre: the roles of supreme leaders, factional networks, and candidate attributes // *Journal of Current Chinese Affairs*. 2022. Vol. 51 (2). P. 219–240.

Ma J., He X. The Chinese Communist Party’s integration policy towards private business and its effectiveness: an analysis of the Ninth National Survey of Chinese private enterprises // *Chinese Journal of Sociology*. 2018. Vol. 3. Iss. 3. P. 422–449.

Salomon D. West-Östlicher Marxismus. Entgegnung auf Chenshan Tian // *Das Argument*. 2006. N 268. P. 193–194.

The Third Revolution: Xi Jinping and the New Chinese State. N.Y.; Oxford, 2018.

Tian Ch. Chinesische Dialektik: die historische Entwicklung des Marxismus in China // *Das Argument*. 2006. N 268. P. 184–192.

Wen M.Y. The dynamics of sustainable regime continuity of China // *Chinese Studies*. 2018. N 7. P. 59–71.

Xu Chenggang. The fundamental institutions of China’s reforms and development // *Journal of Economic Literature*. 2011. N 49 (4). P. 1076–1151.

Yu Wujin. Yishixingtai lun [意识形态论] [On Ideology]. Beijing, 1993. P. 124–129 (in Chinese).

Zhu Xi. Zhuzi yulei [朱子语类] [Classified Conversation of Master Zhu]. Beijing, 1986 (in Chinese).

DOI: 10.24290/1029-3736-2023-29-3-220-240

ДИАЛЕКТИКА СИ ЦЗИНЬПИНА И КИТАЙСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ: ТЕОРИЯ, ОСОБЕННОСТИ И ПРАКТИКА

Ли Чжожу, асп. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*, редакционный директор Ассоциации мировой политической экономики (Китай)

После XX Всекитайского съезда КПК реализация “китайской модернизации” была определена в качестве центральной цели КПК в новейший исторический период. В этом процессе рост руководящей роли КПК в КНР является объективным правилом для достижения этой цели. Это объясняется тем, что социалистическое строительство не является стихийным, а является результатом сознательной и целенаправленной деятельности трудящихся масс. История показала, что только Коммунистическая партия может руководить сознательной и творческой деятельностью трудового народа. В рядах Коммунистической партии находятся лучшие представители рабочего класса, трудового народа, а партия в целом вооружена знанием объективных законов общественного развития. Руководящая роль КПК достигается также за счет постоянного усиления ее влияния на созидательную деятельность масс в идеологическом, политическом и организационном плане. И диалектической логикой этого является диалектика идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новую эпоху, также известная как диалектика Си Цзиньпина. Данная статья представляет собой исследование этого вопроса и имеет значение для соответствующих исследований в российской науке.

Ключевые слова: диалектика Си Цзиньпина, китайская модернизация, история развития диалектики, китайское общество, идея Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новую эпоху, модернизация китайской общественной науки.

XI JINPING'S DIALECTIC AND CHINESE MODERNISATION: THEORY, FEATURES AND PRACTICE

Li Zhuoru, PhD student, Department of Modern Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, Editorial Director of the Association for World Political Economy (China), e-mail: michailbogunov@yandex.ru

* Ли Чжожу, e-mail: michailbogunov@yandex.ru

After the 20th Party Congress of the Communist Party of China, the realization of “Chinese modernization” was identified as the central goal of the CPC in the latest period. In this process, the growth of the CPC’s leadership role in socialist China is an objective rule for achieving this goal. This is because socialist construction is not spontaneous, but the result of the conscious and purposeful activity of the working masses. History has shown that only the Communist Party can lead the conscious and creative activity of the working people. In the ranks of the Communist Party there are the best representatives of the working class, of the working people, and the Party as a whole is armed with knowledge of the objective laws of social development. The leadership of the Communist Party of China is also achieved by constantly strengthening its influence on the creative activities of the masses ideologically, politically and organizationally. And the dialectical logic of this is the dialectic of Xi Jinping’s thought on socialism with Chinese characteristics for a new era, also known as the Xi Jinping dialectic. This paper is a study of this, and has implications for the corresponding research in Russian scholarship.

Key words: *Xi Jinping’s Dialectic, Chinese modernization, history of dialectic development, Chinese society, Xi Jinping’s idea of socialism with Chinese characteristics in a new era, modernization of Chinese social science.*

Сегодня на планете происходят всемирно-исторические изменения: западные страны во главе с США находятся в упадке из-за конфронтационных противоречий, с которыми они сталкиваются внутри и вовне. Лицо мира меняется, и международное коммунистическое движение, сохранившееся с момента разрушения СССР, постепенно восстанавливается. Все происходит так, как и предвидели классики марксизма. Тот факт, что во всем мире изменилось соотношение сил между двумя системами, социализма и капитализма, оказал глубокое влияние на развитие современной истории, открыв новую эру в жизни человечества.

Марксизм-ленинизм утверждает, что империализм исторически обречен. И строительство нового мира — историческая миссия самого передового и организованного класса современности, рабочего класса и его авангарда. А творческое развитие марксистско-ленинской теории является источником силы Коммунистической партии и возглавляемого ею социалистического государства. “Новаторство — вечная тема развития философии и обществоведения, неизбежное требование общественного развития, углубления практики и продвижения истории для философии и обществоведения”¹. Знамя коммунизма находится в руках миллионов рабочих, крестьян и интеллигенции пролетариата. Под этим знаменем человечество движется к лучшему будущему, к миру, свободе и счастью. Такова воля народа и миссия истории.

¹ Си Цзиньпин. Речь на симпозиуме по работе философии и общественных наук. Пекин, 2016. С. 20.

И в XXI в. Социалистический Китай под руководством КПК во главе с товарищем Си Цзиньпином является ключом к этому историческому процессу. Данная статья представляет собой обзор и исследование диалектики развития китайского общества после XX съезда КПК с целью достижения китайской модернизации.

I. Концепция диалектики Си Цзиньпина и ее суть

Мы знаем, что исходным пунктом марксистской диалектики является признание постоянного порождения и развития явлений в материальном мире. Задача диалектики — раскрыть законы порождения и развития материи в ее различных формах и видах.

По определению В.И. Ленина, материалистическая диалектика является живой душой марксизма-ленинизма, фундаментальным методом понимания природы и общества с точки зрения постоянного развития. Только теоретическая мысль, вооруженная диалектическим материалистическим методом, может раскрыть глубокие противоречия буржуазного общества, предвидеть его неизбежную гибель, увидеть перспективу коммунизма и поставить политику и стратегию революционной борьбы рабочего класса на научную основу. История международного коммунистического движения и история международного рабочего движения доказывают, что «непреходящим в марксизме является его революционная диалектика, чуждая всякого схематизма, предусматривающая неизбежность различных форм и путей движения мировой истории, включая возможности видоизменения “обычного” исторического порядка»².

Классики марксизма-ленинизма глубоко изучали материалистическую диалектику как философскую науку, последовательно применяя ее в своей деятельности по руководству классовой борьбой пролетариата за свержение капитализма и борьбу за победу социализма. И в настоящее время применение материалистической диалектики к анализу процесса общественного развития имеет особое значение. КПК, возглавляемая Си Цзиньпином, уделяет пристальное внимание многочисленным парадигмам диалектики, возникшим в эпоху, начавшуюся после разрушения СССР. Это не результат каких-то случайных, демонстративных обстоятельств, а природа нынешней эпохи, эпохи тех фундаментальных качественных изменений и глубоких революционных преобразований, которые составляют содержание исторического всемирного перехода от

² Пономарев Б.Н. и др. Международное рабочее движение // Вопросы истории и теории. 1980. Т. 4. С. 605.

капитализма к социализму и коммунизму. Именно на этой основе родилась диалектика Си Цзиньпина.

В процессе изучения концепции и содержания диалектики Си Цзиньпина необходимо прояснить следующие концепции и содержание.

В.И. Ленин указывал на три элемента диалектики: “1) Определение понятия самого из себя, должна быть рассматриваема сама вещь в ее отношениях и в ее развитии; 2) противоречивость в самой вещи (das Andere seiner), противоречивые силы и тенденции во всяком явлении; 3) соединение анализа и синтеза”³. Конкретное рассмотрение диалектики Си Цзиньпина:

Во-первых, принципы и законы диалектики Си Цзиньпина, которая является результатом развития диалектики социализма, соответствуют основным принципам марксизма. Общественное развитие в КНР имеет свои особые закономерности, обусловленные тем, что социализм с китайской спецификой, являясь этапом коммунизма, также обязательно включает в себя характеристики, присущие всей коммунистической общественной форме. “Социализм с китайской спецификой — это социализм, а не какая-то другая теория. Основные принципы научного социализма не могут быть утрачены, ибо если они утрачены, то это уже не социализм”⁴.

В частности, после того как товарищ Си Цзиньпин на XIX съезде КПК заявил, что Китай вступил в новую эпоху, социальные связи и отношения коренным образом трансформировались, выявились новая динамика и источники общественного развития. В действие вступили общие законы диалектики, указывающие на количественные и качественные изменения в развитии природы и общественной жизни. Понимание связи между количеством и качеством важно не только для описания объективных процессов. Диалектическое понимание этой связи имеет огромное значение для последующей практической деятельности, для открытия и использования новых свойств и источников энергии в развитии природы и общества.

Мы знаем, что количественные и качественные обусловленности связаны с различными формами движения материи, различными уровнями структуры материи. Иными словами, при переходе материи с одного уровня структуры на другой, от одной формы движения к другой, всегда возникает новый характер и новая сила материи. И этот закон соблюдается и тогда, когда в ходе истории

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. М., 1969. С. 202.

⁴ Си Цзиньпин. О государственном управлении. Т. I. Пекин, 2014. С. 22.

происходят фундаментальные качественные изменения, т.е. переход от одной социальной структуры к другой, от одной формы к другой.

В сегодняшней КНР “социальная энергия” новой эры социалистического общества с китайской спецификой также начала великую и историческую работу по преобразованию мира. Социалистический Китай под руководством КПК, в центре которой стоит товарищ Си Цзиньпин, искоренил бедность внутри страны, а на международном уровне добился исторического примирения между Ираном и Саудовской Аравией. В будущем Китай, несомненно, достигнет новых амбициозных результатов — преобразит весь мир и поднимет человеческую цивилизацию на небывалую высоту. Факты показывают, что основным источником расцвета производительных сил в Китае при социалистической системе является общественное производство, выраженное в социалистической рыночной экономике под макрорегулированием государства в виде новых отношений, сформированных на базе системы общественной собственности как основы.

Во-вторых, центральной задачей диалектики Си Цзиньпина является изучение всего процесса развития, в котором количественные изменения и качественные изменения порождают новые черты социально-экономических и идеологических отношений. Изучение новых источников творчества, инициативы масс и нового потенциала роста производительных сил имеет первостепенное значение для Китая после XX съезда КПК, а основная цель — модернизация Китая.

Мы знаем, что главное оружие, с помощью которого социализм побеждает и в конечном итоге выигрывает гонку против капитализма, — это новая экономическая система и новая система общественных отношений. Именно в этой системе заложен безграничный потенциал прогресса, невозможного в буржуазном обществе. Поэтому изучение нового образа жизни, новых двигателей и источников социального прогресса, новых стимулов и методов повышения эффективности общественного производства, более высоких форм организации экономики и управления — основная задача организации социалистической экономики.

Причем диалектика Си Цзиньпина характеризуется не только характером динамики, но и новыми типами противоречий, новыми формами и способами их разрешения. В КНР в целом исчезают антагонистические противоречия. Конечно, закон единства и борьбы противоположностей, как всеобщий закон диалектики, действует и в социалистическом обществе с китайской спецификой. И со-

циально-политическое единство в современном китайском обществе ни в коем случае не означает, что не может быть противоречий и борьбы противоположностей. Это означает, как отметил генеральный секретарь КПК Си Цзиньпин, что мы всегда должны “предотвращать превращение локальных проблем в глобальные, а неантагонистических противоречий — в антагонистические, и сосредоточиться на снижении возникновения внутренних противоречий среди трудового народа в самом их источнике”⁵. Однако в отличие от США и других западных стран, в китайском обществе закон единства и борьбы противоположностей проявляется другими новыми чертами, которые принципиально отличаются от его проявления при капиталистической системе и в других формах классового противостояния. В частности, в современном китайском обществе появились понятия “оппозиция”, “противоречие”, “единство противоположностей”, “борьба противоположностей” и др. Другими словами, их конкретное применение в социалистическом обществе с китайской спецификой в новую эпоху отличается как от капиталистической системы, так и от других стадий социализма. И это касается также путей, форм и методов разрешения конкретных противоречий. В социалистическом обществе с китайской спецификой в новую эпоху преодоление противоречий приведет к укреплению социально-политической целостности общества, которая станет движущей силой общественного развития. В этом и заключается особенность социалистического общества с китайской спецификой в новую эпоху — противоречия разрешаются на стадии различия, т.е. до того, как они превратятся в социальные конфликты. Этот закон проявляется также в ослаблении возможностей использования принудительных средств разрешения противоречий. А это начало исполнения предсказания К. Маркса о том, что когда в обществе перестанут существовать классы и классовые антагонизмы, “социальные эволюции перестанут быть политическими революциями”⁶.

Конечно, диалектика Си Цзиньпина, будучи эффективным инструментом для понимания мира в современном КНР и трудового народа Китая, также подверглась критике со стороны некоторых партий и людей в мировом социалистическом движении. Например, марксистские партии в лице Коммунистической партии Греции, придерживающейся классического марксизма, считают, что постановка материальных интересов, и особенно прибыли, во главу

⁵ Си Цзиньпин. Чжицзян Синъюй. Чжэцзян, 2007. С. 238.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Полн. собр. соч. Т. 4. М., 1955. С. 185.

угла экономического развития является признаком реставрации капитализма. Однако она доказала, что игнорирует тот факт, что такие факторы, как “фактор рынка” и “фактор прибыли”, являются лишь особенностями определенного общества. Социалистический же Китай считает, что такие факторы, как “рыночный фактор”, должны быть использованы в максимально возможной степени и управляться рычагами социалистической экономики. Иными словами, при наличии новых источников развития, новой динамики и новых стимулов нельзя игнорировать и старые формы. А по сути, речь идет о том, что диалектику не следует понимать вульгарно и метафизически. Верно и то, что диалектика развития не является вечным противостоянием антагонистических элементов. И “именно в этих элементах воплощены основные принципы научного социализма в новых исторических условиях, и если они будут утрачены, то это будет вовсе не социализм”⁷.

В то же время необходимо отметить, что диалектика Си Цзиньпина также воплотила исторический опыт развала СССР и развивает на его основе марксистскую теорию классов. А именно, китайские коммунисты считают, что классовые противоречия все еще сохраняются в социалистических обществах. Вся история со времен Великой Октябрьской социалистической революции доказывает, что борьба между двумя социальными системами и двумя системами мышления никогда не прекращалась. Подрыв социалистических стран и восстановление капиталистической системы в этих странах всегда были общими стратегическими целями империалистических стран. Это означает, что хотя классовая борьба сегодня не является основным элементом политической жизни Китая, она все еще имеет потенциал для усиления.

В-третьих, важнейшей методологической особенностью диалектики Си Цзиньпина является то, что противоречия разрешаются в пользу субъекта. Причем этим субъектом является не отдельный класс или социальная группа, а общество в целом. Гибкий и мобильный социальный контроль, построенный на марксистско-ленинских принципах, реакция на существующие или вновь возникающие противоречия, своевременный выбор средств и методов их разрешения — все это значительно ограничивает роль стихийных механизмов их разрешения, делая целенаправленной и конструктивной всю деятельность общества, рабочего класса и его Коммунистической партии как ведущей силы.

⁷ Си Цзиньпин. Избранные труды. Т. 1. Пекин, 2023. С. 76–77.

Это означает, что субъективно-позитивный подход к конкретным процессам действительности в объективном мире является важнейшей задачей диалектического анализа. Это также является требованием для объединения субъективной и объективной диалектики. Китайский философ-марксист Ли Да в свое время отмечал в этой связи, что “диалектика природы и диалектика общества — это объективная диалектика; отражение объективной диалектики в мышлении — это субъективная диалектика”⁸. “Субъективная диалектика — это сознательное отражение объективной диалектики, и субъективная диалектика должна соответствовать объективной диалектике”⁹. И классики марксизма-ленинизма показали замечательный пример использования диалектики для анализа закономерностей природной и социальной действительности. Этот метод характеризуется тем, что противоречия рассматриваются не в их фиксированном и неподвижном состоянии, а в их движении и развитии, ибо именно оно является ключом к их разрешению. Из анализа тех или иных явлений К. Маркс, Ф. Энгельс, В.И. Ленин и И.В. Сталин делали определенные политические и тактические выводы. И именно анализ движения противоречий раскрывает взаимопревращение противоречий, взаимосвязь внутренних и внешних противоречий, антагонистических и неантагонистических противоречий, характер тенденций противоречий и пути их преодоления. Это подтверждает вывод о том, что диалектика используется не для сбора и классификации противоречий, а для предписания императивов общественного развития.

В новую эпоху социалистического общества с китайской спецификой диалектика стала инструментом для понимания социальных явлений благодаря своему позитивному подходу к проблеме противоречий. И именно таким образом диалектика может быть использована для того, чтобы увидеть проблемы, стоящие за противоречиями в реальности. Мы знаем, например, что в китайских научных кругах широко распространено мнение, что противоречие между быстро растущими материальными и духовными потребностями и недостаточным уровнем производственного развития является основным противоречием социалистического общества с китайской спецификой. Но должно быть ясно, что это противоречие является особым законом социалистического общественного развития только в том случае, если оно базируется на следующих условиях:

⁸ Ли Да. Полн. собр. соч. Т. 12. Пекин, 2016. С. 70.

⁹ Там же. Т. 20. С. 111.

Это противоречие нельзя путать с исторически неизбежным явлением более низкого уровня потребления масс в эксплуататорских обществах. Ибо если путать, то есть риск принять явление недостаточного удовлетворения потребностей людей за законы социализма.

Мы знаем, что развитие производительных сил никогда не было основой исторического прогресса. Но на протяжении всей истории противоречие между производством и потребностями не исчезало, а обострялось.

Ф. Энгельс в этой связи отмечал: «Недопотребление масс есть необходимое условие всех основанных на эксплуатации форм общества, а следовательно, и капиталистической формы общества; но только капиталистическая форма производства доводит дело до кризисов»¹⁰.

Даже в самых развитых капиталистических странах рост производства сделал правящий класс богатым, несмотря на то что уровень жизни большинства населения повысился. И они добились этого за счет эксплуатации народных масс этих стран и ограбления населения менее экономически развитых зависимых стран, что привело к падению уровня их потребления.

Социализм же устраняет эту форму противоречия между производством и потреблением. При социалистической системе по мере развития производства постепенно повышается и уровень потребления масс. Это особенно ярко проявляется в социалистическом обществе с китайской спецификой в новое время.

Кроме этого, действуют следующие условия. 1. Это противоречие является частным выражением противоречия между производительными силами и производственными отношениями в социалистическом обществе. 2. Пока существует противоречие между растущими потребностями народа и существующим уровнем производства, достигнутым обществом, сохраняется возможность возникновения того или иного противоречия между индивидуальными интересами трудящихся и интересами общества в целом.

В целом, результаты экономического развития современного социалистического общества с китайской спецификой знаменуют собой новый этап в развитии производительных сил. Однако после создания мощной индустриальной системы с полным набором категорий дальнейший ускоренный рост производства не может быть предусмотрен без повышения качественных показателей работы народного хозяйства в целом и повышения экономической эффек-

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Полн. собр. соч. Т. 20. М., 1961. С. 297.

тивности общественного производства. А объективная диалектика развития социалистической экономики требует дальнейшего перехода на новый этап, на этап дальнейшего развития производительных сил, и этот этап покажет все превосходство социалистической системы, позволит доказать, что социализм может быть в авангарде технического прогресса и производить продукцию самого высокого качества во всех областях.

И это теоретическая характеристика диалектики Си Цзиньпина.

II. Диалектика Си Цзиньпина как диалектическая логика китайской модернизации — марксистская диалектика XX в.

Диалектика, как известно, утверждает, что общественные явления должны рассматриваться в историческом отношении, а сама диалектика претерпевает значительные изменения в ходе истории, в процессе постоянного развития и обогащения. Если материализм неизбежно должен менять свою форму с каждым эпохальным развитием естественных наук, с каждой новой эпохой в истории человечества, то это в полной мере относится и к диалектике.

Диалектика социализма с китайской спецификой возникла на основе развития диалектики социализма. Мы знаем, что, по словам В.И. Ленина, диалектика “рассматривает общество как живой организм, находящийся в постоянном развитии”¹¹. Это означает, что общество, как и живая материя, представляет собой целостную, органическую систему жизни и движения, которая характеризуется собственным постоянным обменом веществ и постоянным материальным обменом с внешней средой. Развитие общества является “естественноисторическим процессом”¹². Согласно марксистской диалектике, все есть процесс, имеющий свои этапы, последовательность, структуру, внешние условия и внутренние связи, и формируется на этой общей основе как закономерное диалектическое движение. Социализм не является ни фиксированным и жестким организмом, ни организмом без существенных характеристик и внутренних оснований, которые могут быть субъективно изменены по желанию человека. Поэтому исторический процесс от социализма в целом к социализму с китайской спецификой является неизбежной тенденцией развития от общей диалектики к диалектике социализма с китайской спецификой, а также естественным историческим процессом развития живого социалистического организма.

¹¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 1. М., 1967. С. 165.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. М., 1960. С. 10.

“Китайская модернизация” и ее диалектические принципы были выдвинуты в качестве главного теоретического утверждения генеральным секретарем Си Цзиньпином в политическом докладе на XX съезде КПК. Доклад “Китайская модернизация” был представлен как крупное теоретическое обоснование нового скачка в китаизации марксизма. В своем политическом докладе на XX съезде КПК, генеральный секретарь Си Цзиньпин отметил, что “С нынешнего момента центральная задача КПК — это спланировать и вести за собой многонациональный народ страны в осуществлении намеченной к столетию КНР цели полного построения модернизированной социалистической державы, во всестороннем продвижении процесса великого возрождения китайской нации с помощью китайской модернизации”. И далее: “На основе длительных поисков и практики со дня образования Нового Китая, особенно со времени проведения политики реформ и открытости, благодаря осуществлению инновационных прорывов в теории и на практике после XVIII съезда партии нам удалось продвинуть китайскую модернизацию и расширить ее масштаб”¹³. “Китайская модернизация” является прямым отображением и логическим результатом “диалектики китайской модернизации” в объективном мире, а “диалектикой китайской модернизации” является “диалектика Си Цзиньпина”.

И диалектика Си Цзиньпина, как диалектика китайской модернизации, лучше всего характеризуется как инновация в условиях китайских особенностей. Генеральный секретарь Си Цзиньпин утверждает, что “Китайская модернизация — это социалистическая модернизация, осуществляемая под руководством КПК. Она обладает как общей характеристикой модернизации различных стран мира, так и китайской спецификой, базирующейся на собственных национальных реалиях”¹⁴. Постичь китайские специфики, значит, постичь суть диалектики инноваций, постичь на основе материалистического взгляда на историю. Суть новаторства диалектики Си Цзиньпина заключается в историческом и продолжающемся преодолении четырех уровней материалистической диалектики — старой материалистической диалектики, советской марксистской диалектики, диалектики мысли Мао Цзэдуна и социалистической теоретической диалектики с китайской спецификой. И все четыре уровня являются конкретным выражением диалектического развития процесса модернизации во всем мире. Следовательно, это

¹³ Си Цзиньпин. Высоко неся великое знамя социализма с китайской спецификой, сплоченно бороться за всестороннее строительство модернизированного социалистического государства // Жэньминь жибао. 2022. 26 окт. С. 1.

¹⁴ Там же.

требует всестороннего и глубокого понимания исторической и диалектической логики диалектического новаторства Си Цзиньпина, понимания правильности и неизбежности диалектического новаторства Си Цзиньпина в марксистской диалектике с точки зрения системы противоречий в процессе модернизации и инновационных путей их разрешения. Как известно, китайская модернизация — центральная задача КПК в исторический период после XX съезда КПК. Китайская модернизация имеет как общие черты, присущие модернизации во всех странах, так и китайские специфические черты, основанные на собственных национальных условиях. Более того, необходимо подчеркнуть, что четыре вышеупомянутых уровня диалектики являются не только объектами трансценденции диалектики Си Цзиньпина, но и ступеньками для непрерывного развития диалектики Си. Каждый из этих четырех уровней диалектики является историческим объектом логики диалектического развития в процессе модернизации под категорией всемирной истории. И диалектика Си Цзиньпина постоянно трансцендирует их, но это не означает их полного растворения как такового, а скорее их оставление в процессе исторического трансцендирования диалектикой Си Цзиньпина, их существование по-новому, т.е. их превращение в новые формы выражения с помощью диалектики Си Цзиньпина. И решающим среди них является трансценденция диалектики Си Цзиньпина над советской марксистской диалектикой и теоретической диалектикой социализма с китайской спецификой.

Во-первых, диалектика Си Цзиньпина является инновационной в своем преодолении советской марксистской диалектики. В частности, в истории поиска пути китайской модернизации советский путь модернизации был самым важным фактором, который привел к появлению китайского пути. Товарищ Мао Цзэдун однажды справедливо заметил, что “Путь Советского Союза, путь Октябрьской революции в своей основе является общей светлой столбовой дорогой развития всего человечества”¹⁵. “Идти по пути русских — таков был наш вывод”¹⁶. В частности, влияние советского процесса модернизации на процесс модернизации китайского образца проявилось в трех направлениях: во-первых, Великая Октябрьская социалистическая революция под руководством В.И. Ленина сломала модель мирового пути модернизации, в которой доминировала логика западного капитала, и создала социалистический путь модернизации.

¹⁵ Мао Цзэдун. Произведения. Т. 7. Пекин, 1999. С. 314.

¹⁶ Мао Цзэдун. Избранные труды. Т. 2. Пекин, 1986. С. 677.

Другими словами, советский путь модернизации, проложенный Октябрьской революцией, стал всеобъемлющим руководством и ориентиром для поиска китайского пути модернизации. Во-вторых, на заре социалистического Китая “однобокость” его внешней политики позволила китайской компартии перенять основной дух советского пути модернизации — “Советская власть плюс электрификация всей страны”. Коммунистическая партия с марксизмом-ленинизмом в качестве руководящей идеологии была централизованным и единым лидером модернизации социалистического государства. Черты модернизации, общие для Китая и СССР, — государственная власть, в центре которой находится трудовой народ, полное установление социалистической системы, основанной на общественной экономике, ликвидация классовой эксплуатации и классового угнетения. Эти общие важные черты модернизации, выходящей за рамки западного подхода, руководствующегося диалектикой идеализма. В-третьих, чтобы прорвать экономическую блокаду западного империализма и гегемонии, СССР оказал большую материальную помощь современному развитию Китая, что в значительной степени продвинуло процесс модернизации Китая.

После третьего пленума ЦК КПК 1979 г. товарищ Дэн Сяопин, который в то время председательствовал в ЦК КПК, официально предложил стратегическую идею “На пути к китайской модернизации”¹⁷, ознаменовавшую начало реформ и открытости, построения социализма с китайской спецификой, который успешно преодолел советский путь модернизации, руководствуясь советской марксистской диалектикой, отказался от противоречий, присущих советскому пути модернизации, и трансформировал их. После XX съезда КПК эта трансценденция получила дальнейшее воплощение в идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новую эпоху и его диалектике. В частности, есть два аспекта: во-первых, идея китайской модернизации превзошла советскую марксистскую диалектику с точки зрения научного, современного и всеобъемлющего смысла ее целей. “Четыре всеобъемлющих принципа”¹⁸ и “Пять в одном”¹⁹, занимающие важное место в

¹⁷ Дэн Сяопин. Избранные труды. Т. 2. Пекин, 1994. С. 163.

¹⁸ Это идеологическая формула и программа социального развития Китая, выдвинутая председателем КНР Си Цзиньпином в декабре 2014 г. Она состоит из четырех направлений: всестороннего построения среднезажиточного общества, всестороннего углубления реформ, всестороннего верховенства закона в стране и всестороннего соблюдения строгой партийной дисциплины.

¹⁹ Общая схема “пять в одном” означает строительство “пять в одном” экономики, политики, культуры, общества и экологической цивилизации, которое должно продвигаться всесторонне.

диалектике Си Цзиньпина, всесторонне объясняют цель модернизации — “богатство и сила, демократия, цивилизация, гармония и красота”. Это самая богатая и всеобъемлющая интерпретация Си Цзиньпином модернизации с точки зрения социализма с китайской спецификой в новую эпоху, диалектики марксизма XXI в., полностью трансформирующего и преодолевающего исторические ограничения советской марксистской диалектики. Во-вторых, в ходе дальнейших всеобъемлющих реформ и открытости Си Цзиньпин систематически преобразовал теоретическую систему советского пути модернизации, которая больше не подходила для развития производительных сил и практики под его руководством, и на этой основе нашел практический путь для освобождения и развития производительных сил и содействия всестороннему развитию модернизации. При этом основное внимание уделялось утверждению и усвоению положительной роли капитала и укреплению решающей роли социалистической рыночной системы хозяйства в распределении ресурсов. При углублении реформ и полном укреплении главной роли “экономики государственного сектора” энергично поощряется развитие “экономики негосударственного сектора”; в то же время при условии сохранения принципа распределения по труду допускается существование других форм экономического распределения, таких как распределение по факторам производства.

Во-третьих, диалектический подход Си Цзиньпина к диалектике социализма с китайскими особенностями является отражением его важности как еще одного теоретического скачка вперед в китайизации марксизма. Поскольку социализм с китайской спецификой вступает в новую эпоху, для разрешения противоречия между растущей потребностью народа в лучшей жизни и несбалансированным и неадекватным развитием, а также для достижения “великого омоложения китайской нации” необходимо вести “великую борьбу”, строить “великие проекты” и продвигать “великие начинания”. Вопрос времени, на который призвана ответить “Идея Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новую эпоху”, заключается в том, какой социализм с китайской спецификой поддерживать и развивать в новую эпоху, и как поддерживать и развивать социализм с китайской спецификой. После XVIII съезда КПК смело проводит теоретические исследования и применяет инновации, углубляет понимание законов правления Коммунистической партии, социалистического строительства и социального развития человека с новым видением, добивается крупных теоретических инноваций, которые

сконцентрированы в Докладе Си Цзиньпина. Если говорить о докладе “Идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новую эпоху” в целом, то он, во-первых, является важной частью теоретической системы социализма с китайской спецификой, обогащает и развивает теоретическую систему социализма с китайской спецификой и осуществляет новый скачок в китаизации марксизма; во-вторых, в философской составляющей “Идей...” нет разрыва между различными частями, нет противоречий и несоответствий между логикой и эпистемологией, характерных для немарксистских философских систем. Диалектика Си Цзиньпина — это метод, диалектическая логика и марксистско-ленинская эпистемология. Именно по этой причине философия социалистического общества с китайской спецификой в новую эпоху — этап, предложенный Си Цзиньпином в развитии марксистской философии, — полностью вышла за рамки философской системы прошлого. А единство и целостность ее принципов сделали ее самым острым теоретическим и идеологическим оружием китайского рабочего класса и его коммунистической партии.

В целом, понимание диалектики Си Цзиньпина, которая направляет достижение китайской модернизации, является диалектической логикой очередного скачка в развитии диалектики. Отсюда следует важный вывод: основное теоретическое новшество диалектики Си Цзиньпина нельзя понимать одномерно. Новаторство диалектики Си Цзиньпина является результатом противоречивой эволюции исторической логики диалектики и диалектической логики непрерывного трансцендентного развития; теоретическое новаторство диалектики Си Цзиньпина, полностью вбирая и обобщая рациональные элементы модернизации в историческом и мировом измерениях, потенциально содержит и недостатки, которыми обладали эти рациональные элементы, так что диалектика Си Цзиньпина, преодолевая недостатки исторической диалектики, имеет и негативный аспект саморазвития. Таким образом, чем больше объектов преодолевает диалектика Си Цзиньпина в качестве основной логики, направляющей модернизацию китайского стиля, тем богаче потенциальные риски и недостатки, которые она может накапливать и содержать; чем более продвинутой является диалектика Си Цзиньпина, тем больше она содержит элементов, которые были отринуты и преодолены на более низких уровнях. Иными словами, инновация и развитие диалектики Си Цзиньпина — это также процесс диалектического самоотречения, самодвижения и саморазвития на практике; диалектика Си Цзиньпина — это плод

векового исторического исследования КПК. В этом смысле можно сказать, что история диалектики Си Цзиньпина, возникшей и превзошедшей другие диалектики, — это история инноваций и отказа от противоречий, присущих другим диалектикам в столетней истории КПК.

III. Цель китайских общественных наук для китайской модернизации

После XX съезда КПК развитие общественных наук в Китае явно переживает творческую кульминацию. Это соответствует значению растущего объема научной теории для очень сложных и противоречивых процессов развития мирового общества. Развитие мирового общества в настоящее время происходит в контексте и в тесной связи с революционной трансформацией науки и техники. Процессы управления социальными явлениями и руководства становлением нового — социалистического и коммунистического — образа жизни в обществе не могут протекать гладко, если они не основаны на глубоком теоретическом осмыслении этих процессов.

КПК, как партия научного коммунизма, строит всю свою деятельность на прочном фундаменте марксистско-ленинской теории и считает своим важнейшим долгом постоянно и творчески развивать эту теорию.

Факты доказывают это. Достижения социалистического Китая под руководством КПК во внешней и внутренней политике были бы невозможны, если бы партия теоретически не осмыслила пройденный путь и не выявила объективные тенденции общественного развития, не изучила закономерности построения социализма с китайской спецификой в новое время. “Уровень развития страны зависит от уровня развития как естественных наук, так и философских и общественных наук”²⁰. Современная эпоха ставит перед теорией такие вопросы, решение которых кажется особенно очевидным в идеях Си Цзиньпина, предлагающих развитие марксистской теории. Это касается как фундаментальных проблем процесса общественного развития-модернизации, закона трансформации социализма в коммунизм, превращения мировой социалистической системы в определяющий фактор развития общества в целом, так и процессов, происходящих в естественных науках.

В этом контексте важно отметить следующее. В настоящее время в академических кругах существует мнение, что многие идеи

²⁰ Си Цзиньпин. Речь на симпозиуме по работе философии и общественных наук. Пекин, 2016. С. 2.

марксизма больше не актуальны для современных исторических условий, а идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новую эпоху являются в основном обобщением опыта модернизации Китая и не имеют универсального значения в международном контексте. Более того, ученые, придерживающиеся этой точки зрения, игнорируют объективные исторические факты и утверждают, что Китай в настоящее время практикует, по сути, государственно-капиталистическую, а не социалистическую систему. Такая точка зрения представляется неверной. Прежде всего потому, что современные ревизионисты не смеют открыто выступать против марксистской диалектики, а могут лишь объявить устаревшими те фундаментальные принципы, которые могут привести к наиболее революционным выводам на основе самих принципов, таких как закон единства и борьбы противоположностей, взаимосвязь эволюции и революции и т.д. Но материалистическая диалектика — это строгая и законченная система. Иными словами, любая попытка отменить какой-либо из законов этой системы по сути является нарушением принципов диалектики и науки. Канадский философ Джон Коэн также проанализировал причины критики марксистской диалектики этой частью ученых с позиций диалектической логики. Он утверждает, что из-за того, что западные академические круги придерживаются аналитического способа мышления, который полностью отличается от марксистской диалектики: «Аналитический способ мышления противоположен способу мышления, который традиционно связывают с марксизмом: аналитическое мышление, в широком смысле понимания “аналитического”, противоположно диалектическому способу мышления, и в узком смысле аналитические принципы мышления противоположны холистическим принципам»²¹. На этом основании Д.Е. Добринская делает вывод, что аналитическое мышление, распространенное в западном обществе, противоречит марксистской диалектике. Она пишет следующее: «Понимание “аналитического” в узком смысле характерно для сторонников методологического индивидуализма. Познание социальной реальности возможно лишь посредством анализа действий отдельных индивидов. Аналитический способ познания в широком смысле в трактовке Коэна означает отсутствие характерной формы марксистской логики и объяснения. В результате роль диалектики как исключительно метода объяснения социальной действительности отрицает-

²¹ *Cohen G.A. Karl Marx's theory of history: a defense. Princeton, 1978. P. 17.*

ся»²². Однако доказано, что Си Цзиньпин, будучи Генеральным секретарем ЦК КПК, основывал свое изучение теоретических вопросов не только на практическом опыте модернизации Китая, но и на опыте модернизации в других странах мира и исторических уроках общественного развития в каждой стране. Теоретические основы рассуждений Си Цзиньпина о строительстве социализма с китайской спецификой в новую эпоху достижения китайской модернизации являются тому примером.

Первое, что необходимо прояснить, это то, что Си Цзиньпин не просто может, а, скорее, даже должен анализировать и обобщать опыт одной страны, социалистического Китая, в современном контексте. Ведь в настоящее время в мире в целом сила капитализма опережает силу социализма. Но Си Цзиньпин всегда умел видеть общие закономерности в процессе модернизации китайского типа и анализировать эти закономерности, используя фундаментальные принципы марксистской теории. Объективный факт существования других путей модернизации, отличных от китайской модернизации, также доказал, что он не отменяет общие закономерности, выявленные Си, а скорее подтверждает, обогащает и конкретизирует их. Кроме того, как сказал сам Си Цзиньпин, «КПК объединит и поведет за собой китайский народ, чтобы всесторонне продвигать модернизацию в китайском стиле и внести новый вклад в исследование человечеством пути модернизации»²³.

Таким образом, этап марксизма, предложенный Си Цзиньпином, его обобщенные идеи о социализме с китайской спецификой в новую эпоху в объективном мире — это виртуозное использование объективных законов и свидетельство неотъемлемого превосходства социализма во всех сферах общественной жизни, направленные на достижение социально-экономических целей социализма. А для процесса модернизации китайской социальной науки следует сосредоточиться на совершенствовании диалектического подхода Си Цзиньпина. К. Маркс показал яркий пример использования и развития материалистической диалектики на примере буржуазного общества в своем основополагающем труде «Капитал». Сейчас, когда социалистическое общество с китайской спецификой вступило в новый социум, уже есть опыт мирового распространения социализма, материалистическая диалектика может быть эффективно

²² Добринская Д.Е. Современные направления в марксизме: аналитический марксизм // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 2. С. 61–74. DOI: <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2015-0-2-61-74>

²³ Си Цзиньпин. О государственном управлении. Т. IV. Пекин, 2022. С. 427.

развита в процессе изучения закономерностей становления более высокой общественной формы. Однако действительность еще требует более глубокой и конкретной формулировки диалектики производительных сил и производственных отношений, экономики и политики, базиса и надстройки, общественного бытия и общественного сознания в условиях социализма. Советский теоретик М.А. Сулов заметил по этому вопросу: “В действительности же специфика социализма в данном вопросе не в том, что этих противоречий нет, а в том, что они носят иной, неантагонистический характер и могут и должны разрешаться своевременно”²⁴. Вот в чем заключается вклад диалектики Си Цзиньпина: она помогает поднять на более высокий уровень научное представление о механизмах действия и использования системы объективных законов социалистического общества.

Это также подсказывает направление модернизации общественных наук в Китае. Иными словами, модернизация китайского обществоведения должна быть посвящена следующим вопросам: пути и перспективы сочетания научно-технической революции с социалистическим превосходством в построении материальной базы более высокой ступени общества; процесс китайской модернизации и развитие мировоззренческой основы социалистического образования в этом процессе; тенденции, модернизация политического устройства государства и другие тенденции, модернизация политической структуры государства и т.д. Показано, что важнейшим направлением работы по модернизации общественных наук в Китае в настоящее время является проведение исследований закономерностей развития материально-технической базы для осуществления китайской модернизации, проблем, связанных с дальнейшим развитием социалистической экономики. Общим объектом изучения для всех китайских обществоведов являются социально-экономические аспекты научно-технической революции. Здесь исследователь сталкивается с рядом фундаментальных экономических, идеологических и социальных проблем, результаты решения которых возможны только при совместных усилиях представителей всех областей общественных наук. В то же время изучение насущных проблем социальной жизни начинает характеризоваться все большим вниманием к изучению конкретной социальной реальности. Это также соответствует требованиям марксизма: рост материальных возможностей должен постоянно сопровождаться повышением идейно-

²⁴ Сулов М.А. На путях строительства коммунизма. Речи и статьи. Т. 1. М., 1977. С. 393.

нравственного и культурного уровня людей. Иначе мы можем получить рецидивы мещанской, мелкобуржуазной психологии.

Таким образом, упорядоченная китайская модернизация под руководством диалектики Си Цзиньпина утвердила правильность идей марксизма-ленинизма в международном масштабе и, следовательно, вызвала углубление кризиса буржуазной идеологии.

Сегодня опережающее развитие Китая и всех социалистических стран не только ставит новые задачи перед марксистской философией, научным коммунизмом и политической экономией, но и дает богатый практический материал. Теоретическое обобщение этого материала обогатит всю общественную науку в плане понимания новых социальных форм, закономерностей передовых форм общественного прогресса, а также будет содействовать модернизации общественной науки.

В этом отношении нам предстоит пройти долгий путь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Добринская Д.Е. Современные направления в марксизме: аналитический марксизм // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 2. С. 61–74. DOI: <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2015-02-61-74>

Дэн Сяопин. Избранные труды. Т. 2. Пекин, 1994 (на китайском).

Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 1. М., 1967.

Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. М., 1969.

Ли Да. Полн. собр. соч. Т. 12. Пекин, 2016 (на китайском).

Ли Да. Полн. собр. соч. Т. 20. Пекин, 2016 (на китайском).

Маркс К., Энгельс Ф. Полн. собр. соч. Т. 4. М., 1955.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. М., 1960.

Маркс К., Энгельс Ф. Полн. собр. соч. Т. 20. М., 1961.

Мао Цзэдун. Избранные труды. Т. 2. Пекин, 1986 (на китайском).

Мао Цзэдун. Произведения. Т. 7. Пекин, 1999 (на китайском).

Пономарев Б.Н. и др. Международное рабочее движение // Вопросы истории и теории. 1980. Т. 4.

Си Цзиньпин. Чжичэян Синъюй. Чжэцзян, 2007 (на китайском).

Си Цзиньпин. О государственном управлении. Т. I, IV. Пекин, 2014 (на китайском).

Си Цзиньпин. Речь на симпозиуме по работе философии и общественных наук. Пекин, 2016 (на китайском).

Си Цзиньпин. Высоко неся великое знамя социализма с китайской спецификой, сплоченно бороться за всестороннее строительство модернизированного социалистического государства // Жэньминь жибао. 2022. 26 окт. (на китайском).

Си Цзиньпин. Избранные труды. Т. 1. Пекин, 2023 (на китайском).

Суслов М.А. На путях строительства коммунизма. Речи и статьи. Т. 1. М., 1977.

REFERENCES

- Cohen G.A.* Karl Marx's theory of history: a defense. Princeton, 1978. P. 17.
- Deng Xiaoping.* Izbrannye Trudy [Selected works]. T. 2. Pekin, 1994 (in Chinese).
- Dobinskaya D.E.* Sovremennye napravleniya v marksizme: analiticheskij marksizm [Modern trends in Marxism: analytical Marxism] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2015. N 2. S. 61–74. DOI: <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2015-0-2-61-74> (in Russian).
- Lenin V.I.* Poln. sobr. soch. [Full coll. op.]. T. 1. M., 1967 (in Russian).
- Lenin V.I.* Poln. sobr. soch. [Full coll. op.]. T. 29. M., 1969 (in Russian).
- Li Da.* Poln. sobr. soch. [Full coll. op.]. T. 12. Pekin, 2016 (in Chinese).
- Li Da.* Poln. sobr. soch. [Full coll. op.]. T. 20. Pekin, 2016 (in Chinese).
- Marks K., Engel's F.* Poln. sobr. soch. [Full coll. op.]. T. 4. M., 1955 (in Russian).
- Marks K., Engel's F.* Soch. [Op.] T. 23. M., 1960 (in Russian).
- Marks K., Engel's F.* Poln. sobr. soch. [Full coll. op.]. T. 20. M., 1961 (in Russian).
- Mao Zedong.* Izbrannye Trudy [Selected works]. T. 2. Pekin, 1986 (in Chinese).
- Mao Zedong.* Proizvedeniya [Works]. T. 7. Pekin, 1999 (in Chinese).
- Ponomarev B.N.* i dr. Mezhdunarodnoe rabochee dvizhenie [International labor movement] // Voprosy istorii i teorii. 1980. T. 4 (in Russian).
- Suslov M.A.* Na putyah stroitel'stva kommunizma. Rech' i stat'i [On the path of building communism. Speeches and articles]. T. 1. M., 1977 (in Russian).
- Xi Jinping.* Chzhiczyan Sin'yuj [Zhijiang Xingyu]. Chzheczyan, 2007 (in Chinese).
- Xi Jinping.* O gosudarstvennom upravlenii [On public administration]. T. I, IV. Pekin, 2014 (in Chinese).
- Xi Jinping.* Rech' na simpoziume po rabote filosofii i obshchestvennykh nauk [Speech at a symposium on the work of philosophy and the social sciences]. Pekin, 2016 (in Chinese).
- Xi Jinping.* Vysoko nesya velikoe znamya socializma kitajskoj specifikoj, splochenno borot'sya za vsestoronnee stroitel'stvo modernizirovannogo socialisticheskogo gosudarstva [Carrying high the great banner of socialism with Chinese characteristics, unitedly fight for the comprehensive construction of a modernized socialist state] // Zhen'min' zhibao. 2022. 26 okt. (in Chinese).
- Xi Jinping.* Izbrannye Trudy [Selected works]. T. 1. Pekin, 2023 (in Chinese).